Епископ Еленопольский ПАЛЛАДИЙ

Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2003.

Содержание

Предуведомление к изданию на русском языке
Предисловие
Письмо, писанное епископом палладием правителю Лавсу
Об Исидоре-страннoприимце
О Дорофее
О Потамиене
О слепце Дидиме
Об Александре
О сребролюбивой девственнице
О нитрийских подвижниках
Об Аммуне
Об Оре
О Памво
О Пиоре
Об Аммонии
О Вениамине
Об Аполлонии
О Паисии и Исаии
О Макарии, совершившем невольное убийство
О Нафанаиле
О Макарии Египетском
О Макарии Александрийском
О Марке
О Моисее Ефиоплянине
О Павле Фермейском
О Евлогии и увечном
Сказание блаженного Антония
О Павле ПрОстом
О Пахоне
О Стефане
О Валенте
Об Эроне
О Птоломее
О девственнице иерусалимской
О девственнице Пиамун

О Пахомии и живших с ним
Об авве Аффонии
Об оклеветанной девственнице
О юродивой девственнице
О Питириме
Об Иоанне Ликопольском
Сказание аввы Иоанна о брате покаявшемся
Другое сказание аввы Иоанна о падшем и покаявшемся
О Пимении
Об авве Аммоне
Об авве Вине
Об авве Феоне
Об авве Илии
Об авве Аполлосе
Об авве Аммуне
Об авве Коприи пресвитере
Об авве Сурусе
Об авве Исаии
Об авве Павле
Об авве Анувии
Об авве Эллине
Об авве Апеллесе пресвитере
Об авве Иоанне
Об авве Пафнутии
О мучениках Аполлонии и Филимоне
Об авве Диоскоре пресвитере
О нитрийских монахах
Об авве Аммонии
Об авве Исидоре
Об Аммоне
Об авве Иоанне
Об авве Питирионе
Об авве Евлогии пресвитере
Об авве Серапионе пресвитере
О Посидонии
О Серапионе
О некоем манихее
О Домнине
О римской девице
О Евагрии, знаменитом диаконе
Об авве Пиоре
О Моисее Ливийском
Об авве Хронии
Об авве Иакове
Об авве Пафнутии
О Херемоне
О падшем Стефане
О Соломоне
О Дорофее
О Диокле
О Капитоне
О тщеславном отшельнике
О Ефреме
О Юлиане
Об Иннокентии
Об Адолии
Об Аврaамии
Об Элпидии
Об Энезии
О Евстафии

О Сисинии
О Гаддане
Об Илии
О Савватии
О Филороме
О Севериане
Об Элеимоне монахе
О Виссарионе
О Мелании
О Руфине
О Мелании
О Мелании младшей
Об Альбине
О Пиниане
О Паммахии
О Макарии и Константине
О Евстохии
О Венерии
О Феодоре
Об Усии
Об Адолии
О Вазианилле
О Фотине
Об Азелле
Об Авите
О Магне
О девственнице, укрывшей блаженного Афанасия
Об Аматалиде
О девственнице Таоре
Об одной девственнице и Коллуфе
Об оклеветавшей одного чтеца
О Сальвии
Об Олимпиаде
О Кандиде
О Геласии
О Юлиании
Рассказ Ипполита, друга апостольского
О Магистриане
О жене одного сановника
О некоем жившем со мною брате
Заключение
Примечания

Предуведомление к изданию на русском языке

Писатель этой книги Палладий, родом галатянин, сперва путешествовал несколько лет по разным странам Египта, потом отправился в Палестину, откуда прибыл в Вифинию, где рукоположен был в епископа Еленопольского и имел близкое общение со святым Иоанном Златоустом. Но, защищая святителя от нападений врагов его, он сам принужден был скрываться одиннадцать месяцев в уединенной келии. После того был он в Риме. Все означенные путешествия Палладия, как можно видеть из содержания книги, относятся ко времени с 388 до 404 года по Рождестве Христовом.

В продолжение сих путешествий Палладий с большим усердием собирал сведения о жизни святых и блаженных отцов и некоторых жен и собранные сведения предложил в этой книге, как сам говорит в Предисловии, «для возбуждения ревности к подражанию в мужах, желающих вести жизнь небесную… и в пример любви к Богу для жен, хотящих украситься венцом воздержания и чистоты».

Эта книга написана по желанию и убеждению (как видно из Предисловия) одного знаменитого мужа, занимавшего при императорском византийском дворе весьма важную

должность, по имени Лавса, поэтому и книга посвящена сочинителем ему же и от имени его получила наименование «Лавсаик».

Сократ в четвертой книге своей «Церковной истории», сказавши кратко о египетских отцах, желающим более знать о них указывает на книгу, написанную Палладием, и говорит так: «Кто хочет знать, как они (отцы египетских пустынь) жили, что делали, что говорили на пользу слушающих, как им повиновались и звери,– есть особая книга, составленная монахом Палладием, учеником Евагрия. В этой книге он предложил подробные сведения о них, упоминает и о женах, по своей жизни подобных тем мужам, о коих выше сказано».

Православная Церковь дает свое свидетельство о важности сей книги для чад ее тем, что издревле постановила правилом на утрени Великого поста из числа четырех положенных чтений заимствовать два чтения из «Лавсаика» во все дни Святой Четыредесятницы, кроме суббот и воскресений.

Предисловие

В этой книге описаны добродетельное подвижничество и чудный образ жизни блаженных и святых отцов-монахов и отшельников пустынных для возбуждения ревности к подражанию в мужах, желающих вести жизнь небесную; также описаны воспоминания о женах-старицах и богоугодных матерях, с мужественною ревностию подъявших труды добродетельного подвижничества, в пример любви к Богу для жен, хотящих украситься венцом воздержания и чистоты,– описаны по желанию одного достопочтеннейшего мужа, и по уму многосведущего, и по нраву тихого, и по сердцу благочестивого, и к нуждающимся в необходимом щедрого, и за честность нравов возведенного на самый верх достоинств, предпочтительно пред многими отличными мужами, и несомненно хранимого силою Духа Божия. Он поручил нам, а лучше, если сказать правду, медлительный на созерцание лучшего ум наш возбудил к соревнованию и подражанию подвижническим добродетелям преподобных и бессмертных духовных наших отцов, поживших в угождении Богу и в великом изнурении тела,– поручил, чтобы мы, описав жизнь непобедимых подвижников, послали это описание к нему с изображением строгих добродетелей каждого из сих великих мужей. Любитель этого богоугодного и духовного желания есть отличнейший муж Лавс, по воле Божией поставленный хранителем богопросвещенного и благочестивого царства.

Я, и необразованный языком, и слегка только вкусивший духовного знания, и недостойный описывать духовную жизнь святых отцов, убоявшись важности поручения, превышающего мои силы, не хотел было принять его, так как оно требует и внешней мудрости, и духовного ведения, но, уважив, во-первых, добродетельную ревность побудившего нас к сему труду, приняв также во внимание и пользу читателей и боясь подвергнуться опасности даже за благовидное непослушание, я приписал наперед это важное поручение Промыслу Божию и, употребив со своей стороны великое тщание, окрыляемый предстательством святых отцов, вступил в подвиги сего поприща. Однако ж описал, как бы в сокращении, только самые высокие дела и знамения доблестных подвижников и великих мужей, и не только знаменитых мужей, проводивших отличную жизнь, но и блаженных и честных жен, подвизавшихся в высоком житии. Священнолепные лица некоторых из них удостоился я видеть сам лично, а небесную жизнь других, уже совершившихся на поприще благочестия, узнал от богоносных подвижников Христовых. Для благочестивой цели с великим усердием обошел я пешком многие города и весьма многие села, также пещеры и все пустынные кущи иноков. И после того, как иное сам я увидел и описал, а другое услышал от святых отцов, изобразив в этой книге подвиги великих мужей и упованием на Христа победивших природу жен, посылаю сие описание к любящему слово Божие слуху твоему, украшение наилучших и боголюбезных мужей и слава вернейшего и боголюбезного царства, искренний и христолюбивый раб Божий Лавс!

Со свойственною мне краткостию начертал я знаменитое имя каждого из подвижников Христовых – мужей и жен, потом из многих и весьма великих подвигов каждого рассказал только о немногих и весьма кратко, а у большей части из них означил и происхождение, и город (отечественный), и место жительства. Упомянул я и о тех мужах и женах, которые, достигши до самой высокой добродетели, по высокомерию и тщеславию низверглись в самую глубокую бездну, на дно адово, и приобретенные долговременными и многими трудами достолюбезные и великих усилий стоившие совершенства

подвижнические от гордости и надмения потеряли в одно мгновение, но благодатию Спасителя нашего, и попечительностию святых отцов, и состраданием духовной любви исхищены из сетей диавола и по молитвам святых возвратились к прежней добродетельной жизни.

Письмо, писанное епископом палладием правителю Лавсу

Хвалю твое желание; ты достоин, чтобы начать письмо к тебе похвалою, потому что, когда все заняты суетными вещами, от которых не получат они пользы, ты собираешь книги и хочешь учиться. В учении не нуждается один только Бог всяческих, ибо Он самобытен и другого не было прежде Его, а все прочее имеет нужду в учении, потому что сотворено и создано. Первые чины ангельские имеют своим наставником Всевышнюю Троицу, вторые – поучаются от первых, а третьи – от вторых и так далее по порядку, до последних. Совершеннейшие в знании и добродетели учат несовершенных в познании.

Итак, думающие о себе, что не имеют нужды в наставниках, недугуют невежеством, которое есть мать гордости, поэтому они не покоряются тем, кои с любовию учат их. Таким людям предшествуют на пути к погибели за этот же недуг изринутые из небесного жительства демоны, так как и они отвергли небесных наставников.

Но предмет учения должны составлять не слова и склады – такое учение бывает иногда и у самых худых людей,– а добрые качества нрава: беспечалие, безбоязненность, негневливость и дерзновение во всем, которое и слова делает пламенем огненным. Если бы не так было, Великий Учитель не сказал бы Своим ученикам: *…научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Так, Он учил апостолов не красноглаголанием, а благим нравом и никого не огорчал, кроме ненавидевших учение и учителей.

Итак, душа, которая подвизается о Христе, должна или сама верно изучить то, чего она не знает, или других ясно учить тому, что узнала. Если она не делает ни того ни другого, то болит неразумием. Начало отпадения – пресыщение наставлением и отвращение от учения, которого всегда алчет душа боголюбивого. Прощай и будь здоров, а что всего больше – да дарует тебе Бог познание Христово.

Об Исидоре-странноприимце

Сначала пришел я в город Александрию, во второе консульство великого царя Феодосия (ныне за свою правую веру во Христа пребывающего со Ангелами), и в этом городе встретил мужа дивного по жизни, украшенного всеми совершенствами – и словом, и нравом, и ведением. То был пресвитер Исидор, странноприимец Александрийской Церкви. Первые годы юности, говорят, провел он в пустыне в трудах подвижничества. Видел я и келию его в горе Нитрийской. Ему было лет семьдесят, когда я пришел к нему. Проживши еще пятнадцать лет, он скончался в мире.

Сей святой муж до самой кончины своей не носил льняной одежды, кроме покрова на голове, не ходил в баню, не касался мяса, никогда не вкушал пищи до сытости. А между тем, по милости Божией, тело его было так полно, что все, кто не знал жития его, думали, что он живет весьма роскошно. Если б стал я рассказывать подробно о каждой добродетели, то у меня недостало бы времени для рассказа. Он был так кроток, человеколюбив и миролюбив, что самые враги его, которых он имел по причине своей правой веры во Христа, уважали, можно сказать, тень сего мужа за чрезвычайную его доброту. А духовную благодать святой муж сей имел столь великую и такое ведение Священного Писания и разумения божественных догматов, что даже во время трапезы, в часы, когда с братиею, по обыкновению, принимал пищу, ум его приходил в восторг и уединял его. Когда его просили рассказать, что было во время этого восторга, он говорил: «Я странствовал мыслию, быв восхищен таким-то созерцанием». Я и сам часто видел, как он плакал во время трапезы. На вопрос мой о причине слез он отвечал: «Стыдно мне, разумному созданию, питаться бессловесною пищею; мне бы следовало быть в раю сладости и там насыщаться нетленною снедию, по данной нам от Христа власти».

В Риме он был известен всему сенату и женам вельмож с того времени, как приходил

В Риме он был известен всему сенату и женам вельмож с того времени, как приходил туда, сперва с Афанасием Великим, а потом со святым Димитрием епископом. Он хотя имел большое богатство и изобилие в потребностях житейских, но пред смертию не написал завещания. И сестрам своим, девицам, не оставил ни денег, ни вещей, а поручил их Христу сими словами: «Бог, сотворивший вас, дарует вам и потребное для жизни, как и мне даровал». С сестрами жили в одной обители семьдесят дев.

О Дорофее

Когда еще в молодости пришел я к нему (Исидору) и просил преподать мне первоначальное наставление в монашеской жизни,– между тем как мне по пылкости возраста нужны были не слова, а труды телесные и изнурение плоти,– он, как искусный укротитель молодых коней, выведши меня в так называемые пустынные келии верст за пять от города, поручает Дорофею, одному подвижнику Фивейскому, жившему около шестидесяти лет в пещере, и приказывает мне пробыть при нем три года для укрощения страстей моих (он знал, что старец сей ведет самую суровую жизнь), а по истечении трех лет опять возвратиться к нему для дальнейшего духовного наставления. Но я не мог прожить у него трех лет: сильная болезнь заставила меня оставить его раньше определенного срока.

Жизнь его была самая суровая, многотрудная и строгая. Целый день, и в самый зной полуденный, собирая камни в пустыне приморской, он постоянно строил из них келии и потом отдавал их тем, которые сами не могли строить, и таким образом каждый год строил по келии. Однажды я сказал сему святому мужу: «Что ты делаешь, отец, в такой старости убивая свое тело на жару такими трудами?». Он отвечал мне: «Оно убивает меня, а я буду убивать его». Съедал он унций шесть хлеба в день и связочку овощей да выпивал воды несколько. Бог свидетель, не видывал я, чтобы он протянул ноги или лег спать на рогоже или на постели – всю ночь, бывало, сидит и вьет веревки из финиковых ветвей, из которых плел корзины на покупку хлеба себе. Думал я, что, может быть, он при мне только начал вести такую строгую подвижническую жизнь, и тщательно стал расспрашивать у многих учеников его, всю ли жизнь он так подвизается (из них иные жили отдельно друг от друга и сами уже славились добродетелию). Они сказывали мне, что он с юности жил так, никогда не ложился спать, а только разве во время работы или за столом смыкал на несколько минут глаза, так что от дремоты и кусок иногда выпадал у него изо рта. Однажды я понуждал сего святого мужа прилечь немного на рогожу; он огорчился и сказал мне: «Уговори сперва Ангелов, чтобы они уснули когда-нибудь, тогда уговоришь и ревностного подвижника».

Однажды он послал меня часу в девятом на свой колодезь налить кадку, из которой все брали воду. Было уже время обеда. Пришедши к колодцу, увидел я на дне его аспида и, в испуге не начерпавши воды, побежал к нему с криком: «Погибли мы, авва: на дне колодца я видел аспида!». Он усмехнулся скромно, потому что был ко мне весьма внимателен, и, покачивая головою, сказал: «Если бы диаволу вздумалось набросать аспидов, или змей, или других ядовитых гадов во все колодцы и источники водные, ты не стал бы вовсе пить?». Потом, вышедши из келии, он сам налил кадку и первый тотчас испил воды, сотворивши крестное знамение над нею и сказавши: «Где крест, там ничего не может злоба сатаны».

О Потамиене

Блаженный Исидор-странноприимец рассказывал мне, что он, быв у святого и блаженного Антония, слышал от него нечто такое, что стоит записать. Именно: одна прекрасная лицом девица, Потамиена, во время Максимина-гонителя была рабою у какого-то сластолюбца. Господин долго старался обольстить ее различными обещаниями, но не мог. Наконец, пришедши в ярость, он представил ее тогдашнему александрийскому префекту как христианку, которая хулит настоящее правительство и царей за гонения, и обещал ему довольно денег за наказание ее. «Ежели ты,– говорил он,– убедишь ее согласиться на мое желание, то не предавай ее истязанию, а, когда она по-прежнему будет

согласиться на мое желание, то не предавай ее истязанию, а, когда она по-прежнему будет оставаться непреклонною, умори ее в мучениях». «Пусть же,– говорил он,– живая не смеется над моею страстию».

Привели мужественную девицу пред судилище и начали терзать тело ее разными орудиями казни, в то же время и уговаривали ее различными словами, но она оставалась непоколебимою в своей душе, как стена. Тогда судия избирает из числа орудий казни самое страшное и мучительное: он приказывает наполнить большой медный котел смолою и поджечь его сильнейшим огнем. Когда смола стала клокотать и кипеть, безжалостный судия обращается к блаженной девице и говорит: «Или ступай покорись воле твоего господина, или знай – я прикажу бросить тебя в этот котел». Потамиена отвечала: «Можно ли быть таким несправедливым судиею, чтобы приказывать мне повиноваться сладострастию?». Разъяренный судия повелевает раздеть ее и ввергнуть в котел. Тогда она вскрикнула и сказала: «Заклинаю тебя жизнью императора, которого ты боишься,– прикажи по крайней мере не раздевать меня, если ты уже присудил мне такую казнь, а вели понемногу опускать в смолу, и ты увидишь, какое терпение даровал мне Христос, Которого ты не знаешь». Таким образом, ее понемногу опускали в котел в продолжение часов почти трех, пока она не испустила дух, как скоро смола уже захватила у нее горло.

О слепце Дидиме

В Церкви Александрийской тогда было много святых мужей и жен, усовершившихся в добродетели и достойных наследовать «землю кротких». В числе их подвизался и блаженный писатель Дидим, совсем слепой. Я сам видел его раза четыре, когда назад тому лет десять ходил к нему. Он скончался восьмидесяти пяти лет. Слепцом сделался он, как сам мне рассказывал, еще по четвертому году, грамоте не учился и никаких учителей не знал: свой природный ум был для него верным наставником. Он украсился такою благодатию духовного ведения, что на нем самым делом исполнилось сказанное: *Господь умудряет слепцы* (Пс. 145, 8). Книги Ветхого и Нового Завета знал он все до слова, а догматы изучал так тщательно и учение, в них содержащееся, излагал так тонко и основательно, что ведением превзошел всех древних.

Однажды он заставлял меня сотворить молитву в своем доме, и как я не хотел, то он рассказал мне вот что: «В эту келию три раза входил блаженный Антоний посетить меня, и, когда я предлагал ему сотворить молитву, он тотчас преклонял колена в сей самой келии, не дожидаясь, чтобы я повторил приглашение,– так он научил меня послушанию самым делом. И ты, если последуешь его житию, как монах и пришелец ради добродетели, брось всякое упрямство».

Он же рассказывал мне еще следующее: «В один день я размышлял о жизни гонителя, несчастного царя Юлиана. Мне так было грустно от этих мыслей, что я ничего не вкушал до позднего вечера. И вот, сидя на скамье, заснул я и вижу в видении: мимо меня скачут на белых конях всадники и кричат: “Скажите Дидиму – сего дня, в седьмом часу, Юлиан скончался; встань и ешь и пошли весть епископу Афанасию на дом, чтобы и он узнал об этом”». «Я заметил,– сказал Дидим,– час и день, неделю и месяц – так и оказалось».

Об Александре

Рассказывал мне этот писатель Дидим об одной служанке, по имени Александра. Оставив город, она заключилась в гробнице и получала что нужно через отверстие, а сама не показывалась на глаза ни мужчинам, ни женщинам лет около десяти. В десятое лето почив, сия блаженная, говорят, сама себя приготовила к погребению. Женщина, которая к ней ходила, пришедши по обыкновению, не получила ответа и сказала нам об этом. Мы отправились, открыли вход в пещеру гроба, вошли туда и увидели, что она почила.

Говорила нам о ней и приближенная Мелания Римляныня, о которой в свое время и в своем месте расскажу. «Не могла я,– говорит она,– видеть сию блаженную в лице, но, ставши у отверстия, просила ее открыть причину, по которой оставила она город и заключила себя во гробе. Она отвечала мне через отверстие: “Один человек сходил с ума по мне. Чтобы не огорчать и не бесчестить его, я лучше решилась заключить себя живою в

этой гробнице, нежели соблазнить душу, созданную по образу Божию". Когда я сказала ей: "Как же ты, раба Христова, выносишь это, что совсем никого не видишь, а одна ратуешь против скорби и помыслов?"– она отвечала: "С самого утра, часа до девятого, я молюсь и с час пряду лен, в остальные часы припоминаю себе сказания о вере святых отцов и патриархов, о подвигах блаженных апостолов, пророков и мучеников. Когда наступает вечер, я, принесши славословие Господу моему, ем свою долю хлеба, а ночь всю провожу в молитве, ожидая конца своего, когда разрешусь отселе с благою надеждою и явлюсь лицу Христову"».

Расскажу теперь и о тех, которые, имея вид благочестия, жили в небрежении о душе своей,– расскажу к похвале усовершившихся в добродетели и для предостережения читателей.

О сребролюбивой девственнице

В Александрии была одна девственница – впрочем, по имени только, ибо хотя имела наружность смиренную, но в душе была скупа, сварлива и до крайности пристрастна к деньгам, больше златолюбивая, нежели христолюбивая: из своего имущества никогда не подавала она ни одного овола ни страннику, ни бедному, ни монаху, ни девственнице, ни несчастному, ни в церковь. Несмотря на многие увещания святых отцов, она не свергала с себя тяжести богатства. Были у нее и родные, и она взяла к себе на воспитание дочь сестры своей. Ей-то день и ночь обещала она свое имущество, отвергшись сама небесной любви. А и это есть одно из обольщений диавола, что он порождает в человеке недуг любостяжания под предлогом родственной любви.

О родстве у него совсем нет заботы – это видно из того, что он научил братоубийству, матере-убийству и отцеубийству, как известно из Священного Писания. Иногда кажется, он побуждает пещись о родных, но делает сие не по благорасположению к ним, а для того, чтобы увлечь душу к неправедному делу, верно зная сказанное – *неправедницы Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9). Кто водится духовным разумением и Божественною любовию, тот может, и не оставляя попечения о своей душе, помогать родным в нуждах и доставлять им различные пособия, но, кто всю душу свою поработил заботе о родных, тот подлежит суду закона за то, что мало ценил свою душу. И священный псалмопевец Давид так поет о тех, которые пекутся о душе в страхе Божием: *Кто взыдет на гору Господню* (вместо того, чтобы сказать: редкий), *или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всуе душу свою* (Пс. 23, 3–4). А приемлют всуе душу свою те, кои думают, будто она разрушается вместе с этою плотию, и не радят о добродетелях духовных.

Сию девственницу, носившую только это имя, а нравом чуждую подвижничества, захотел излечить от недуга любостяжания святейший Макарий, пресвитер и надзиратель богадельни для увечных, и придумал следующее средство. Надобно заметить, что в молодости своей он обделывал камни. Вот он, пришедши к ней, говорит: «Попались мне дорогие камни – изумруды и яхонты; краденые они или купленные, не умею сказать, только эти камни бесценные. Хозяин продает их за пять сотен червонцев. Если тебе угодно купить их, дай мне эти деньги. Камни ты можешь употребить на наряды для своей племянницы». Девственница, всею душою привязанная к племяннице, обрадовавшись случаю нарядить ее, падает в ноги Макарию и говорит: «Сделай милость, не отдавай их никому!». Святой муж приглашает ее к себе. «Дойди,– говорит,– до моего дома и посмотри камни». Но она не захотела этого и тут же отдала ему пять сотен червонцев, говоря: «Прошу тебя, достань их, как хочешь: мне не хочется видеться с человеком, который продает их». Святой Макарий, взяв от нее пять сотен червонцев, употребил их на нужды богадельни.

Прошло много времени, а девственница стыдилась напомнить ему о камнях, потому что этот муж пользовался в Александрии большим уважением, как старец весьма благочестивый и милостивый (он жил около ста лет, и я еще застал его в живых). Наконец, нашедши его в церкви, говорит ему: «Что ж те камни, за которые мы дали пять сотен червонцев?». Он отвечал ей: «В тот же самый день, как ты дала мне деньги, я и заплатил их за камни, и, если хочешь увидеть их, пойди в мой странноприимный дом – там лежат эти камни. Посмотри, понравятся ли они тебе; в противном случае возьми свои деньги назад». Девственница пошла с радостию.

Странноприимный дом имел два отделения: в верхнем помещались женщины, а в нижнем – мужчины. Когда она пришла к дому, святой вводит ее в ворота и говорит: «Что угодно тебе сперва видеть – яхонты или изумруды?». «Что хочешь»,– отвечает она. Макарий повел ее наверх и, указывая на женщин увечных, слепых, сказал ей: «Это вот яхонты!». Потом свел ее вниз и, указывая на таких же мужчин, сказал: «А это изумруды! И я полагаю, что драгоценнее этих нигде не найти! Если они не нравятся тебе, возьми свои деньги назад». Пристыженная, девственница вышла и, пришедши домой, занемогла от великой печали, потому что сделала доброе дело не по любви к Богу, а против воли. После, когда девица, о коей заботилась она, по выходе замуж умерла бездетною и когда она уже сама стала употреблять свое имущество как должно, она благодарила старца.

О нитрийских подвижниках

Посетив многих святых и прожив года три в монастырях около Александрии, где видел до двух тысяч великих весьма ревностных и доблестных мужей, украшенных всякою добродетелию, я оттуда пошел в Нитрийскую гору. Между этою горою и Александриею находится озеро, называемое МариÀ. Оно простирается миль на семьдесят. Переплыв его, через полтора дня пришел я к горе со стороны полуденной; к сей горе прилежит большая пустыня, простирающаяся даже до Ефиопии, Мазиков и Мавритании. По горе живет до пяти тысяч мужей, которые ведут различный образ жизни – кто как может и хочет, так что можно там жить по одному, и по двое, и многим вместе. У них семь пекарен, в которых готовят хлебы и для себя, и для отшельников, удалившихся в большую пустыню, числом до шестисот. Прожив в сей горе целый год и получив великую пользу от блаженных и преподобных отцов, каковы Арсисий Великий, Путуваст, Агион, Хроний и Серапион, я, возбужденный многими их рассказами о древнейших духовных отцах, пошел в самую глубину пустыни.

В этой горе Нитрийской только одна церковь, весьма обширная. Подле церкви находится странноприимный дом, в котором содержат странника во все время пребывания его в горе, хотя бы оно продолжалось два или три года, пока он не захочет оставить гору. Ему дозволяют жить без дела только одну неделю, а в следующие дни ему дают дело или в саду, или в пекарне, или на поварне. Если же странник – человек знатный, то ему дают читать книги, но беседовать ни с кем не дозволяют до шестого часа дня. В этой горе живут и врачи и аптекари. Употребляют здесь и вино и продают его. Платье себе делают все сами, своими руками, так что в этом отношении они не знают нужды. По наступлении вечера можно стать и слышать в каждой келии хвалебные песни и псалмы, воспеваемые Христу, и молитвы, воссылаемые на Небеса,– иной подумал бы, что он восхищен и перенесся в рай сладости. В церковь собираются только по субботам и по воскресным дням. При этой церкви восемь пресвитеров, но, доколе жив первый пресвитер, прочие не служат, не судят и не говорят поучений, а только совосседают с ним в безмолвии.

Великий Арсисий и с ним многие другие святые старцы, которых мы видели, были современниками блаженному Антонию. Из них Великий Арсисий сам мне рассказывал, что он знал и Аммуна Нитрийского, душу которого видел Великий Антоний, когда ее приняли Ангелы и возносили на Небо. Говорил он еще, что знал и Пахомия Тавеннского, имевшего дар пророческий и бывшего архимандритом трех тысяч мужей. О его добродетелях расскажу после.

Об Аммуне

Арсисий Великий сказывал мне, как жил Аммун. Оставшись после родителей сиротою, он на двадцать втором году от роду принужден был своим дядею вступить в супружество. Не могши противиться настоятельному требованию дяди, он решился обвенчаться, сидеть при брачном торжестве и выполнить все брачные обряды. Но, как скоро вышли все провожавшие их в брачный покой, блаженный Аммун запирает дверь и, севши, начинает беседовать с блаженною своею супругою и говорит ей: «Приди сюда, госпожа и сестра моя, я поговорю с тобою. В браке нашем особенно хорошего ничего нет. Так, хорошо мы сделаем, ежели с нынешнего же дня станем спать порознь. Сохраняя

таким образом девство свое неприкосновенным, мы угодим и Христу». Вынув потом из-за пазухи Библию, он как бы от лица апостолов и Самого Спасителя начал читать ее юной девице, незнакомой с Писанием, изъясняя ей большую часть прочитанных мест своим богопросвещенным умом, и наставлял ее в девственной и непорочной жизни, так что она, исполнившись благодатию Христовою, сказала: «И я, господин мой, решилась с радостию проводить святую жизнь и буду делать все, что повелишь мне». «Я повелеваю и прошу,– отвечал он,– чтобы каждый из нас отселе жил особо». Но это еще было тяжело для нее, и она сказала: «Останемся в одном доме, только ложе у нас будет раздельное». Так жил он с нею в одном доме лет восемнадцать.

День весь работал в саду и в бальзамовой роще (он занимался добыванием бальзама). Бальзамовый куст растет так же, как виноград, и, для того чтобы его возделывать и ходить за ним, требуется много трудов. Повечеру, пришедши домой и помолившись, он вместе с супругою вкушал пищу, потом возносил ночные молитвы и совершал молитвословия, а весьма рано поутру уходил в свой сад. Когда таким образом оба они достигли бесстрастия – молитвы святого Аммуна воздействовали,– наконец блаженная и говорит ему: «Я имею нечто сказать тебе, господин мой; если ты меня послушаешь, я удостоверюсь, что ты меня истинно по Богу любишь». Он сказал ей: «Говори, что ты хочешь сказать». Она продолжала: «Ты муж благочестивый и подвизаешься в правде, и я ревную житию твоему; точно, нам лучше жить особо; многие получат от сего пользу. А теперь, когда ты непорочно живешь со мною о Господе, столь великое твое совершенство любомудрия от всех сокрыто из-за меня; это неблагоразумно». Поблагодарив ее и воздав хвалу Богу, Аммун говорит ей: «Хорошо ты вздумала, госпожа и сестра моя; если тебе угодно, оставайся ты в этом доме, а я пойду построю себе другое жилище».

Разлучившись с нею, он пошел внутрь Нитрийской горы – на ней в то время не было так много монастырей,– построил себе двухэтажную келию, и, прожив еще двадцать два года в пустыне и достигши до высоты подвижнической добродетели, святой Аммун скончался или, лучше, почил в монашеской жизни шестидесяти двух лет от роду. Со своею супругою виделся он в год два раза.

Когда он жил уже один в Нитрийской горе, рассказывают, принесли к нему скованного цепями отрока, находившегося в бешенстве, которое открылось в нем от укушения бешеною собакою. От несносной боли отрок всего себя искусал до крови. Святой Аммун, видя родителей его, пришедших просить о сыне, сказал им: «Что вы меня утруждаете, требуя того, что превышает мои силы? У вас в руках готова помощь! Вознаградите вдовицу, у которой вы тайно закололи вола, и отрок ваш будет здоров». Пораженные уликою, они с радостию исполнили, что было велено. И по молитве Аммуна отрок стал здоров.

Однажды несколько человек пришли к нему чтобы его видеть. Святой муж, испытывая их, сказал: «Привезите мне одну бочку воды, чтобы у меня ее довольно было для принятия приходящих». Они обещали привезти бочку. Но, вышедши из келии, один из них стал жалеть, что дал обещание, и говорит другому: «Не хочу губить своего верблюда: он падет, если везти на нем бочку». Услышав это, другой запряг своих ослов и с большим трудом ввез бочку в гору. Аммун шел навстречу и спрашивает его: «Отчего это пал верблюд твоего товарища в то самое время, как ты шел сюда?». Тот, возвратившись, действительно увидел, что верблюда растерзали гиены.

Много и других чудес совершил муж сей. О следующем чуде его рассказывает блаженный Афанасий Александрийский в описании жития Антониева. Однажды ему нужно было перейти чрез реку Ликон с Феодором, учеником своим, а раздеться он стыдился, чтобы не увидеть своей наготы. Находясь в таком раздумье, он вдруг явился на той стороне реки, как бы в исступлении перенесенный Ангелами. Братия же переплыли реку. Когда он пришел к Антонию, то Антоний первый ему стал говорить: «Бог открыл мне многое о тебе и о твоем преставлении возвестил мне. Потому я и приглашал тебя к себе так настоятельно, чтобы, видя друг друга, мы могли взаимно помочь один другому». Он указал ему жилище в одном самом уединенном месте и просил не уходить отсюда до преставления. И когда Аммун скончался в своем уединении, блаженный Антоний видел, как Ангелы возносили душу его на Небо. Таковы жизнь и кончина Аммуна. Та река Ликон есть не что иное, как глубокий рукав огромного Нила, и мне даже в лодке страшно было переправляться чрез нее.

Об Оре

В сей же горе Нитрийской был чудный подвижник по имени Ор. В его монастырях было до тысячи братий. Вид имел он ангельский. Ему было девяносто лет от роду, но тело его ничего не потеряло: лицо у него было светлое и бодрое и с первого взгляда оно внушало почтение к себе. Сначала долгое время подвизался он в дальней пустыне, но впоследствии основал монастыри в ближней и на месте болота развел деревья, тогда как тут их совсем не было, так что в пустыне разросся густой лес. Жившие с ним отцы сказывали нам, что там даже и куста не было, когда этот муж пришел сюда из пустыни. Развел он этот лес для того, чтобы братиям, собиравшимся к нему, не было нужды ходить по сторонам за необходимыми припасами; о них он прилагал всякое попечение, молился Богу и сам трудился ради их спасения, дабы у них не было недостатка ни в чем необходимом и чтобы никакого предлога не имели они к нерадению.

Сначала, живя в пустыне, он питался травами и сладкими кореньями, воду пил, когда находил, и все время проводил в молитвах и пении. Когда же достиг глубокой старости, явился ему в пустыне Ангел во сне и сказал: «Ты будешь в язык великий, и великое множество людей будет вверено руководству твоему. Спасется чрез тебя десять тысяч, и все, сколько ты приобретешь здесь, будут повиноваться тебе в будущем веке. Оставь всякое сомнение,– продолжал Ангел,– в необходимых потребностях не будет у тебя недостатка до самой смерти твоей, когда только ни призовешь Бога». Выслушав слова сии, он пошел в ближнюю пустыню и, выстроив себе небольшую хижинку, жил в ней сначала один, довольствовался одними овощами, да и тех вкушал в неделю часто только по однажды.

Он был совсем неученый, но по выходе из пустыни в населенное место ему дана была от Бога такая благодать, что он наизусть знал Священное Писание. Когда братия подавали ему Библию, он тотчас начинал читать, как грамотный. Получил он и другую благодать: именно власть изгонять бесов, так что многие из одержимых ими громко проповедовали о его житии, хотя он и не хотел того. Совершил он много и других исцелений. Поэтому стеклись к нему три тысячи монахов. Видев их, он радостно приветствовал и лобызал их. Сам, своими руками умывал им ноги и потом предлагал поучение.

В Писании он был весьма сведущ, так как получил сию благодать от Бога. Изъяснив многие главы из Священного Писания и преподав православное учение о вере, он приглашал их к молитвословию, ибо великим мужам обычно не прежде приступать к плотской трапезе, как уже напитав свои души духовною пищею – эта пища есть принятие Тела Христова. По приобщении и по принесении Богу славословия Ор приглашал братий к трапезе, а сам во время стола предлагал добрые и полезные наставления и беседовал с ними о спасении.

Он славился и своею распорядительностию. Так, множеству монахов, которые собирались к нему, он в один день выстраивал келии. Для этого он созывал всю наличную братию, и один готовил у него глину, другой – кирпичи, иной черпал воду. Когда келии были готовы, приходящие получали от него все нужные вещи. Пришел к нему один лжебрат со своим собственным платьем, которое было у него спрятано, и Ор пред всеми обличил его. Оттого никто не смел лгать пред ним, ибо все знали, какую благодать приобрел он себе своею святою жизнию. Сонм монахов, когда они были с ним в церкви, подобился ликам Ангелов, хвалящих Бога.

Вся братия свидетельствует о его великих добродетелях, а особенно раба Божия Мелания, прежде меня приходившая в сию Гору. Сам я не застал его в живых. Рассказывая о великих совершенствах сего мужа, она говорила, что он не лгал и не божился, никого не злословил и без нужды никогда не говорил.

О Памво

В Нитрийской же горе жил блаженный Памво, учитель епископа Диоскора, Аммония и братьев Евсевия и Евфимия, также Оригена, племянника Драконтия, славного и дивного мужа. Множеством великих совершенств и доблестей украшался этот Памво. Но венцом великих совершенств его было такое презрение к золоту и серебру, какого требует слово Господне. Блаженная Мелания рассказывала мне, что она вскоре по прибытии из Рима в Александрию, услышав от блаженного пресвитера Исидора-странноприимца о

добродетельном житии Памво, в сопутствии самого Исидора отправилась к нему в пустыню. «Принесла я с собой,– говорила она,– ящичек с тремястами литр серебра и просила его принять это приношение от моих стяжаний. Он сидел и плел ветви и, не оставляя своей работы, дал мне только словесное благословение, сказав: “Бог наградит тебя”. Потом сказал эконому Оригену: “Возьми это и употреби на нужды братии, живущей в Ливии и по островам: сии монастыри скуднее прочих”. А из живущих в Египте братий никому не велел давать из этих денег, потому что страна сия, говорил он, плодороднее других».

«Я стояла,– говорит Мелания,– и ждала, что он почтит меня благословением или хотя слово скажет в похвалу за такое приношение, но, ничего не слыша от него, сама сказала ему: “Господин мой, да будет тебе известно, что серебра здесь триста литр”. Он и при этом не показал никакого внимания и отвечал мне, даже не взглянув на ящичек: “Дочь моя! Кому ты принесла это, Тому не нужно сказывать, сколько тут весу: Он взвесил горы и холмы поставил весом, тем паче знает вес твоего серебра. Если бы ты отдала его мне, то хорошо было бы сказать и о его количестве, но если ты принесла его Богу, Который не отвергнул и двух лепт, но еще оценил их дороже всех других приношений, то молчи и будь спокойна”».

«Так домостроительствовала благодать Господня,– говорила блаженная,– когда пришла я в Гору! По малом времени раб Божий почил без болезни и без всякого страдания телесного. Он плел корзину и послал за мною. Когда вплетен был уже последний прут, он сказал мне: “Возьми эту корзину из моих рук на память обо мне – другого ничего не могу оставить тебе”. Он отошел, предав дух свой Господу, без болезни семидесяти лет от роду. Обвив тело святого тонким полотном и положив его во гроб, я оставила пустыню, а корзину ту буду беречь у себя до самой смерти».

Говорят также, что Памво пред своею смертию, в самый час преставления, сказал стоявшим при одре его пресвитеру и эконому, Оригену и Аммонию, мужам известным по жизни: «С того времени, как, пришедши в эту пустыню, построил я себе келию и стал жить в ней, не провел я ни одного дня без рукоделия; не помню, чтобы когда-нибудь съел кусок хлеба, данный кем-нибудь даром; до сего часа не раскаиваюсь ни в одном слове, которое сказал я; и теперь отхожу к Богу так, как бы еще не начинал служить Ему». Рабы Христовы Ориген и Аммоний точно подтверждали это и сказывали нам еще, что, когда спрашивали Памво о чем-либо из Писания или касательно жизни, он никогда не отвечал на вопрос тотчас, но говорил, что еще не нашел ответа. Часто проходило месяца три, а он не давал ответа, говоря, что еще не знает, что отвечать. Памво из страха Божия был весьма осмотрителен в своих ответах, так что их принимали с благоговением, как бы изречения Самого Бога. Этою добродетелию, то есть осмотрительностию в слове, говорят, он превосходил даже Антония Великого и всех святых.

О Пиоре

Между прочими деяниями святого Памво рассказывают еще следующее. Однажды блаженный Пиор, подвижник, пришел в его келию со своим хлебом. Когда Памво упрекнул его, для чего он так сделал, Пиор отвечал ему: «Для того, чтобы тебе не быть в тягость». Памво молча отпустил его. Спустя несколько времени приходит Великий Памво в келию Пиора также со своим хлебом, который был уже и размочен у него. На вопрос Пиора, зачем он принес хлеб размоченный, Памво отвечал: «Чтобы и мне не быть тебе в тягость, я сам размочил хлеб».

Об Аммонии

Аммоний, бывший учеником Великого Памво, вместе с тремя другими братиями и двумя сестрами, достигши самой высокой степени боголюбия, поселились в пустыне и построили два особых монастыря: братья – мужской, а сестры – женский, на довольном расстоянии один от другого. Между тем Аммония в одном городе пожелали иметь епископом, ибо великий сей муж обладал ученостию необыкновенною. Посланные от города пришли к блаженному епископу Тимофею и просили его рукоположить им

города пришли к блаженному епископу Тимофею и просили его рукоположить им Аммония во епископа. «Приведите его ко мне,– отвечал епископ,– и я рукоположу вам его». Взяв с собою довольно людей, они пошли за ним. Но Аммоний бежал. Видя наконец, что его догоняют, он остановился и стал их упрашивать. Когда же те не слушали, он поклялся им, что не примет сана и не может оставить пустыню. Когда и это не подействовало, он при всех взял ножницы и совсем отрезал у себя левое ухо до корня, сказав: «Теперь вы должны увериться, что мне нельзя принять сана, к которому меня принуждаете, ибо закон повелевает не допускать того к священству, у кого отрезано ухо». После сего они, оставив его, ушли и, пришедши к епископу, рассказали об этом. Тот им говорит: «Закон этот пусть наблюдают иудеи, а ко мне ежели приведете хотя и безносого, только достойного по жизни, я рукоположу его». Граждане пошли опять упрашивать Аммония. Когда святой муж стал отказываться, они хотели было вести его насильно. Но он поклялся отрезать и язык у себя, если станут принуждать его. После этого его отпустили и ушли.

Пищу Аммония с молодых лет до самой кончины составляли сырые овощи: он не ел ничего готовленного на огне, кроме хлеба. Знал он все книги Ветхого и Нового Завета наизусть и многократно перечитал писания знаменитых мужей – Оригена, Дидима, Пиерия и Стефана. Об этом свидетельствуют и великие отцы пустыни. Рассказывают и о его пророчествах. Назидательнее его никто другой не был для братий, живших в пустыне. Блаженный Евагрий, муж духоносный и строгий в суждении, так отзывался о нем: «Не видывал я человека бесстрастнее его». Во время отбытия Великого Аммония в Константинополь по нуждам пустынножителей сей блаженный (Евагрий) по убеждению святых епископов, пришедших из разных областей, и здешних пустынников восприял от купели Святого Крещения Руфина, тогдашнего преторианского префекта, который сам много раз просил его об этом. Крещение совершено было в присутствии сих епископов в той церкви, которую построил сам Руфин для положения в ней святых, на самых гробницах. Во всем послушный преподобному Аммонию, Руфин почтил Евагрия достойно его святой жизни. Аммоний спустя немного времени почил и положен в храме, называемом Руфиновым. Его гробница, говорят, исцеляет от простуды.

О Вениамине

В той же горе Нитрийской был один чудный муж, по имени Вениамин. Его добродетельная жизнь продолжалась восемьдесят лет. За высокие подвиги в добродетели он удостоился дара исцелений, так что только возлагал на болящего руки или давал ему елея, им благословенного, и тот выздоравливал совершенно. И, несмотря на такой дар, за восемь месяцев до успения своего он сделался болен водянкою. Тело его так распухло, что по страданиям он был другим Иовом в наши времена. Епископ Диоскор, бывший тогда пресвитером горы Нитрийской, взявши нас, меня и блаженного Евагрия, сказал нам: «Подите посмотрите на нового Иова, который при такой болезни неисцельной сохраняет необыкновенное благодушие». Пришедши, мы взглянули на его тело – оно так опухло, что кистями обеих рук нельзя было охватить его мизинца. Не в силах будучи смотреть на такую страшную болезнь, мы отвратили от него глаза свои. Тогда блаженный Вениамин сказал нам: «Помолитесь, чада, чтобы не сделался болен мой внутренний человек. А от тела этого и когда был я здоров, не видел пользы, и, когда болен, не вижу вреда». В те восемь месяцев он постоянно сидел в стуле огромной широты, потому что лечь в постель не мог. И в таком неисцелимом недуге он еще врачевал других от различных болезней.

Я нарочно рассказал о болезни сего святого, чтобы нам не казалось странным, если видим, что и праведных мужей постигает иногда бедствие. Когда сей великий муж скончался, то вынули порог и косяки у дверей, чтобы можно было вынести тело из келии – так опухло тело блаженного и досточтимого отца Вениамина.

Об Аполлонии

Некто именем Аполлоний, из купцов, отрекшись мира, поселился в горе Нитрийской. Так как по преклонности лет он уже не мог выучиться ни ремеслу, ни чтению, то в продолжение двадцатипятилетнего пребывания в горе подвизался таким образом: покупая в Александрии на свои деньги, приобретенные собственными трудами, всякие врачебные и келейные потребности, он снабжал ими всю братию во время болезни. Бывало, с раннего

келейные потребности, он снабжал ими всю братию во время болезни. Бывало, с раннего утра до девятого часа дня ходит около обителей и монастырей по всем кущам, отворяет двери и смотрит, не лежит ли кто. С собою он носил изюм, гранатовые яблоки, яйца, пшеничный хлеб – все, что бывает нужно больному. Такой полезный образ жизни вел раб Христов до глубокой старости. Перед смертию он передал все свои вещи другому, подобному себе, упросив его проходить это служение. Так как в горе той живет до пяти тысяч монахов, то подобный присмотр и нужен в такой пустыне.

О Паисии и Исаии

Были два брата, по имени Паисий и Исаия. Отец у них был испанский купец. Разделив по смерти своего родителя оставшееся движимое имущество, которое заключалось в деньгах (пяти тысячах золотых монет), в одеждах и рабах, они стали рассуждать между собою и советоваться, какую избрать им жизнь. «Если станем продолжать торговлю,– говорили они,– которую вел отец наш, то и наши труды после нас останутся другим, не говоря уже об опасностях, которые можем встретить: нападут разбойники, поднимется на море буря. Пойдем лучше в монахи – тогда мы и от отцовского имения получим пользу, и душ своих не погубим». Намерение идти в монахи обоим понравилось, но в исполнении его они поступили неодинаково. Они разделили деньги и все прочее имущество – оба с тем намерением, чтобы угодить Богу, но различным образом жизни. Один все раздал на монастыри, церкви и темницы и, выучившись ремеслу для своего пропитания, посвятил себя подвижничеству и молитве, а другой, не истратив ничего на это, построил себе монастырь для небольшого числа братий, принимал странных, лечил больных, покоил престарелых, всякому бедному подавал милостыню, а по субботам и воскресеньям устроял три или четыре трапезы и угощал неимущих – вот на что иждивал он свое имущество!

Когда они оба скончались, братия, похваляя их житие, пришли в разногласие между собою, так как оба они были совершенны в добродетели. По мнению одних, выше была жизнь Паисия, который с самого начала отвергся всего, а по мнению других,– жизнь Исаии, который благотворил нуждающимся. Когда между братиями произошел спор о различии образа жизни сих блаженных, и особенно о том, кто больше достоин похвалы, они пошли к блаженному и святому Памво и, предложив ему на суд спор свой, просили сказать, чье житие совершеннее.

Памво говорит им: «Пред Господом оба равно совершенны: тот, который принимал всякого и покоил, совершал дело Авраама, а другой, для благоугождения Богу, возлюбил непреклонную ревность пророка Илии». Тогда одни стали говорить ему: «Припадаем к стопам твоим, скажи нам, как можно им быть равным?». Одни выше ставили подвижника и говорили, что он, продав все и раздав нищим, исполнил заповедь евангельскую и непрестанно подвизался в молитвах: всякий день, час и ночь нес крест, последуя Спасителю. А другие, напротив, говорили в пользу другого: «Помилуй, он показал столько милосердой любви ко всем нуждающимся – ходил по улицам и по дорогам, чтобы искать бедных, собирал их и всем довольствовал; таким образом, врачуя больных и помогая им, он успокоил не одну свою душу, но и души многих других». Блаженный Памво отвечал: «Опять скажу вам: оба равны пред Господом и обе стороны должны согласиться со мною. Паисий без столь высокого подвижничества не заслужил бы того, чтобы сравнивать его с благим Спасителем нашим. Исаия, который успокаивал странников и служил бедным, тоже по возможности уподобился Господу, Который говорит: *…не приидох, да послужат Ми, но послужити* (ср.: Мф. 20, 28). Исаия также служил, и хотя труды по видимому отягощали его, но вместе давали ему и успокоение. Подождите немного, чтобы мне получить откровение о них от Бога; придете после и узнаете».

По прошествии нескольких дней они опять пришли к великому отцу спросить о них. Блаженный сказал им в ответ, что видел их обоих стоящими вместе пред Богом в раю.

О Макарии, совершившем невольное убийство

Один юноша, по имени Макарий, лет восемнадцати от роду, пас скот близ озера, называемого Мариа, и, играя здесь со своими сверстниками, одного их них неумышленно

убил. Не сказав никому ни слова, он ушел в пустыню и жил здесь три года в таком страхе к Богу и людям, что оставался все это время без всякого крова и как бы не чувствовал этого,– а земля та сухая, как всем известно, кто там бывал по какому-либо случаю или жил. Наконец Макарий построил себе келию и, живши в ней еще двадцать пять лет, удостоился такой благодати, что находил услаждение в уединении и побеждал демонов. Долго с ним живя, я спросил у него, как он думает о грехе совершенного им убийства. Он сказал: «Неумышленное убийство послужило для меня поводом к обращению на путь спасения. Так иногда и случайные обстоятельства ведут к добродетели, когда не хотят приступить к добру по свободному расположению: одни из добродетелей зависят от свободного избрания, а другие – от обстоятельств».

О Нафанаиле

Между древними святыми был один доблестный подвижник Христов, по имени Нафанаил. Я не застал его в живых: он почил за пятнадцать лет до прихода моего в гору. Но, встретившись с современниками и сподвижниками сего святого, я охотно расспрашивал их о подвигах сего мужа. Они указали мне и келию его, в которой никто уже не живет по причине близости к населенной стороне. Блаженный тогда еще построил ее, когда отшельники здесь были редки. Вот что рассказывали мне о его подвижничестве.

Он положил себе постоянно пребывать в келии и никогда не отступал от этого правила. Диавол, который всех обольщает и соблазняет, обольстил вначале и его – навел на него тоску и заставил выйти из келии. Святому показалось скучно в прежней келии, он оставил ее и построил себе другую, ближе к селению. Когда окончил ее и прожил в ней три или четыре месяца, является ночью диавол в виде палача с ременным бичом, во вретище и делает шум бичом. Блаженный Нафанаил, разгневавшись на него, сказал ему: «Кто ты и как осмеливаешься делать это в моем пристанище?». Диавол отвечал: «Я тот, который заставил тебя выйти из прежней келии; теперь я пришел выгнать тебя и из этой». Блаженный Нафанаил, узнав, что был прельщен, тотчас возвратился под прежний кров и в продолжение тридцати семи лет ни разу не выходил за порог, противясь диаволу, который столько ему делал, чтобы заставить его выйти из келии, что невозможно и рассказать о том. Между прочим, ненавистник добра употребил и следующую хитрость, чтобы заставить подвижника отступить от принятого правила.

Семь святых епископов посетили однажды святого Нафанаила, и он едва не нарушил своего обета. Когда епископы после посещения помолились и по молитве вышли, подвижник не проводил их ни шагу, чтобы не уступить ненавистнику добра. Тогда диаконы епископов сказали святому: «Ты, авва, гордо поступаешь, что не проводишь епископов». Он сказал им: «Я уважаю владык моих – епископов – и почитаю весь клир; я грешник, отребие всех людей. Но, по своему обету, я умер для всего этого и для всей жизни. У меня есть сокровенная цель, почему я и не проводил епископов; ее знает Господь, ведающий тайны сердца моего».

Диавол, таким образом не достигнув своей цели, принял снова другой вид. За девять месяцев до кончины подвижника он является в образе десятилетнего отрока и будто погоняет осла, который везет корзину с хлебами. В глубокий вечер близ келии подвижника осел упал, и отрок закричал: «Авва Нафанаил, помилуй меня и подай мне руку!». Авва, услышав голос отрока, отворил дверь и, стоя внутри келии, сказал: «Кто ты и чего хочешь от меня?». Диавол отвечал: «Я прислужник такого-то монаха и везу хлебы; у известного тебе такого-то брата вечеря любви, и завтра, в наутрие субботы, нужны будут просфоры. Молю тебя, не оставь меня, чтобы не съели меня гиены». (В тех местах водится много гиен.)

Блаженный Нафанаил стал в нерешимости; чувство сострадания сильно возбудилось в нем, сердце его возмутилось, и, рассуждая, как поступить ему, он говорил себе: «Я должен или преступить заповедь (о вспоможении ближним), или отступить от своего правила (не выходить из келии)». Наконец, размыслив с благоговением, он сказал сам себе: «Лучше мне не нарушать моего правила, которое я исполняю столько лет, чтобы посрамить и победить диавола». Потом, помолившись Господу, подвижник сказал говорившему отроку: «Послушай, отрок или кто бы ты ни был, я верую и служу Тому, Кто владычествует над всяким дыханием. Если ты действительно имеешь нужду в помощи, то мой Бог тебе пошлет ее и ни гиены, ни другое что не повредит тебе, а если ты – искушение,

то и это откроет мне мой Бог из того, что будет с тобою». И, затворив дверь, подвижник отошел в глубину келии. А диавол, посрамленный и сим поражением своим, обратился в вихрь и исчез с шумом, подобным тому, какой производят дикие ослы, когда бегут. Такова победа блаженного Нафанаила, таковы и подвижнические добродетели и неодолимая брань его с противником, таковы его житие и конец его славной жизни.

О Макарии Египетском

Опасаюсь повествовать и писать о тех многих великих и для неверующего почти невероятных подвигах, которыми наполнена добродетельная жизнь святых и бессмертных отцов – Макария Египетского и Макария Александрийского, мужей доблестных и подвижников непобедимых. Опасаюсь, чтобы не почли меня лжецом, а изречение Духа Святаго ясно показывает, что Господь погубит всех, говорящих ложь (см.: Пс. 5, 7).

Но я, по благодати Господней, не лгу, и ты, вернейший Лавс, не сомневайся в подвигах святых отцов – напротив, прославляй сих достославных и истинно блаженных мужей, которые и имена получили соответствующие святым трудам их в подвижничестве.

Первый подвижник Христов, по имени Макарий, был родом египтянин, а второй по времени, но первый по доблестям монашеским, называвшийся Макарием, был александрийский гражданин и продавал закуски.

Прежде расскажу о добродетелях Макария Египетского, который жил девяносто лет и из них шестьдесят провел в пустыне. Пришедши в нее тридцати лет от роду, он, хотя по возрасту был моложе других, в продолжение десяти лет так мужественно переносил труды подвижнические, что удостоился особенного отличия: его называли отроком-старцем, потому что он свыше возраста преуспевал в добродетелях. Сорока лет от роду он получил власть над духами, дар целить болезни и дух пророчества, удостоился также и досточтимого священства. Во внутренней пустыне, называемой Скитом, жили с ним два ученика: один из них был у него слугою и всегда находился при нем для приходивших врачеваться, а другой жил в отдельной келии.

По истечении долгого времени, прозрев в будущее своим проницательным оком, святой говорит служившему при нем ученику именем Иоанн, впоследствии бывшему пресвитером на месте святого Макария (ибо Великий Макарий был удостоен пресвитерства): «Послушай меня, брат Иоанн, и прими благодушно мое увещание: оно будет полезно тебе. Ты – в искушении, тебя искушает дух сребролюбия. Это открыто мне. Я знаю также, что если ты благодушно примешь мое вразумление, то будешь совершен в деле Божием на месте сем и прославишься и зло не приблизится к келии твоей; если же не послушаешь меня, с тобою будет то же, что с Гиезием (см.: 4 Цар. 5), недугом которого заражен ты». Случилось, что Иоанн, по успении бессмертного Макария, преслушал слова его, а послушал того, кто сребролюбием довел до удавления Иуду. Когда прошло еще пятнадцать или двадцать лет, Иоанн, удерживавший у себя достояние бедных, был поражен такою проказою, что на теле его не было здорового места, на котором бы можно было положить палец. Вот пророчество святого Макария!

Излишне будет и говорить о том, какие блаженный употреблял пищу и питие. Тогда не только между тамошними монахами, но и между беспечнейшими из живущих по другим местам нельзя было найти предававшихся пресыщению; причина этого, с одной стороны, недостаток в необходимом, с другой – ревность по Боге живших там, из коих каждый старался превзойти другого различными подвигами.

Расскажу и о других подвигах сего небесного мужа Макария. Говорят об этом святом, что он непрестанно приходил в восторг и гораздо больше времени проводил в беседе с Богом, нежели в земных занятиях. Рассказывают также и о различных чудесах его.

Один распутный египтянин предался любви к благородной женщине, которая была замужем. Не успев обольстить ее, потому что она была верна своему мужу, за которого вышла девою, бесстыдный прибег к чародею и говорил ему: «Или заставь ее любить меня, или сделай своим искусством то, чтобы муж бросил ее». Чародей, получив от него хорошую плату, употребил свои чары и заклинания. Но, не могши возбудить любви в ее сердце, он сделал, что всем, кто только смотрел на нее, она казалась лошадью. Муж ее, пришедши домой, увидел жену свою в образе лошади. Позвав пресвитеров селения, он ввел их в свой дом и показал им ее, но и они не поняли постигшего ее несчастия. Наконец, к прославлению Бога и к явлению добродетели святого Макария, пришло на мысль мужу

отвести ее в пустыню к преподобному.

Когда они пришли, братия стояли у келии святого Макария и, не допуская мужа этой женщины, говорили ему: «Зачем ты привел сюда эту лошадь?». Муж отвечал им: «Чтобы помогли ей молитвы праведного». Они сказали ему: «Что с ней случилось худого?». Он отвечал: «Эта лошадь, которую вы видите, была несчастная жена моя, и я не знаю, как она обратилась в лошадь. Ныне вот уже три дня, как она ничего не ела». Братия, услышав сие, сказали об этом рабу Христову Макарию, который молился уже об этой женщине в своей келии, ибо, когда они еще шли к нему, ему было уже откровение от Бога. Он молился, чтобы ему открыта была причина случившегося, и во время молитвы узнал он все, как что было. Когда же братия объявили святому Макарию, что кто-то привел сюда лошадь, он сказал им: «Вы смотрите не своими глазами: это женщина, какою и создана, она не превратилась [в лошадь], а только глазам обольщенных кажется такою». Когда привели к нему ее, он благословил воду и, облив женщину с головы, помолился над ее головою и тотчас сделал, что все смотревшие на нее увидели в ней женщину. Приказав принести ей пищу, он дал ей есть и, таким образом исцелив ее, отпустил с мужем; и они благодарили Бога. А человек Христов дал ей следующее наставление: «Никогда не оставляй посещать церковь, никогда не уклоняйся от приобщения Христовых Таин; несчастие случилось с тобою оттого, что ты уже пять недель не приступала к пречистым Таинам Спасителя нашего».

Вот другое деяние великого его подвижничества. Долгое время жизни своей он делал подземный проход, простиравшийся от его келии на полстадии, и на конце сего прохода устроил большую пещеру. Когда очень многие беспокоили его, он тайно уходил из своей келии в пещеру, и уже никто не находил его. Один из ревностных учеников Макария рассказывал нам, что святой, пока шел подземным ходом до пещеры, совершал двадцать четыре молитвы и столько же на возвратном пути.

О нем прошел слух, что он воскресил даже мертвого для убеждения одного еретика, отвергавшего воскресение тел (об этом чуде подробно рассказывает Руфин). Этот слух был очень силен в пустыне.

Однажды к сему святому мужу был приведен бесноватый юноша. Привела его мать, которая горько рыдала о нем. Его с двух сторон держали двое других юношей. Демон (обитавший в нем) имел такую силу, что, съевши три меры хлеба и выпивши киликийское ведро воды, то и другое извергал и обращал в пар. Съеденное и выпитое им было истребляемо как огнем. (Действительно, есть особый разряд демонов, называемый огненным. Между демонами, как и между людьми, есть различия, зависящие, впрочем, от разности не в существе, а в воле.) Упомянутый юноша, когда не получал достаточного количества пищи от матери, часто ел свое извержение и пил свою мочу. Как мать с плачем и стенаниями о чрезвычайном несчастии своего сына долго просила и молила святого помочь ему, то непобедимый подвижник Христов Макарий, взяв к себе юношу, усердно помолился о нем Богу, и чрез день или два демон перестал мучить его. Тогда святой Макарий сказал матери юноши: «Сколько хочешь, чтобы ел сын твой?». Она отвечала: «Молю тебя, вели ему есть по десяти фунтов хлеба». Святой, сильно упрекнув ее за то, что она назначила много, сказал: «Что ты это сказала, женщина!». Помолившись о юноше семь дней с постом и изгнавши из него лютого демона многоядения, святой определил ему меру пищи до трех фунтов хлеба, которые он должен был употреблять, делая свое дело. Таким образом, разрушитель всякого демонского действия – подвижник Христов Макарий, по благодати Божией и богоугодному своему житию исцелив юношу, отдал его матери.

Такие-то славные чудеса совершил Бог чрез верного угодника Своего Макария, которого бессмертная душа пребывает теперь с Ангелами. Я не видел сего святого, ибо за год до моего прихода в пустыню почил этот победитель безумных страстей.

О Макарии Александрийском

Сподвижник сего Макария Египетского в делах веры, носивший то же достоуважаемое имя, Макарий Александрийский был пресвитером в так называемых Келлиях, когда я пришел к нему. Прожив в сих Келлиях девять лет и из них три года вместе с блаженным Макарием хранив безмолвие, я частию сам видел дела и знамения доблестного жития его, частию узнал от тех, которые жили с ним вместе, а частию слышал еще от многих других.

Однажды святой Макарий, увидев у Великого отца Антония отборные финиковые ветви (он сам плел из них корзины), попросил у него одну связку этих ветвей. Антоний отвечал ему: «Писано: *Не пожелай… елика суть ближняго твоего* (Исх. 20, 17)» – и, едва выговорил это, как вдруг все ветви засохли как бы от огня. Увидев сие, Антоний сказал Макарию: «Вот на тебе почил Дух, и ты впоследствии будешь наследником моих добродетелей».

Там же, опять в пустыне, диавол, встретив Макария, весьма утомленного, говорит ему: «Вот ты получил благодать Антония – что не пользуешься своим преимуществом и не просишь у Бога пищи и силы для путешествия?». Макарий отвечал ему: «*Крепость моя и пение мое Господь* (Пс. 117, 14), а ты не искусишь раба Божия». И вот диавол представляет ему призрак: верблюд блуждает по пустыне со вьюком, в котором были всякие съестные припасы. Увидев Макария, верблюд остановился пред ним. Святой, подумав, что это призрак (как и действительно было), стал молиться – и верблюд тотчас пожран был землею.

Этот же Макарий сошелся однажды с Великим Макарием Египетским, и как нужно было им переправиться чрез Нил, то случилось им взойти на большой плот, на который также взошли какие-то трибуны с великою пышностию: у них была колесница вся обита медью, кони в вызолоченных уздах; с ними было несколько воинов-телохранителей и отроков, украшенных ожерельями и золотыми поясами. Когда сии трибуны увидели в углу монахов, одетых в ветхие рубища, стали восхвалять их убожество и один из них сказал им: «Блаженны вы, что презрели мир!». Городской Макарий отвечал им: «Так! Мы презрели мир, а вас мир презирает. Знай, что ты сказал это не сам по себе, но пророчески: действительно мы оба называемся Макариями – блаженными». Пораженный сими словами, трибун по возвращении домой скинул мирские одежды и, посвятив себя монашеству, совершил много дел милосердия.

Когда-то прислали Макарию кисть свежего винограда – а тогда ему очень хотелось есть. Чтобы показать свое воздержание, он отослал эту кисть одному брату, которому также хотелось винограда. С великою радостию получив виноград, брат сей, в намерении скрыть свое воздержание, послал его к другому брату, как будто ему самому не хотелось этой снеди. Но и этот брат, получив виноград, поступил с ним так же, хотя ему и самому очень хотелось съесть его. Таким образом виноград перебывал у многих братий, и ни один не хотел есть его. Наконец, последний брат, получив его, отослал опять к Макарию как дорогой подарок. Макарий, узнавши виноград и разведав, как все было, удивился и благодарил Бога за такое воздержание братий, да и сам не захотел есть его. Таково было подвижничество Великого Макария, которому и я вместе со многими другими поучался у него!

Ежели когда он слышал, что кто-нибудь совершил особенный подвиг, то и сам непременно то же делал с жаром. Так, услышав от кого-то, что тавеннские иноки во всю Четыредесятницу употребляют пищу невареную, святой положил семь лет не вкушать ничего приготовленного на огне, а питаться одними сырыми овощами или, когда случится, моченными бобами. Другого ничего не вкушал он в эти семь лет. Исполнив сей обет, он, однако же, оставил такой образ жизни. Узнав, что один инок вкушал по одной литре (12 унций) хлеба, сей совершеннейший монах решился подражать и ему: переломав все свои сухари и опустив их в кувшин, он положил правилом съедать не больше того, сколько достает рука. Велико было и это изнурение тела. Весело рассказывал он нам об этом вот что: «Захвачу, бывало, побольше кусков, а узкое горло не дает мне вынуть их – мой кувшин совсем не давал мне есть». Целых три года подвизался он в таком воздержании: вкушая хлеба унции по четыре или по пяти и выпивая соответственное тому количество воды, а масла во весь год употреблял в пищу только шестую часть конги.

Вот еще подвиг сего ратоборца. Замыслил этот адамант преодолеть сон. И вот что он рассказал: «Целых двадцать суток не входил я под кровлю, чтобы таким образом победить сон. Днем палил меня зной, а ночью знобил холод, и как я не хотел войти в хижину и подкрепить себя сном, то мозг у меня так высох, что я наконец приходил в исступление. По крайней мере, сколько зависело от меня, я одолевал сон, но уступил ему, как требованию самой природы».

Однажды святой Макарий на рассвете сидел в своей келии; на ногу ему сел комар и впился в нее. Дав ему напиться крови, Макарий, когда почувствовал боль, раздавил его. Но после стал раскаиваться, что отомстил за самого себя, и за такой грех осудил себя сидеть нагим шесть месяцев при скитском болоте, которое находилось в глухой пустыне. Комары здесь величиною равняются осам и прокусывают кожу даже у кабанов. Ими он так был

весь искусан и изъеден, что некоторые думали, не в проказе ли он. Когда чрез шесть месяцев он возвратился в свою келию, то по голосу только узнали, что это сам господин Макарий.

Захотелось ему однажды, как он сам рассказывал нам, сходить на могилу Ианния и Иамврия – волхвов, живших при фараоне, чтобы посмотреть на нее или даже встретиться с жившими там демонами, а это место Ианний и Иамврий силою своих волхвований населили множеством демонов, и притом самых лютых. Гробницу воздвигли сами Ианний и Иамврий, которые в то время занимали по фараоне первое место, как всех превосходившие волшебным искусством. Пользуясь при жизни своей великою властию в Египте, они соорудили это здание из четвероугольных камней, воздвигли здесь себе гробницу и положили тут много золота, насадили всяких деревьев и вырыли преглубокий колодезь на этом сыром месте. Все это сделали они в той надежде, что после смерти будут наслаждаться утехами в сем прекрасном саду.

Поскольку раб Божий Макарий не знал дороги к этому месту, то и соображал свой путь с течением звезд, как делают мореходцы. Так прошел святой муж всю пустыню. Нашедши здесь несколько тростнику, он чрез каждое поприще ставил по одной тростинке, чтобы по ним знать, как воротиться назад. В девять дней он прошел всю эту пустыню и был уже недалеко от того сада, как с наступлением ночи несколько заснул. Злобный демон, всегда враждующий против подвижников Христовых, в то время, как Макарий спал не далее версты от гробницы, собрал все тростинки и, положив их у самой головы его, удалился. Проснувшись, Макарий находит, что все тростинки, которые он ставил по дороге для приметы, собраны в одно место. Может быть, Бог попустил это, призывая Макария к большим трудам, дабы он полагался не на указания тростинок, а на благодать Бога, Который сорок лет вел Израиль по страшной пустыне посредством столпа облачного.

«Когда я стал подходить к гробнице,– говорил святой,– из нее вышли навстречу мне до семидесяти демонов в разных видах; одни из них кричали, другие скакали, иные яростно скрежетали на меня зубами, а другие, как крылатые враны, бросались мне в лицо и говорили: “Что тебе надобно, Макарий? Зачем ты пришел к нам? Ты, вместе с подобными себе, завладел нашею пустынею, вы и оттуда выгнали родственных нам демонов. У нас с тобою ничего нет общего. Зачем идешь в наши места? Как отшельник, довольствуйся пустынею. Устроившие сие место отдали его нам, а ты не можешь быть здесь. Зачем хочешь ты войти в это владение, куда ни один живой человек не входил с тех пор, как мы похоронили здесь братьев, основавших оное?”. И много еще шумели и жалобно вопили демоны, но я,– говорит Макарий,– сказал им: “Пойду только и посмотрю, а потом уйду отсюда”. Демоны сказали: “Обещай нам это по совести”». Раб Божий отвечал: «Обещаю»,– и демоны исчезли. «Вошедши в сад,– говорит он,– я осмотрел все и между прочим увидел медную бадью, повешенную на железной цепи над колодезем (бадья от времени покрылась ржавчиною), также яблоки, внутри совсем пустые, ибо они высохли от солнца». Затем, спокойно вышедши из сего места, святой через двадцать дней воротился в свою келию.

Только с ним случилось немалое несчастие: у него недостало хлеба и воды, которую он носил с собою; так, он почти ничего не ел во все те дни странствования по пустыне. Может быть, чрез это он искушаем был в терпении, как и оказалось на деле. Когда уже он был близок к изнеможению, показался ему кто-то, как сам он рассказывал, в образе девицы, одетой в чистую льняную ткань и державшей кувшин, из которого капала вода. По словам Макария, она была от него не дальше, как на стадию. Три дня шел он и все видел, как будто она стоит с кувшином и зовет его, но он никак не мог настигнуть ее. Впрочем, в надежде утолить жажду свою святой три дня мужественно переносил усталость. После сего явилось множество буйволиц, и одна из них, с буйволенком, остановилась прямо против старца (здесь водятся они во множестве); по словам Макария, из сосцов ее текло молоко. «Подошедши к ней,– говорил он,– я досыта напился молока. Но, чтобы еще более показать мне милости, Господь, вразумляя малодушие, повелел буйволице идти за мною до самой келии. Послушная его велению, она шла за мной, кормя меня молоком и не давая сосать своему буйволенку».

Еще в другое время сей доблестный муж, копая колодезь для пользы монахов (а подле колодца лежали всякие листья и хворост), был ужален аспидом. Святой взял аспида руками за обе челюсти и растерзал его, сказав: «Как ты осмелился приблизиться ко мне, когда не посылал тебя Господь мой?».

Тот же Великий Макарий, услышав о дивном житии тавеннских монахов, переменил свое одеяние и в мирском платье поселянина пошел в Фиваиду. Пятнадцать дней шел он

пустынею. Пришедши в монастырь Тавеннский, святой стал искать архимандрита по имени Пахомий, мужа весьма знаменитого, обладавшего даром пророческим. Тогда сему святому не было открыто о намерении Великого Макария. Сошедшись с ним, Макарий сказал: «Молю тебя, господин мой, прими меня в свою обитель, чтобы мне быть монахом». Великий Пахомий сказал ему: «В таких престарелых летах как можешь ты подвизаться? Здесь братия подвизаются с самой юности и переносят изнурительные труды потому, что привыкли к ним, а ты в таком возрасте не можешь перенести испытаний подвижнических – ты станешь роптать, а потом уйдешь из обители и начнешь злословить нас». Так он не принял его, то же и во второй день, даже до семи дней. А старец Макарий твердо стоял в своем намерении и все время проводил в посте. Наконец он говорит Пахомию: «Авва, прими меня. И если я не стану поститься, как они, и не буду делать, что они делают, то вели выгнать меня из обители». Великий Пахомий убеждает братию принять его (а братии в одной этой обители и доныне находится тысяча четыреста человек). Так Великий Макарий вступил в эту обитель.

Спустя немного времени наступила Четыредесятница; старец видит, что каждый монах возлагает на себя различный подвиг: один принимает пищу вечером, другой – чрез пять дней, иной всю ночь стоит на молитве, а днем сидит за рукоделием. А он, Макарий, наломавши большое количество пальмовых ветвей, стал в углу и в продолжение всей Четыредесятницы, до самой Пасхи, не принимал хлеба, не касался воды, не преклонял колена, не садился, не ложился и ничего не вкушал, кроме нескольких листьев сырой капусты, да и их ел только по воскресеньям, и то для того, чтобы видели, что он ест, и чтобы самому ему не впасть в самомнение. А ежели когда выходил он из келии для какой-либо нужды, то как можно скорее опять возвращался и принимался за дело. Не открывая уст и не говоря ни слова, он стоял в безмолвии; все занятие его состояло в молитве сердечной и в плетении ветвей, которые были у него в руках. Увидев это, подвижники той обители стали роптать на своего настоятеля и говорить: «Откуда ты привел к нам сего бесплотного человека на осуждение наше? Или его изгони отсюда, или все мы, да будет тебе известно, сегодня же оставим тебя».

Услышав это от братии, великий Пахомий начал расспрашивать о Макарии и, узнав, как он живет, просил Бога открыть ему, кто это такой. И ему было открыто, что это монах Макарий. Тогда Великий Пахомий берет его за руку, выводит вон и, приведши в молитвенный дом, там, где стоял у них жертвенник, облобызал его и сказал ему: «Подойди сюда, честный старче! Ты Макарий и скрывал это от меня! Много уже лет желал я видеть тебя, потому что слышал о делах твоих. Благодарю тебя: ты смирил чад моих – пусть они не превозносятся своими подвигами. Теперь прошу тебя: удались в свое место, ты уже довольно научил нас, молись о нас». Таким образом, по желанию Пахомия и по просьбе всей братии Макарий удалился.

Сказывал нам сей бесстрастный муж еще следующее: «Когда прошел я все подвижническое житие, которое избрал, родилось у меня другое духовное желание: я захотел сделать то, чтобы ум мой в продолжение только пяти дней не отвлекался от Бога и ни о чем другом не мыслил, но к Нему одному обращен был. Решившись на это, запер я свою келию и сени перед нею, чтобы не отвечать никому, кто бы ни пришел. Начал я это с другого же дня, дав уму своему такое приказание: “Смотри, не сходи с Небес: там ты с Ангелами, Архангелами, со всеми горними Силами – Херувимами, Серафимами и с Самим Богом, Творцом всяческих; там будь, не сходи с Неба и не впадай в чувственные помыслы”. Проведши так два дня и две ночи, я до того раздражил демона, что он сделался пламенем огненным и сожег все, что было у меня в келии; самая рогожа, на которой я стоял, объята была огнем, и мне представлялось, что я весь горю. Наконец, пораженный страхом, я на третий день оставил свое намерение, не могши сохранить ум свой неразвлеченным, и низшел к созерцанию сего мира, дабы то не вменилось мне в гордость».

Однажды я пришел к сему духовному монаху, Великому Макарию, и нашел, что какой-то пресвитер из селения лежал вне его келии. Голова у него так была изъедена болезнию, называемою раком, что самая кость в темени видна была вся. Он пришел к Макарию, чтобы получить исцеление, но сей и на глаза не хотел принять его. Я стал упрашивать Макария и говорил ему: «Молю тебя, умилосердись над сим страдальцем, дай ему по крайней мере какой-нибудь ответ». Святой отвечал мне: «Он недостоин исцеления. Господь послал ему такую болезнь для его вразумления. Если хочешь, чтобы он исцелился, так посоветуй ему с сего времени отказаться от совершения Таинств». Я сказал ему: «Молю тебя, скажи, почему так?». Он отвечал мне: «Сей пресвитер совершал литургию в грехе блудодеяния и за это теперь наказывается. Если он по страху прекратит то, что

дерзал делать по небрежности, Бог исцелит его». Когда я пересказал это страждущему, он обещался с клятвою не священнодействовать более. Тогда Макарий принял его и сказал ему: «Веришь ли ты, что есть Бог, от Которого ничто не сокрыто?». Он отвечал: «Верю». Потом Макарий сказал ему: «Ты не должен был посмеваться над Богом». Он отвечал: «Не должен был, господин мой». Великий Макарий сказал: «Ежели ты сознаешь грех свой и наказание Божие, которому подвергся за этот грех, то исправься на будущее время». Пресвитер исповедал грех свой и обещался более не грешить и не служить при алтаре, но стать в ряду мирян. Затем святой возложил на него свои руки, и он в несколько дней выздоровел, оброс волосами и возвратился домой здоровым, прославляя Бога и благодаря Великого Макария.

Сей святой имел разные келии в пустыне, в которых совершал подвиги добродетели: одну в Скиту, в самой глубокой пустыне, одну в Ливии, в так называемых Келлиях, и одну в горе Нитрийской. Некоторые из них были без окон – в них, говорят, Макарий проводил Четыредесятницу в темноте. Одна келия была так тесна, что в ней нельзя было и ног протянуть; и еще келия была просторнее других – в ней он принимал посетителей.

Сей боголюбивый муж исцелил такое множество бесноватых, что трудно их и перечислить. При нас принесли к сему преподобному одну благородную и богатую девицу из Фессалоник, что в Ахаии,– она много лет страдала параличом. Принесшие повергли ее близ келии Макария. Святой, сжалившись над нею и помолившись, собственноручно помазал ее святым елеем, непрестанно и более мысленно молился о ней и чрез двадцать дней отпустил ее в свой город здоровою. Пришедши домой на своих ногах, она прислала богатые дары святым.

Также при моих глазах к святому Макарию, духовному врачу всяких безумных страстей, привели отрока, одержимого злым духом. Положив правую руку ему на голову, а левую – на сердце, святой до тех пор молился о нем, пока он не повис на воздухе. Отрок раздулся, как мех, всем телом своим, сделался по весу весьма тяжел и вдруг, вскричавши, стал всеми чувствами извергать из себя воду. Но, когда это кончилось, он опять пришел в прежнюю свою меру. Затем, помазав его святым елеем и окропив освященною водою, Макарий отдал его отцу и приказал, чтобы больной до сорока дней не касался ни мяса, ни вина, и, таким образом, отпустил его исцеленным.

Однажды начали беспокоить Макария Великого тщеславные помыслы, пытаясь вызвать его из келии и внушая ему отправиться в Рим для пользы других, именно для оказания помощи тамошним больным, ибо в нем благодать Господня сильно действовала на духов нечистых. Долго беспокоили его эти помыслы, но он не слушал их. Тогда они, вооружившись на него сильнее, стали гнать его вон. И вот святой упал на пороге своей келии; протянув ноги, выпустил их наружу и говорил демонам тщеславия: «Тащите меня, демоны, если можете: своими ногами я не пойду в другое место; если же можете так унести меня, пойду, куда вы зовете». Он с клятвою говорил им: «Буду лежать так до вечера; если не сдвинете меня, не послушаю вас». Лежав долгое время неподвижно, он встал наконец, когда был уже глубокий вечер. Но с наступлением ночи демоны опять начали беспокоить его. Святой встал, взял корзину, насыпал в нее меры две песку и, положив ее себе на плечи, ходил с нею по пустыне. Здесь с ним встретился Феосевий, строитель, уроженец Антиохии, и сказал ему: «Что ты несешь, авва? Отдай мне свою ношу и не изнуряй себя». Но Макарий отвечал ему: «Я изнуряю того, кто меня изнуряет; не любя трудиться, он внушает мне охоту к странствованию». Долго ходил он так и возвратился в свою келию, изнурив тело.

Еще рассказывал нам раб Христов Пафнутий, ученик сего доблестного подвижника. В один день, когда блаженный и бессмертный Макарий сидел в сенях келии своей и беседовал с Богом, гиена принесла к нему своего детеныша – слепого. Толкнув головою в дверь сеней, она вошла к Макарию, который в это время еще сидел тут, и бросила детеныша к ногам его. Святой Макарий взял его и, плюнув ему в глаза, сотворил молитву, и он тотчас стал видеть, а мать накормила его и ушла с ним. На следующий день гиена принесла святому и блаженному Макарию кожу большой овцы. Увидев сию кожу, святой сказал гиене: «Ты растерзала у кого-нибудь овцу – иначе откуда тебе взять кожу? Я не возьму от тебя того, что добыто несправедливостию». Гиена, опустив голову к земле, стала на колени у ног святого и подавала ему кожу. Но он говорит ей: «Я сказал, что не возьму, ежели не дашь клятвы, что не станешь больше есть овец у бедных». При этом она опять опустила голову, как будто соглашаясь на слова святого. Кожу эту раб Христов отказал святому и блаженному Афанасию Великому. И блаженная раба Христова Мелания сказывала мне, что она брала сию кожу у святого и дивного мужа Макария под именем

дара гиены. И что удивительного, если людям, распявшимся миру, и гиена, ими облагодетельствованная, приносит дары во славу Бога и в честь рабов Его?! Тот, Кто пред Даниилом пророком укротил львов, дал смысл и этой гиене.

Говорят еще о святом Макарии, что он с того времени, как Крестился, никогда не плевал на землю, а теперь уже шестьдесят лет минуло, как он принял Крещение. Крестился же верный раб Христов и бессмертный Макарий на сороковом году своей жизни.

Видом сей непобедимый подвижник Христов был таков (я должен и об этом сказать тебе, раб Христов: быв его современником, я, недостойный, хорошо знал его): он был согбен и сухощав. Волосы росли только на губе, да еще на конце подбородка было их немного – от чрезмерных трудов подвижнических даже борода не росла у него.

Однажды впал я в великую тоску и, пришедши к сему святому, сказал ему: «Авва Макарий! Что мне делать? Смущают меня помыслы, говоря мне: “Ты ничего не делаешь здесь, ступай отселе”». Святой отец отвечал мне: «Скажи твоим помыслам: “Для Христа я стерегу стены”».

Из множества великих чудес и подвигов славного и доблестного Макария только сии описал я тебе, христолюбивый и любознательный раб Божий!

Дивный муж сей рассказывал нам еще вот какое чудо: во время преподания Таин Христовых (он был пресвитер), я никогда сам не подавал приношения Марку-подвижнику, но замечал, что с жертвенника брал оное Ангел и подавал ему – впрочем, я видел только кисть руки, подающей ему Причастие.

О Марке

Марк сей, о котором упомянуто в конце предыдущего сказания, еще в юности знал наизусть писание Ветхого и Нового Завета; он был чрезвычайно кроток и скромен, как едва ли кто другой. В один день на досуге пошел я к нему (он был уже в глубокой старости) и, севши у дверей его келии (как новоначальный, я считал его выше человека, и он действительно был таков), стал прислушиваться, что он говорит или что делает. Совершенно один внутри келии, почти столетний старец, у которого уже и зубов не было, он все еще боролся с самим собою и с диаволом и говорил: «Чего еще ты хочешь, старик? И вино ты пил, и масло употреблял – чего же еще от меня требуешь? Седой обжора, чревоугодник, ты себя позоришь». Потом, обращаясь к диаволу, говорил: «Отойди же наконец от меня, диавол, ты состарился со мною в нерадении. Под предлогом телесной немощи заставил ты меня употреблять вино и масло и сделал сластолюбцем. Ужели и теперь еще я чем-нибудь тебе должен? Нечего более тебе у меня похитить, отойди же от меня, человеконенавистник». Потом, как бы шутя, говорил самому себе: «Ну же, болтун, седой обжора, жадный старик, долго ли быть мне с тобою?».

О Моисее Ефиоплянине

Некто по имени Моисей, родом ефиоплянин, лицом черный, был рабом у одного сановника. Господин прогнал его от себя за великий разврат и разбой. Говорят, он доходил и до смертоубийства – нахожу нужным упоминать о худых делах его, чтобы показать, какова была после добродетель его покаяния. Некоторые говорят, что он был даже начальником весьма многочисленной шайки разбойников. Из разбойнических дел его, между прочим, известно следующее. Питал он злобу на одного пастуха, который с собаками своего стада помешал ему в каком-то ночном предприятии. Задумав убить его, он обошел кругом то место, где обыкновенно паслись его овцы. Но ему дали знать, что пастух находится по ту сторону Нила, и как река в это время разлилась на широту одного поприща, то он взял меч в зубы, а платье, в которое был одет, положил себе на голову и переплыл реку. Между тем, пока он плыл, пастух имел возможность скрыться в тайном месте. Таким образом, предприятие не удалось Моисею, и он, зарезав четырех отборных баранов и связав их веревкою, переплыл через Нил назад. Зашедши на пути в небольшую хижину, он снял здесь с баранов кожу, лучшее мясо съел, а кожи выменял на вино и, выпив его до восемнадцати италийских мер, пошел в сборное место шайки, до которого

оставалось еще пятьдесят поприщ.

И этот страшный атаман, впоследствии времени пораженный каким-то несчастным случаем, удалился в монастырь и показал такое покаяние, что самого сообщника своего, диавола, который от юности подущал его на злое и участвовал во всех делах его, заставил против воли исповедать Христа.

Между прочим рассказывают, что однажды напали на него в келии четыре разбойника, не зная, что он был Моисей. Блаженный всех их перевязал и, подняв на плечи, как мешок с соломой, принес в собрание братий и говорит: «Я никого не могу обижать, но они пришли меня обидеть – что повелите сделать с ними?». Так взятые святым Моисеем разбойники исповедали грех свой пред Богом, а когда узнали, что это Моисей, некогда знаменитый и всюду известный начальник разбойников, то прославили за него Христа и, тронутые его обращением, сами отреклись от мира и сделались добрыми монахами. Они рассудили так: «Если этот сильный человек и столько прославившийся разбойничьим ремеслом так сильно убоялся Бога, то зачем нам отлагать спасение душ своих?».

На сего блаженного Моисея (так уже должно называть его) восстали демоны невоздержания, увлекая его к прежней распутной и блудной жизни. Он так был ими искушаем, что, как сам сказывал, едва не оставил своего намерения жить в монашестве. И вот он пошел к Великому Исидору, жившему в Скиту, и рассказал ему о своей борьбе с блудными помыслами. Святой сказал ему: «Не унывай, это только сначала. Они потому так сильно напали на тебя, что хотят возвратить тебя к прежним привычкам. Если ты пребудешь тверд в подвиге воздержания, *умертвив свои уды, яже на земли* (ср.: Кол. 3, 5), и заградишь вход чревоугодию, которое есть мать любострастия, то демон блуда, не находя более пищи, которая бы разжигала его, с досадою отступит от тебя. С этого времени раб Христов Моисей удалился в уединение и, заключившись в своей келии, с величайшим терпением стал подвизаться более всего в воздержании от пищи и, кроме двенадцати унций сухого хлеба, не вкушал другой снеди. Работал он весьма много и каждодневно совершал по пятидесяти молитв.

Но, как ни смирял он свое тело, все еще иногда был тревожим похотию, особенно во сне. Тогда он пошел к одному монаху, опытнейшему между святыми, и говорит ему: «Что мне делать, авва? Сновидения омрачают ум мой, потому что душа по прежней привычке услаждается ими». Святой отвечал ему: «Ты еще не отвлек своего ума от сонных мечтаний, потому и подвержен этой нечистой похоти. Сделай же, что я тебе скажу: проведи несколько времени в бодрствовании, молись усердно и скоро освободишься от сих мечтаний». Доблестный Моисей, выслушав это наставление, как от опытного наставника, и возвратившись в келию, дал себе слово не спать всю ночь и не преклонять колен даже для молитвы, дабы избежать власти сна. И прожил он шесть лет в келии, по целым ночам стоя посреди келии, непрестанно молясь Богу и не смежая очей.

Но и такими подвигами он не мог победить необузданной похоти. Подлинно необузданная похоть! Ибо, как ни изможда л он себя трудами, не мог, однако ж, покорить сей постыдной страсти.

После всего этого он положил изнурять себя другим еще способом. Выходя по ночам, сей противоборник сатаны (различно он ратовал против него) обходил келии тех монахов, которые, состарившись в трудах подвижничества, уже не в силах были носить воду для себя, брал их водоносы и наполнял водою, так что они этого и не знали. А воду в тех местах берут далеко: одни – за две версты, другие – за пять, иные – за полверсты. Демон, не могши выносить терпение ратоборца, подстерегал его и в одну из таких ночей, когда Моисей занимался этим делом, лишь только он наклонился в колодезь, чтобы наполнить водонос одного монаха, так ударил его по бедрам палицею, что он упал тут замертво, совершенно не понимая, что такое с ним случилось и кем это сделано. На другой день один монах, пришедший сюда за водою, увидев, что он лежит там и едва дышит, пошел и сказал об этом Великому Исидору, пресвитеру скитскому, который, отправившись на то место с несколькими из братий, взял его и принес в монастырь. Целый год Моисей был болен, так что едва наконец укрепился телом и душою. Тогда Исидор, великий иерей Христов, стал говорить ему: «Перестань наконец бороться с демонами, брат мой, и не наступай на них, ибо в подвижничестве есть мера и подвигам против демонов». Непобедимый же раб Христов говорит Великому: «Не перестану сражаться с ними, пока не оставят меня сонные мечтания». Тогда пресвитер Исидор сказал ему: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа отныне с тобою не будет нечистых сновидений. Теперь с упованием приобщись Святых Таин. Чтобы тебе не тщеславиться, будто собственными подвигами победил ты похоть, диавол и поразил тебя так сильно для твоей же пользы, чтобы ты не пал от надмения».

Выслушав это, Моисей возвратился в свою келию и уже спокойно проводил жизнь в умеренном подвижничестве. Когда через два или три месяца блаженный пресвитер Исидор спросил подвижника, не беспокоил ли его тот дух, он отвечал: «С того самого часа, как ты помолился о мне, раб Божий, со мной не случилось ничего подобного».

Сему святому дарована была великая благодать на демонов. Как мы зимой не боимся мух, так точно, и еще больше, презирал демонов этот великий ратоборец Моисей. Таково было святое житие непобедимого подвижника Моисея, по происхождению ефиоплянина, а по душе украшенного Божественною благодатию. По доблестям своим он причислен к лику великих отцов, скончался в Скиту семидесяти пяти лет от рождения в сане пресвитера и оставил по себе семьдесят учеников.

О Павле Фермейском

Есть в Египте гора, чрез которую идет путь в пустынный скит; она называется Фермою. На сей горе живет около пятисот подвижников. В числе их был некто по имени Павел, доблестный монах, который постоянно вел следующий образ жизни: ни за работу и ни за какое мирское дело никогда не принимался, ни от кого ничего не брал, исключая насущной пищи. Дело подвижничества его состояло в непрестанной молитве. Так как у него положено было совершать триста молитв в сутки, то он, набрав такое же число камешков, держал их в пазухе и, как скоро оканчивал одну молитву, выбрасывал из пазухи один камешек.

Однажды сей благочестивый муж, пришедши к святому Макарию, так называемому Городскому, для свидания и духовного назидания, сказал ему: «Авва Макарий! Я нахожусь в великой скорби». Раб Христов заставил его сказать причину скорби, и тот говорит ему:

«В одном селении живет девственница, которая подвизается уже тридцатый год. Многие сказывали мне, что она, кроме субботы и воскресенья, не вкушает пищи ни в какой день, что, всегда проводя так седмицы, вкушает через пять дней и совершает каждый день по семисот молитв. Я укорил себя, когда узнал об этом, рассуждая, что я, будучи мужчиной и превосходя ее крепостию сил телесных, не мог совершать более трехсот молитв». Святой Макарий отвечал: «Я вот уже шестидесятый год совершаю только по сто положенных молитв, зарабатываю нужное для пропитания своими руками, подолгу не отказываю братиям в свидании, и, однако ж, ум не укоряет меня в нерадении. Если же ты, совершая и по триста молитв, осуждаешься совестию, то явно, что ты или с нечистым сердцем молишься, или можешь больше молиться и, однако ж, не молишься».

О Евлогии и увечном

Кроний, пресвитер Нитрийский, рассказывал мне о себе следующее: «В ранней юности я по малодушию убежал из обители своего архимандрита и, блуждая, дошел до горы святого Антония. А сей блаженный жил между Вавилоном и Ираклеею, в обширной пустыне, простирающейся до Чермного моря, поприщ на тридцать от реки Нила. Пришедши в его монастырь (он находился близ этой реки, на месте, называемом Писпир), где жили ученики его Макарий и Аматас, которые и похоронили его, когда он почил, я пять дней ждал случая увидеть святого Антония. Мне сказывали, что он посещает монастырь иногда через десять дней, иногда через двадцать, иногда через пять – как Бог положит ему на сердце идти туда для пользы приходящих в монастырь. На этот раз собралось нас много по разным нуждам. В том числе был один александрийский монах – Евлогий и с ним еще какой-то увечный. Пришли они по следующей причине.

Этот Евлогий знал преподаваемые в школах науки, но, подвигнутый любовию к Богу и возжелав бессмертия, он отрекся от шума мирского и, раздав все свое имение нищим, оставил себе малую часть денег, потому что не мог работать. Будучи в нерешимости сам с собою оттого, что и в общежитие не хотел вступить, и не считал себя способным к уединению, он нашел на торжище одного увечного, у которого не было ни рук, ни ног, а остался в целости один язык, чтобы умолять проходящих. Евлогий, остановившись, посмотрел на него, помолился Богу и дал Богу такой обет: «Господи! Во имя Твое я возьму этого увечного и буду покоить его до самой смерти его, чтобы ради него спастись и мне.

Даруй же мне, Христе, терпения послужить ему». Потом, подошедши к увечному, сказал: «Хочешь ли, друг мой, я возьму тебя в дом и буду покоить?». «О, если бы ты удостоил меня! – отвечал увечный.– Но я не заслуживаю этого». «Так я пойду,– сказал Евлогий,– приведу осла и возьму тебя отсюда». Увечный согласился на это с великою радостию. Евлогий привел осла, посадил на него увечного, привез в свое жилище и стал заботиться о нем, удовлетворяя всем его нуждам.

Увечный пятнадцать лет жил во всем довольстве, потому что Евлогий пекся о нем, как об отце, с любовию омывал его, мазал маслом, угождал ему во всем, носил его своими руками, берег больше, чем он заслуживал, и покоил, как только требовала болезнь. Но по прошествии пятнадцати лет демон вошел в увечного, желая, конечно, и Евлогия отклонить от его обета, и увечного лишить покоя и благодарности к Богу. Увечный восстал на Евлогия, начал поносить его и осыпать ругательствами, говоря ему: «Негодный беглец! Ты, видно, похитил чужие деньги; ты, может быть бывши рабом, обокрал своего господина и за мною хочешь укрыться, как будто принял меня в свое жилище под предлогом благотворительности, и из-за меня хочешь спастись?». Евлогий упрашивал и успокаивал его, говоря: «Нет, друг мой. Не говори этого, а скажи лучше, чем я огорчил тебя, и я исправлюсь». Но увечный с дерзостию говорил: «Не хочу я этих ласк твоих; отнеси меня и брось на торжище, где прежде мне было так спокойно». «Сделай милость, друг мой,– говорил ему Евлогий,– успокойся, что тебя огорчает?». Но увечный, ожесточаясь от гнева, говорил ему: «Не могу выносить твоей коварной и лицемерной ласки. Противна мне эта скудная и голодная жизнь – я хочу есть мясо!». Великодушный Евлогий принес ему и мяса. Увидев его, строптивый увечный опять закричал: «Скучно мне жить с тобою одним – хочу видеть много людей». Евлогий отвечал: «Я сейчас приведу к тебе множество братий». Но тот опять с негодованием говорит: «О, я несчастный! На тебя не могу смотреть, а ты хочешь привести ко мне подобных тебе тунеядцев». И, терзая самого себя, закричал неистовым голосом: «Не хочу, не хочу – хочу на торжище! Брось меня там, где взял». Словом, если бы он имел руки, то не преминул бы лишить себя жизни – в такую ярость привел его демон!

Евлогий после сего пошел к жившим в соседстве подвижникам и спросил их: «Что мне делать? Бросить его? Но я дал обет Богу и боюсь нарушить его. Не бросать? Так он не дает мне покоя ни днем ни ночью. Не знаю, что мне с ним делать». Те отвечают: «Великий (так они называли святого Антония) еще жив – поди к нему. Увечного посади в лодку и, перенесши его в монастырь, там дождись, пока Великий выйдет из пещеры, и предай дело на его суд. Что он тебе скажет, то и сделай: чрез него Бог будет говорить тебе».

Евлогий послушался совета подвижников: обласкал увечного, положил его в пастушью лодку и, отправившись из города ночью, прибыл с ним в монастырь Великого Антония. Случилось же, что Великий пришел в свой монастырь, как рассказывал Кроний, поздно вечером на другой день, одетый кожаною хламидою. Он имел обыкновение призывать к себе Макария и спрашивать его: «Брат Макарий! Не пришли ли сюда какие братия?». Макарий отвечал: «Пришли». «Египтяне или иерусалимляне?» – спрашивал далее Великий. (Надобно знать, что Великий Антоний наперед внушил Макарию: «Когда увидишь, что пришли в монастырь люди не совсем усердные, то говори: “Египтяне”. А когда придут довольно благочестивые и умные, говори: “Иерусалимляне”».) Итак, Великий, по обыкновению, спросил ученика своего, Макария: «Египтяне сии братия или иерусалимляне?». Макарий отвечал: «Смесь». Когда Макарий говорил, что пришли египтяне, то Великий приказывал ему изготовить для них сочиво, накормить их и потом, сотворив о них одну молитву, отпускал их. А когда Макарий говорил: «Иерусалимляне»,– святой проводил с ними всю ночь в беседе о спасении души.

В этот вечер, говорит Кроний, Великий сел и пригласил к себе всех. Уже было очень поздно, когда он стал звать: «Евлогий, Евлогий, Евлогий!», хотя ему никто не сказывал, как зовут этого ученого. Три раза произнес он это имя. Но Евлогий не отвечал, думая, что так зовут еще другого кого-нибудь. Антоний в другой раз говорит ему: «Тебе говорю, Евлогий, который пришел из Александрии». Тогда Евлогий сказал: «Что тебе угодно?». Великий говорит ему: «Зачем ты пришел сюда?». Евлогий отвечал: «Тот, Кто открыл тебе мое имя, откроет и дело, по которому я пришел». «Знаю, зачем ты пришел,– говорит ему святой Антоний,– но расскажи при всей братии, чтобы и они услышали».

Повинуясь приказанию Великого, раб Божий Евлогий сказал при всех: «Этого увечного я нашел на торжище, он лежал там без всякого призрения. Сжалившись над ним, я помолился Богу, чтобы Он даровал мне благодать терпения в служении увечному, и взял его к себе, дав обет Христу ходить за ним, чтобы и мне спастись его ради, и ему иметь от

меня покой. Вот уже пятнадцать лет, как мы живем вместе,– твоей святости, конечно, все открыто. Но теперь, после стольких лет, не знаю, за какую вину с моей стороны он до крайности оскорбляет меня, и я решился бросить его, потому что он сам принуждает меня к тому. Вот за тем я и пришел к твоей святости, чтобы дал ты мне совет, как я должен поступить, и помолился о мне, ибо он тяжко оскорбляет меня».

Великий Антоний самым строгим и суровым голосом говорит ему: «Евлогий! Ты хочешь бросить его? Но Сотворивший его не бросит его. Ты бросишь его, а Бог воздвигнет лучшего, нежели ты, и поднимет его». Замолчал Евлогий и устрашился, услышав это. А Великий Антоний, оставив Евлогия, начинает наказывать словами увечного и громко говорит ему: «Ты, увечный, грязный, не достойный ни земли, ни неба, перестанешь ли восставать на Бога и раздражать брата? Разве не знаешь, что тебе служит Христос? Как дерзаешь говорить так против Христа? Не Христа ли ради он отдал себя в услужение тебе?». Смирив и увечного сими обличениями, Антоний оставил их и занялся беседою со всеми братиями о нуждах каждого из них, потом опять обратился к Евлогию и увечному и сказал им: «Перестаньте враждовать, дети, но пойдите с миром; не разлучайтесь друг с другом, бросьте все огорчения, которые демон посеял между вами, и с чистою любовию возвратитесь в келию, в которой жили вы столько времени. Бог уже посылает за вами. Это искушение наведено на вас сатаною: он знает, что вы оба уже при конце поприща и скоро удостоитесь венцов от Христа – он за тебя, а ты за него. Итак, ни о чем другом не думайте; если Ангел, пришедши за вами, не найдет обоих вас на одном и том же месте, вы лишитесь венцов».

И вот они поспешно отправились в путь и возвратились в свою келию в совершенной любви. Не прошло и сорока дней, как блаженный Евлогий скончался и отошел ко Господу, а через три дня после него скончался и увечный телом, но крепкий уже душою, предав дух свой в руки Божии.

Кроний, пробывши несколько времени в Фиваиде, пошел в монастыри александрийские. Случилось, что в это время братия уже совершили по блаженном Евлогии сороковой день, а по увечном третины. Узнав о сем, Кроний изумился и, взявши Евангелие для удостоверения слушавших его, положил оное среди братии и, рассказав, как Великий Антоний наперед узнал о них и о всем случившемся, присовокупил с клятвою: «Я сам был переводчиком при их разговоре, ибо блаженный Антоний не знал по-гречески, а я знаю оба языка (греческий и египетский), потому и переводил блаженным уже по благодати Христовой, Евлогию и увечному, по-гречески слова Великого, а святому, блаженному и Великому Антонию,– по-египетски слова того и другого».

Сказание блаженного Антония

Кроний рассказывал: «Антоний Великий в ту ночь, как отпустил блаженного Евлогия по примирении с увечным, рассказал нам следующее: “Целый год молился я, чтобы мне показано было место праведных и грешных. И вот увидел я огромного черного великана, который поднимался до облаков и досягал руками до неба; под ним было озеро величиною с море. Потом увидел я души человеческие; они летали как птицы и, которые перелетали через руки и голову великана, все охраняемы были Ангелами, а которых он ударял своими руками, те падали в озеро. И пришел ко мне голос: те, которых видишь ты перелетающими через голову и руки великана,– это души праведников, Ангелы охраняют их в раю, а те, которых черный великан ударяет руками, погружаются в ад, потому что увлеклись пожеланиями плоти и предались памятозлобию”».

О Павле ПрОстом

Расскажу теперь, что я слышал от святого раба Христова Иеракса, также от Крония и многих других братий. Некто Павел, сельский земледелец, чрезвычайно незлобивый и простой нравом, сочетался браком с женою весьма красивою, но бесчестного поведения. Она уже давно грешила, только муж не знал этого. Однажды, пришедши с поля домой внезапно, он открыл ее связь с человеком посторонним. Промысл обратил сей случай во благо для Павла. Он оставляет ту жену, потом, никому не сказав ни слова, обходит восемь монастырей и, пришедши к блаженному Антонию, стучится в двери. Антоний, вышедши, спрашивает его: «Что тебе нужно?». Павел отвечает ему: «Хочу быть монахом». «Не

можешь,– сказал Антоний,– тебе уже шестьдесят лет; ступай лучше опять в свое селение, работай и живи в трудах, благодаря Бога: ты не можешь перенести скорбей пустыни». Старец опять отвечал: «Я все буду делать, чему ты научишь меня». «Я сказал тебе,– продолжал Антоний,– что ты стар и не можешь быть монахом – ступай отсюда. Если же тебе хочется быть монахом, то поди в общежительный монастырь, где много братий, которые могут снисходить к немощам твоим. А я здесь живу один, ем чрез пять дней, и то не досыта».

Сими и подобными словами Антоний отгонял от себя Павла и, чтобы не пустить его к себе, запер дверь и три дня не выходил из-за него даже для своих нужд. А старец все стоял и не отходил. На четвертый день Антоний, по необходимости отворив дверь, вышел и, увидев опять Павла, сказал ему: «Отойди отсюда, старец. Чего ты от меня домогаешься? Нельзя тебе здесь остаться». «Невозможно мне умереть в другом месте, как здесь»,– отвечал Павел. Посмотрев на него и видя, что с ним ничего нет съестного: ни хлеба, ни воды и ничего другого – и что он уже четвертый день остается совсем без пищи, Великий Антоний подумал: «Как бы он, не привыкши поститься, не умер и не положил пятна на душу мою» – и после этого принял Павла к себе, сказав ему: «Можешь спастись, если будешь послушен и станешь делать все, что услышишь от меня». «Все буду делать, что ни прикажешь»,– отвечал Павел.

И начал Антоний в следующие дни вести такую суровую жизнь, какой не вел и в ранней юности. Искушая Павла, он сказал ему: «Стой здесь и молись до тех пор, пока я не приду и не принесу тебе работу». Потом, ушедши в пещеру, смотрел на него в окно и видел, как он, палимый зноем, простоял на том месте целую неделю неподвижно. Затем, намочив пальмовых ветвей, сказал ему: «Возьми и плети веревку вот так, как я». Старец плел до девятого часа и с великим трудом сплел веревку в пятнадцать локтей длиною. Посмотрев на плетенье, Великий Антоний был недоволен им и сказал Павлу: «Дурно сплел, расплети и начни снова». Между тем Павел уже четыре дня ничего не ел – в таких преклонных летах! Антоний изнурял так Павла для того, чтобы этот старец, вышедши из терпения, убежал от него и бросил монашество. Но тот расплел веревку и начал плести ее снова из тех же самых ветвей, хотя это было уже труднее прежнего, потому что ветви крутились от первого плетения.

Антоний Великий, видя, что старец и не пороптал, и не помалодушествовал, и нисколько не оскорбился, даже вовсе не изменился в лице, сжалился над ним и при захождении солнца сказал ему: «Не съесть ли нам, отец, кусок хлеба?». «Как тебе угодно, авва»,– отвечал Павел. Это еще боле тронуло Антония, что он не побежал тотчас же, как услышал о пище, но отдал на его волю. «Так поставь стол»,– сказал Антоний старцу. Он сделал это. Антоний принес и положил на стол четыре сухих хлебца, унций по шесть каждый, и размочил для себя один, а для него три; потом начал петь псалом, какой знал, и, пропев его двенадцать раз, столько же раз молился, чтобы и в этом испытать Павла.

Вместе с Великим молился и старец, и еще усерднее его. После двенадцати молитв Антоний сказал ему: «Пойди ешь». Но, как только он сел за стол и стал брать хлеб, Антоний сказал ему: «Сиди и не ешь до вечера, а только смотри на хлеб». Наступил вечер, а Павел все не ел. Тогда Антоний сказал ему: «Вставай, помолись и ложись спать». Павел так и сделал. В полночь Антоний разбудил его на молитву и продолжал молитвы до девятого часа дня. Приготовив потом трапезу, он опять пригласил к ней Павла, и они сели есть уже поздно вечером. Антоний Великий, съевши один хлебец, другого не брал, а старец, евши медленнее, не успел еще съесть и начатого им хлебца. Дождавшись, пока он кончит, Антоний сказал ему: «Возьми и другой хлебец». «Если ты будешь есть, то и я,– отвечал Павел,– а если ты не будешь, то и я не буду». «Для меня довольно,– сказал ему Антоний,– я монах». «И для меня довольно,– отвечал Павел Великому,– и я хочу быть монахом». Тогда они встали, и Антоний прочитал двенадцать молитв и пропел двенадцать псалмов. После молитв они уснули немного первым сном, потом опять встали и пели псалмы от полуночи до самого дня. Затем Антоний послал Павла обойти пустыню, сказав ему: «Через три дня приходи сюда». Сделав это и застав у Антония несколько братий, Павел спросил его, что прикажет ему делать? Антоний отвечал: «Ни слова не говоря, служи братиям и ничего не вкушай, пока братия не отправятся в путь». И так целых три недели Павел не вкушал ничего. Братия спросили его: «Почему ты молчишь?». Павел ничего не отвечал. Тогда Антоний сказал ему: «Что ты молчишь? Поговори с братиями». И он стал говорить.

Однажды Павлу принесли сосуд меду, и Антоний сказал ему: «Разбей сосуд, пусть мед весь вытечет». Он так и сделал. «Собери опять мед»,– сказал Антоний. И это было

сделано. Потом Антоний говорит ему: «Собери мед в другой раз в раковину – так, чтобы не было в нем никакого сору». Еще велел ему Антоний целый день черпать воду. В другой раз раздрал у него одежду и приказал сшить ее, и тот сшил снова.

Сей муж стяжал такое послушание, что ему дана была от Бога власть изгонять бесов. Великий Антоний, видя, что старец ревностно подражает ему во всяком роде подвижничества, сказал ему: «Смотри, брат! Если ты можешь ежедневно так подвизаться, то оставайся со мною». Павел отвечал: «Может быть, ты покажешь мне со временем и больше что-нибудь – не знаю, но, что доселе ты делал при мне, все то и я делаю легко». На другой день после сего Антоний сказал Павлу: «Во имя Господа, ты уже стал монахом». Уверившись наконец вполне, что раб Христов Павел, хотя весьма прост и не учен, но совершен душою, блаженный и Великий Антоний спустя несколько месяцев, при содействии благодати Божией, устроил ему особую келию поприща за три или за четыре от своей и сказал: «Вот ты, при помощи Христовой, стал уже монахом; живи теперь один, чтобы испытать искушение и от демонов».

Прожив год в уединении, Павел ПрОстый за высокое совершенство в добродетели подвижнической удостоился дара изгонять демонов и целить всякие болезни. Однажды привели к блаженному Антонию в крайней степени бесноватого юношу: в него вселился главный, лютейший демон, который даже изрыгал хулы на Небо. Антоний Великий, посмотрев на юношу, сказал приведшим его: «Это не мое дело: я не получил еще власти над сим главным чином демонов. Этот дар имеет Павел ПрОстый». Сказав сие, блаженный Антоний вместе с ними пошел к доблестному Павлу и, пришедши к нему, сказал: «Авва Павел! Изгони демона из этого человека, дабы он здравым возвратился в дом свой и славил Господа». Павел спросил его: «А ты что?». «Мне некогда,– отвечал Антоний,– у меня есть другое дело»,– и, оставив у него отрока, ушел в свою келию. Незлобивый старец встал, совершил усердную молитву и, призвав бесноватого, говорит: «Авва Антоний повелевает тебе выйти из сего человека, чтобы он, выздоровев, славил Господа». Диавол с ругательством вскричал: «Не выйду!». Павел, взяв свою милоть, стал бить ею бесноватого по спине, говоря: «Выдь, авва Антоний повелевает». Но демон стал еще сильнее поносить Павла вместе с Антонием: «Старые вы тунеядцы, сонливые, ненасытные, никогда не довольные своим! Что общего у нас с вами? Что вы мучите нас?». Наконец Павел сказал: «Выдь, или я пойду и скажу Христу; если ты не выйдешь, клянусь Иисусом, я тотчас пойду скажу Ему, и тогда горе тебе!». Лютый демон начал поносить и Иисуса, продолжая кричать: «Не выйду!».

Разгневавшись на демона, святой Павел вышел из своей келии в самый полдень. (В это время, особенно в этих местах, бывает у египтян такой жар, как будто в пещи вавилонской.) И стал он на горе, как неподвижный столп под открытым небом, и молился так: «Иисусе Христе, распятый при Понтийском Пилате! Ты видишь, что я не сойду с камня, не буду ни есть, ни пить до смерти, если Ты не услышишь меня теперь, и не изгонишь беса из сего человека, и не освободишь его от духа нечистого». Еще взывал простой и смиренномудрый Павел к Иисусу, еще не окончились слова чистых уст его, как бес вскричал внизу у келии: «Выйду, меня насильно изгоняют; оставляю этого человека и больше не приду к нему; смирение и простота Павла изгоняют меня, и я не знаю, куда идти». Тотчас бес вышел и, превратившись в огромного дракона локтей в семьдесят, ушел в Чермное море.

Так исполнилось сказанное Духом Святым: *Явленную веру возвещает праведный* (Притч. 12, 17); и в другом месте: *На кого воззрю,*– глаголет Господь*,– токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). (Обыкновенно низшие демоны изгоняются мужами высокими в вере, а начальные демоны прогоняются смиренными.) Вот чудеса простого и смиренномудрого Павла! Весьма много совершил он и других, еще больших чудес. Братия все звали его ПрОстым.

О Пахоне

Жил в Скиту некто по имени Пахон; ему было уже около семидесяти лет от роду. Случилось, что, по навождению демонскому, мучила меня блудная похоть, так что я не в силах был бороться с помыслами и ночными видениями. Сильно гонимый страстию, я от этого искушения уже готов был уйти из пустыни; между тем не сказывал об этом соседним отцам, ни даже учителю своему Евагрию, но тайно отправился в самую глубину пустыни и

там пятнадцать дней провел в беседе с отцами Скита, состарившимися в пустынножительстве. Между ними встретил я и Пахона. Заметив в нем более искренности и духовной опытности, я осмелился открыть ему свое сердце. И вот что сказал мне этот святой:

«Не смущайся от сего искушения. Это терпишь ты не от беспечности. В пользу твою говорят место, скудость в необходимых потребностях и невозможность видеть здесь женщин. Напротив, это навел на тебя враг за твою ревность к добродетели. Брань блудная – троякого рода: иногда нападает на нас плоть, преданная неге; иногда страсти возникают в нас от помыслов, а иногда сам диавол восстает на нас из зависти. Я узнал это из многих наблюдений. Вот я, как видишь, старый человек: сорок лет живу в этой келии и пекусь о своем спасении, но, несмотря на мои лета, доселе еще подвергаюсь искушениям». И здесь он с клятвою присовокупил: «В продолжение двенадцати лет, после того как я достиг пятидесятилетнего возраста, ни дня ни ночи не проходило, чтобы враг не нападал на меня. Подумав, что Бог отступил от меня и потому демон так мучит меня, я решился лучше умереть безрассудно, нежели постыдным образом предаться сладострастию плоти, и, вышедши из своей келии, пошел по пустыне и нашел пещеру гиены. Целый день лежал я в ней нагой, чтобы звери при выходе из пещеры пожрали меня. И вот, как настал вечер и, по писаному, *солнце позна запад свой. Положил еси тму, и бысть нощь, в нейже пройдут вси зверие дубравнии, скимни рыкающии восхитити и взыскати от Бога пищу себе* (Пс. 103, 19–21), самец и самка, выходя в это время из пещеры, с ног до головы обнюхивали меня и облизывали. Я уже думал, что буду съеден, но они оставили меня. Итак, пролежав целую ночь и не быв съеден, я уверился, что, конечно, помиловал меня Бог, и тотчас возвратился в свою келию.

Демон же, переждав несколько дней, опять восстал на меня еще сильнее прежнего, так что я едва не произнес хулы на Бога. Он принял вид ефиопской девицы, которую я видел в молодости своей, когда она летом собирала солому. Мне представилось, что она сидит у меня, и демон до того довел меня, что я думал, будто уже согрешил с нею. В исступлении я дал ей пощечину – и она исчезла. Поверь мне, два года не мог я истребить нестерпимого зловония от руки своей. Я стал поэтому унывать еще более и наконец в отчаянии пошел скитаться по пустыне. Нашедши небольшого аспида, я взял его и стал подносить к своему телу, чтобы, как он ужалит меня, умереть мне. Но, сколько я ни подносил его, он не ужалил меня, промышлением благодати. После сего услышал я говоривший моему сердцу голос: “Иди Пахон, подвизайся. Я для того попустил демону такую власть над тобою, чтобы ты не возмечтал, будто можешь победить демона сам, но, чтобы, познав свою немощь, ты никогда не уповал на свое житие, а всегда прибегал к помощи Божией”. Успокоенный сим гласом, я возвратился в свою келию. С того времени ощутил я в себе бодрость и, не тревожимый более сею бранию, провожу, после борьбы, остальные дни свои в мире. Постыжденный демон, увидя мое презрение к нему, уже не приближался ко мне». Сими словами святой Пахон укрепил меня на борьбу с сатаною, сделал более бодрым на подвиги, научил легко выдерживать брань с демоном блуда и, отпуская, велел мне всегда хранить мужество.

О Стефане

Некто Стефан, родом из Ливии, около шестидесяти лет жил между Мармарикою и Мареотом. Достигши высокого совершенства в подвижничестве и в познании сердца человеческого, он удостоился такой благодати, что всякий, у кого была какая-нибудь печаль, побеседовав с ним, отходил от него без печали. Он был известен и блаженному Антонию и жил еще в мое время, но я не видел его по дальности пути. Видели же его ученики святого Аммония и Евагрия и рассказывали мне о нем следующее: «Пришли мы к нему в такое время, когда у него открылась в самом опасном месте ужасная болезнь – рак. При нас и лечил его какой-то врач. Предоставив в его распоряжение больные части тела, святой муж работал руками, плел корзины и разговаривал с нами. При отсечении зараженных частей он оставался неподвижен и показывал такое терпение, как будто резали чье-нибудь чужое тело или как будто у него отсекли не члены, а волосы: казалось, он совсем не чувствовал боли. Так укрепляла его помощь Божия! Когда же мы об этом скорбели и недоумевали, как муж такой жизни впал в такую болезнь и подвергся таким врачебным мерам, блаженный Стефан, уразумев наши помыслы, сказал нам: “Не

врачебным мерам, блаженный Стефан, уразумев наши помыслы, сказал нам: “Не соблазняйтесь этим, дети; Бог ничего не делает ко вреду, но все для полезной цели. Видно, Господь нашел сии члены достойными наказания, а в таком случае лучше им здесь пострадать, нежели по отшествии из сей жизни”. Так вразумив нас и этими словами укрепив в терпении, он научил нас мужественно переносить скорби». Я с намерением рассказал это для того, чтобы мы не почитали странным, когда видим, что некоторые святые подвергались столь тяжким недугам.

О Валенте

Был некто Валент, родом из Палестины, по духу гордый, как коринфянин (коринфян и блаженный апостол Павел в Послании своем укорял за порок гордости: *И вы разгордесте* [1 Кор. 5, 2]). Этот Валент долго жил с нами в пустыне, много изнурял плоть свою и по жизни был великим подвижником, но потом, обольщенный духом самомнения и гордости, впал в крайнее высокомерие, так что сделался игралищем бесов. Надмившись пагубною страстию самомнения, он стал мечтать наконец в самообольщении, что с ним беседуют Ангелы и при всяком деле служат ему.

Вот что рассказывали о нем люди, хорошо его знавшие. Однажды в глубокий вечер, когда уже было темно, он плел корзины и уронил шило на пол. Долго он не находил его, как вдруг, по навождению бесовскому, явился в келии зажженый светильник, с ним нашел он потерянное шило. Это дало новую пищу его надмению; в упоении гордости подвижник еще более возмечтал о себе, так что стал наконец презирать и самые Таины Христовы. Однажды какие-то странники принесли в церковь для братии плодов; блаженный Макарий, пресвитер наш, разослал их по келиям, по горсти каждому брату, в том числе и этому Валенту. Получив плоды, Валент обругал и избил принесшего и сказал ему: «Ступай скажи Макарию: “Я не хуже тебя, что ты посылаешь мне благословение”». Узнав из сего, что Валент находится в обольщении, Макарий через день пошел увещевать его и сказал ему: «Брат Валент! Ты в обольщении. Перестань и помолись Богу». Но Валент не внимал увещаниям отца Макария. А как тот не послушал убеждений его, то он и ушел в сильной скорби о падении Валента. Диавол же, уверившись, что Валент совершенно предался обману его, принимает на себя вид Спасителя и ночью приходит к нему окруженный сонмом демонов во образе Ангелов с зажженными светильниками. И вот является огненный круг, и в средине его Валент видит как бы Спасителя. Один из демонов, в образе Ангела, подходит к нему и говорит: «Ты благоугодил Христу своими подвигами и свободою жизни, и Он пришел видеть тебя. Итак, ничего другого не делай, а только, ставши вдали и увидев Его, стоящего среди всего сонма, пади и поклонись Ему, потом иди в свою келию». Валент вышел и, увидев множество духов со светильниками на расстоянии около стадии, пал и поклонился антихристу. Обольщенный до того простер свое безумие, что, пришедши на другой день в церковь, сказал при всей братии: «Я не имею нужды в приобщении: сегодня я видел Христа».

Тогда святые отцы, связали его цепями и в течение года вылечили, истребив гордость его молитвами, разнообразным унижением и суровою жизнию, как говорится, врачуя противное противным.

Нужно поместить в этой книжице и жития подвергшихся обольщению для предостережения читателей (так как и в раю, вместе с добрыми произрастениями, росло древо познания добра и зла), чтобы они, если и совершат какой подвиг, не думали много о своей добродетели, ибо нередко и добродетели служат поводом к падению, когда мы совершаем их не с духовною мудростию и не ради благочестия, как и написано: *…есть праведный погибаяй во своей правде… И сие суета* (Еккл. 7, 16; 8, 10).

Об Эроне

У меня был сосед Эрон, родом из Александрии, благовоспитанный юноша с прекрасными умственными дарованиями и неукоризненной жизни. И он также после великих трудов, доблестных подвигов и весьма добродетельной жизни, поднявшись на мечтательную высоту безумного надмения, низвергся оттуда жалким для всех падением и

мечтательную высоту безумного надмения, низвергся оттуда жалким для всех падением и погубил себя. Движимый суетным кичением, он возгордился пред святыми отцами и стал поносить всех, в том числе и блаженного Евагрия, говоря: «Последующие твоему учению заблуждаются, потому что не должно следовать другим учителям, кроме одного Христа». Злоупотреблял еще и свидетельством слова Божия с превратною целию подкрепить свое безумие и говорил, что Сам Спаситель сказал: *…не нарицайте учителей на земли* (ср.: Мф. 23, 8). Наконец, суетное кичение совершенно омрачило его разум, и он до того упал, что его связали цепями, так как, по гордости, он не хотел приступать и к самым Таинам.

Надобно сказать правду: жизнь его, по рассказам людей, живших с Эроном, была необыкновенно строгая и точно подвижническая. Некоторые говорят, что часто он принимал пищу через три месяца, довольствуясь одним приобщением Таин, и разве еще где попадался ему дикий овощ. Опыт его постничества я и сам видел вместе с блаженным Альбином на пути в Скит. До Скита нам было сорок поприщ. В продолжение пути мы дважды ели и трижды пили воду. А он совсем ничего не ел и, идя пешком, прочитал наизусть пятнадцать псалмов, потом великий псалом, потом Послание к Евреям, потом Исаию и часть Иеремии пророка, затем Луку евангелиста и Притчи. И при этом он шел так, что мы не могли поспевать за ним. Лукавый демон наконец так возобладал им, что он не мог жить в своей келии, как будто самый сильный пламень гнал его. Эрон отправился в Александрию, конечно по смотрению Промысла Божия и по изречению: «клин клином выбил». Там он стал посещать зрелища и конские бега и проводить время в корчемницах. Предаваясь, таким образом, чревоугодию и пьянству, он впал и в нечистую похоть любострастия. От нечистой жизни открылась у него злокачественная болезнь, которая страшно мучила его полгода. Когда сделалось ему легче, он пришел в доброе чувство, вспомнил о небесной жизни, исповедал все, что было с ним, пред святыми отцами, но, ничего не успев сделать, чрез несколько дней скончался.

О Птоломее

Был еще другой подвижник, по имени Птоломей. Его добродетели были столь велики, что о них трудно или, лучше, невозможно рассказать. Сначала он жил за Скитом, на так называемой лестнице. В этом месте ни один монах не мог жить, оттого что колодезь с водою был за восемнадцать поприщ. Сюда ходил Птоломей с большими глиняными сосудами и брал себе воду. А в декабре и январе месяце он довольствовался росою, которую собирал с камней в свои кувшины (там в эти месяцы падает сильная роса). Так жил он здесь пятнадцать лет и во все это время почти ни с кем не встречался. Но, лишенный духовного наставления и беседы с преподобными мужами и назидания святых отцов, а также постоянного общения Таин Христовых, он совратился с правого пути и дошел до такого безумия, что, подобно некоторым нечестивцам, и этот несчастный стал признавать господство случая, потому что им управлял демон заблуждения. Этот враг внушил ему говорить вот какую новость: будто дела не имеют никакого значения, а просто все в мире происходит случайно. Затем враг жизни человеческой, совершенно овладев его душою, стал внушать ему вот что: «Если это правда, то зачем ты так изнуряешь себя понапрасну? Что будет тебе, Птоломей, пользы, если нет воздаяния? Да если бы и был Воздаятель, чем Он мог бы наградить тебя достойно за такие подвиги? И что это за суд, которым угрожает Писание, когда все происходит без Промысла?».

Эти сатанинские внушения сокрушили несчастного Птоломея, так что он совсем потерял ум и, говорят, доселе скитается по Египту, предаваясь чревоугодию и пьянству, ни с кем не говорит, но молча бродит по площадям, представляя из себя глазам христиан жалкое и плачевное зрелище и служа игрушкою и посмешищем для тех, которые не имеют понятия о нашей жизни. И это неисцельное бедствие постигло несчастного Птоломея за его безумную гордость: обольщенный лукавым, он думал, будто имеет ведение выше всех святых отцов. Надмившись этим, он – враг самому себе – погрузился в эту бездну погибели потому, что никогда не беседовал со святыми отцами, сими мудрыми кормчими, и не внимал их духовному наставлению; за то, не имея кормчего и постигнутый мрачною бурею, низринулся в крайнюю пучину смерти. Или его можно уподобить прекрасному дереву, которое, быв покрыто листьями и плодами, в одну минуту лишилось всего и засохло. Так было и с ним, по слову Писания: *Имже несть управления, падают аки листвие* (Притч. 11, 14).

О девственнице иерусалимской

Еще знал я в Иерусалиме одну девственницу, которая шесть лет носила власяницу и, заключившись в своей келии, отреклась от всех удовольствий и между женщинами вела жизнь самую воздержную. Но потом, быв оставлена Божией помощию за чрезмерную гордость – эту питательницу всякого зла,– она впала в блуд. Это случилось с нею потому, что она подвизалась не по духовному расположению и не по любви к Богу, но напоказ людям, ради суетной славы, которой ищет растленная воля. Демон тщеславия, отвлекши ее от благочестивых помыслов, возбудил в ней желание осуждать других. Когда же она пришла в опьянение от демона гордости и еще соуслаждалась ему, тогда святой Ангел, страж целомудрия, отступил от нее.

Я описал тебе, благочестивейший муж, жития как тех, которые до конца пребыли в добродетели, так и тех, которые с высоты подвижничества после многих трудов по нерадению увлечены были диаволом в разнообразные сети его для того, чтобы каждый в своей жизни мог распознавать тайные козни ненавистника добра и избегать сетей его. Много было великих мужей и жен, которые сначала ревностно подвизались в добродетели, но наконец были низложены врагом человеческого рода. Из множества их упоминая только о немногих, я о большей части из них умолчу, потому что, разглагольствуя о них много, и их не исправил бы, и себе не принес бы пользы, притом оказал бы невнимание к избранным подвижникам Христовым, если бы прекратил дальнейшее повествование о доблестях благочестивого подвижничества их.

О девственнице Пиамун

Была девственница по имени Пиамун, которая всю жизнь свою прожила со своею матерью и с нею наедине принимала пищу только вечером, а днем пряла лен. Она удостоилась дара пророческого. Однажды, во время разлития Нила, одна деревня напала на другую, ибо между деревнями бывают ссоры из-за раздела воды, напояющей участки земли, от чего зависит ее плодородие, причем нередко доходит до кровопролития и смертоубийства. Итак, сильнейшая деревня напала на деревню, в которой жила Пиамун. Множество народа шло туда с кольями и дубинами, чтобы совсем разорить деревню ее. Но блаженной деве явился Ангел Божий и открыл ей о предстоящем нападении. Она, призвавши старейшин своей деревни, сказала им: «На вас идут из такой-то деревни; ступайте к ним навстречу и упросите их оставить свой замысел против вас, иначе все мы, жители этой деревни, погибнем вдруг». Устрашенные старейшины пали ей в ноги и начали просить ее и умолять, говоря ей: «Мы не смеем идти к ним навстречу, ибо знаем их ярость и неистовство, но сделай милость нам, и всему селению, и своему дому – выйди сама к ним навстречу и укроти их, чтобы они воротились назад». Святая не согласилась на это, но, взошедши в свою келию, всю ночь стояла на молитве, умоляла Бога и говорила: «Господи, Судия вселенной, Ты, Которому не угодна всякая неправда! Когда приидет к Тебе молитва сия, пусть святая сила остановит их на том месте, где постигнет их». Так и случилось по молитве святой девы.

Часу в первом дня враги находились за три поприща от деревни и на этом самом месте остановились, как просила святая, и никак не могли тронуться с места. И самим этим врагам открыто было, что это случилось с ними по предстательству рабы Христовой Пиамун. Посему они послали в ее селение просить мира и сказать жителям: «Благодарите Бога и праведную Пиамун: ее святые молитвы и вас спасли, и нас не допустили до великого греха».

О Пахомии и живших с ним

В Фиваиде есть место, называемое Тавенна; там был монах Пахомий, один из великих подвижников, удостоившийся дара пророческого и видений ангельских. Он был весьма

нищелюбив и человеколюбив. Однажды, когда он сидел в своей пещере, явился ему Ангел Господень и сказал: «Пахомий! Ты сделал свое дело, посему теперь не должно тебе оставаться в этой пещере. Пойди собери всех молодых монахов, живи с ними и управляй ими по уставу, какой дам тебе». Потом он дал ему медную доску, на которой написано было следующее:

«Позволяй каждому есть и пить по потребности; назначай им труды, соразмерные с силами каждого; не возбраняй ни поститься, ни есть; труды тяжелые возлагай на тех, которые крепче силами и больше едят, а малые и легкие назначай слабым, которые не привыкли к подвижничеству. Келии устрой отдельные в одном здании, и в каждой келии пусть живут по три. Пища пусть предлагается для всех в одном месте. Спать не должны они лежа, но пусть устроят себе седалища с отлогими задниками и спят на них сидя, постлавши постель свою. На ночь они должны оставаться в льняных хитонах и препоясанные. У каждого должна быть белая козья милоть (мантия); без нее не должны они ни есть ни спать. Но к принятию Таин Христовых по субботам и воскресеньям да приступают только с наглавником, развязав пояс и снявши милоть». А наглавники Ангел назначил им без подвязок, как у детей, и на них приказал положить изображение пурпурового креста. Братию он повелел разделить на двадцать четыре чина: по числу двадцати четырех букв – так, чтобы каждый чин означался греческими буквами от *альфы* и *беты* по порядку до *омеги*, чтобы, когда архимандриту нужно будет спросить или узнать о ком-либо из столь многих братий, он спрашивал у своего помощника, в каком состоянии находится чин *альфы (α)* или чин *беты (β)*, либо же просил отнести благословение чину *ро (ϱ)*… Наименование каждой буквы уже само собою указывало бы на означаемый ею чин. «Инокам, более других простым и незлобивым,– продолжал Ангел,– дай имя *иоты (ι)*, а непокорных и крутых нравом отметь буквою *кси (χ)*, выражая таким образом самою формою буквы свойство наклонностей, нрава и жизни каждого чина. Знаки сии будут поняты только духовным». На доске написано было еще, что, ежели придет странник из другого монастыря, где живут по другому уставу, он не должен ни есть, ни пить вместе с ними, даже не входить в монастырь, исключая того случая, когда он будет найден на дороге. А однажды вошедший должен остаться с ними навсегда. «К высшим подвигам прежде трех лет не допускай его – только после трех лет, когда совершит он тяжкие работы, пусть вступит на это поприще. За трапезою головы у всех должны быть покрыты наглавником, чтобы один брат не видел, как ест другой. Не должно также разговаривать во время трапезы, ни смотреть по сторонам, а только на стол или в блюдо». Ангел положил совершать монахам в продолжение всякого дня двенадцать молитв, также вечером двенадцать, ночью двенадцать и три в девятом часу. Когда братии рассудится прийти за трапезу в большом числе, то каждый чин пред совершением молитвы должен петь псалом. Когда же Пахомий великий на это сказал, что молитв мало, Ангел говорит ему: «Я положил столько для того, чтобы и слабые удобно, без отягощения, могли выполнять правило; совершенные же не имеют нужды в уставе, ибо, пребывая наедине в келии, они всю жизнь свою проводят в созерцании Бога. Устав дал я тем, у которых ум еще не зрел, чтобы они, хотя как непокорные рабы, по страху к господину выполняя общее правило жизни, достигали свободы духа».

Дав сей устав и тем исполнив свое служение, Ангел удалился от Великого Пахомия. Правило это приняли весьма многие монастыри, в которых число братий простирается до семи тысяч человек. Первый и великий монастырь, в котором жил сам блаженный Пахомий и который был рассадником других монастырей, имеет братии около тысячи трехсот человек.

Об авве Афонии

Между монахами Пахомиева монастыря есть раб Божий именем Аффоний, занимающий теперь второе место в монастыре, мой искренний друг. Его, как уже недоступного соблазнам, обыкновенно посылают в Александрию по монастырским нуждам, как-то: для продажи рукоделия и для покупки припасов. Есть и другие монастыри, в которых живут по двести и по триста человек. Так, например, в Панопольском монастыре братии состоит триста человек. В этом монастыре видел я пятнадцать портных, семь кузнецов, четыре плотника, двенадцать верблюжьих погонщиков, пятнадцать сукноваляльщиков. Здесь занимаются всяким ремеслом и остатки от вырученного

употребляют на содержание женских монастырей и на подаяния в темницы. Вставши рано утром, все принимаются за свои ежедневные работы: одни трудятся на поварне, другие готовят трапезу. Там они заняты до третьего часа дня – ставят столы, раскладывают по столам хлеб, разного рода овощи, оливы, сыр и сушеные плоды. Собираются в трапезу не все в одно время. Еще не привыкшие к строгой жизни приходят за стол в шестом часу (это около полудня), немощные – в седьмом, иные – в восьмом, другие – в девятом, а иные – в десятом или поздно вечером; одни через два дня, другие через три и даже через пять дней – словом, каждый разряд знает свой час. Занятия их вот в чем состоят: один возделывает землю, другой работает в саду, кто – на кузнице, на мельнице, в кожевне, иные идут в мастерскую плотничать, иные валяют сукна, другие плетут разного рода и величины корзины и за работою читают наизусть Писание.

К Пахомиевым же монастырям принадлежит женский монастырь, имеющий около четырехсот инокинь; в нем содержат такой же устав и образ жизни, только не носят милоти. Инокини живут на одном берегу Нила, а монахи – против них на другом. Если скончается девственница, другие девственницы, приготовив ее к погребению, выносят и полагают ее на берегу реки. Иноки же, переплывши реку, переносят умершую на свой берег с пальмовыми и оливковыми ветвями и псалмопением и погребают в своих гробницах. Кроме пресвитера и диакона, никто не входит в женский монастырь, да и они – только по воскресеньям, для богослужения.

Об оклеветанной девственнице

В этом женском монастыре случилось вот что. Портной, мирянин, переплыв реку, по неведению, искал себе работы. Одна из младших девственниц, вышедши по какой-то надобности из монастыря, случайно встретилась с ним (место было пустынное) и сказала ему: «У нас есть свои портные». Встречу эту видела другая сестра и, чрез несколько времени поссорившись с тою сестрою, в жару злобного гнева, по наущению диавольскому, оклеветала ее пред сестрами по поводу той встречи. К клеветнице присоединились некоторые и не желавшие зла сестре. Эта, не могши перенести позора, что подверглась такой клевете, когда грех и на мысль не приходил ей, с печали тайно бросилась в реку и утопилась. Не перенесла этого и клеветница. Одумавшись, она увидела, что по злобе оклеветала и погубила ее, и сама удавилась. Когда пришел в монастырь пресвитер и сестры рассказали ему о случившемся, то он воспретил совершать поминовение по преступницам, а других, которые знали дело и не уговорили клеветницу, но еще поверили словам ее, отлучил на семь лет от причащения.

О юродивой девственнице

В том же монастыре была одна девственница, именем Исидора. Христа ради она показывала себя юродивою и безумною, избрав сей род подвижничества по своему редкому смирению и самоуничижению. Другие до того презирали ее, что даже не ели с нею, а она принимала это с радостию. Служа в поварне, она исполняла всякое послушание для всех сестер, как покорная рабыня, готовая на всякую службу. Сия блаженная была, как говорится, отребьем монастыря и самым делом исполняла написанное в Святом Евангелии: *Иже хощет в вас вящший быти, да будет всем раб и всем слуга* (ср.: Мф. 20, 26; Мк. 10, 43); также: *Аще кто мнится мудр быти в вас в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. 3, 18). Другие девственницы, как уже постриженные, носили на голове куколи, а у нее голова всегда была покрыта ветхою повязкою. Из четырехсот сестер ни одна не видывала, когда она ела. За трапезу она никогда не садилась, никогда не брала себе и ломтя хлеба, а довольна была крошками, собираемыми после стола, и остатками в сосудах, которые обмывала. Обуви также она никогда не носила и, несмотря на все поношения, брань и презрение, какие многие оказывали ей, никого не обижала и ни полсловом не показывала ропота.

О Питириме

Святому отшельнику Питириму, жившему в Порфирите, мужу, знаменитому подвигами, предстал Ангел и сказал о преподобной Исидоре: «Для чего ты превозносишься своими подвигами, как благочестивый и живущий в таком месте? Хочешь ли видеть женщину более тебя благочестивую? Ступай в женский Тавеннский монастырь и найдешь там одну, которая носит на голове повязку,– она лучше тебя, ибо она борется с таким многолюдством, всем служит различным образом и, хотя все презирают ее, сердцем никогда не отступает от Бога. А ты, сидя здесь и никогда не живши в мире, блуждаешь мыслию по городам».

Поднявшись со своего места, Великий Питирим пошел в Тавеннский монастырь и просил тамошних учителей проводить его в женский монастырь. Переправившись через реку, они с радостию ввели его туда, как мужа, знаменитого между отцами и состарившегося в подвижничестве. Когда помолились они, Великий изъявил желание видеть лично всех насельниц. Собрались все – не пришла одна Исидора. Святой Питирим сказал: «Приведите мне всех». И когда ему отвечали: «Мы все здесь», он сказал: «Здесь нет одной, которую показал мне Ангел». Тогда они сказали: «Есть у нас одна безумная – она в поварне». «Приведите и ее,– говорит Великий,– дайте мне посмотреть на нее». И они пошли позвать ее. Но Исидора, понявши дело, не послушалась; может быть, ей было и откровение. Ее ведут насильно, говоря: «Святой Питирим желает видеть тебя». А имя его было славно. Когда же привели ее и Великий увидел лицо ее и на голове у нее ветхую повязку, пал ей в ноги и сказал: «Благослови меня, мать». И она, также упавши ему в ноги, сказала: «Ты благослови меня, господин мой!». Увидя это, все изумились и стали говорить: «Авва! Не срами себя: она безумная!». «Вы безумные,– отвечал святой старец,– а она лучше вас и меня – она мать наша, и я молюсь, чтобы оказаться равным ей в день Суда».

Услышав это, все с плачем пали ему в ноги, исповедуя, как много огорчали они эту святую. Одна говорила: «Я всегда смеялась над нею». Другая: «Я издевалась над ее смиренным видом». Иная говорила: «Я оскорбляла ее, тогда как она молчала». А та: «Я часто выливала на нее помои». Одна говорила: «Я била ее». Другая: «Я ударяла ее кулаком». Словом, все признавались в каких-нибудь нанесенных ей оскорблениях. Принявши их раскаяние, святой Питирим помолился о них вместе с нею и, много утешив честную рабу Христову, удалился из обители.

Спустя несколько дней эта блаженная, не терпя славы, чести, услуг, которые стали оказывать ей все сестры, и тяготясь извинениями, тайно удалилась из монастыря. Куда ушла она, где скрылась и где скончалась, никто не знает доныне. Так по-двизалась доблестная, смиренномудрая и блаженная сия девственница.

Об Иоанне Ликопольском

В Ликополе жил некто по имени Иоанн. Из детства выучился он плотничать, а брат его был красильщик. Достигши двадцатипятилетнего возраста, Иоанн отрекся мира и после пяти лет, проведенных в различных монастырях, один удалился в гору Лико. На самой вершине горы он построил себе келию, состоящую из трех комнат, и в них оставался безвыходно. В одной комнате молился, в другой работал и принимал пищу, третья была назначена для телесных потребностей. Проведши в этом заключении тридцать лет, в течение которых все нужное принимал от прислужника через окно, он удостоился дара пророчества и этим дарованием стал известен всем по самым событиям. Между прочим, он посылал и благочестивому царю Феодосию различные предсказания. Так, например, открыл наперед возмущение мятежников, предсказал и скорую погибель их, предсказал о тиране Максиме, что царь возвратится, одержав над ним победу в Галлии, также о тиране Евгении, что Феодосий победит и его, а сам окончит там дни свои и оставит царство сыну своему. О святости сего мужа везде пронеслась великая слава, и поэтому император Феодосий чтил его как пророка.

Один военачальник приходил к нему узнать, победит ли он ефиопов, которые вторглись в то время в Сиену, что в Верхней Фиваиде, и опустошали ее окрестности. Святой отец сказал ему: «Если пойдешь на врагов, то овладеешь ими, укротишь и покоришь их и будешь в чести у государей». Так и случилось, события подтвердили

покоришь их и будешь в чести у государей». Так и случилось, события подтвердили пророчество. Он сказал также, что благочестивый император Феодосий скончается своею смертию. Вообще он обладал пророческим даром в необыкновенной мере, как об этом слышали мы от живших с ним отцов, которых честность известна была всем тамошним братиям. Они ничего пристрастно не говорили о сем муже, а разве только сообщали в меньшем виде.

Один трибун просил у аввы позволения привести к нему жену свою, которая давно уже страдала болезнию и теперь, собираясь идти в Сиену, желала видеть святого, чтобы он прежде помолился о ней и с благословением отпустил ее. Но святой не соглашался видеть женщину, так как он, девяностолетний старец, сорок лет безвыходно проживший в келии, никогда не принимал к себе на глаза женщин, даже и из мужчин никто никогда не входил к нему, а только через окно он благословлял и приветствовал приходящих, беседуя с каждым о нуждах его. Сколько трибун ни просил авву, чтобы он позволил прийти к нему жене (авва жил в пустыне на горе, в расстоянии от города на пять стадий), но святой не согласился, говоря: «Невозможно»,– и отпустил его со скорбию. Между тем жена день и ночь докучала мужу и с клятвою говорила, что не выйдет никогда из города, если не увидит пророка. Когда муж пересказал блаженному Иоанну о клятве своей жены, святой, видя веру ее, сказал трибуну: «Я в эту ночь явлюсь ей во сне – только чтобы она не искала более видеть лицо мое во плоти». Муж пересказал жене своей слова аввы. И действительно, жена увидела во сне пророка; он пришел к ней и сказал: «Что тебе до меня, жена? Зачем желала ты видеть лицо мое? Разве я пророк или праведник? Я человек грешный и подобострастный вам. Впрочем, я помолился о тебе и о доме мужа твоего, чтобы все было вам по вере вашей. Теперь идите с миром». Сказав это, он удалился. Пробудившись от сна, жена пересказала мужу слова пророка, описала вид его и послала мужа благодарить его. Увидя его, блаженный Иоанн предварил его и сказал: «Вот я исполнил твое прошение: видевши жену твою, я убедил ее, чтобы она уже не искала видеть меня, но сказал ей: “Идите с миром”».

Жене другого сановника пришло время родить в его отсутствие. В тот самый день, как она, разрешившись, от скорби опасно занемогла, муж ее был у аввы Иоанна. Святой сообщает ему радостную весть, говоря: «Если бы ты знал дар Божий – то, что сегодня родился тебе сын, ты прославил бы Бога. Только мать его была в опасности. Когда ты придешь домой, младенцу исполнится семь дней. Дай ему имя Иоанн и, рачительно воспитав его до семилетнего возраста, отошли к монахам в пустыню».

Такие чудеса творил Иоанн для приходивших из чужих стран, а согражданам, которые постоянно приходили к нему по своим нуждам, он предрекал и будущее, и обнаруживал тайные дела каждого, предсказывал и о разлитии Нила, и о том, плодотворно ли оно будет. Подобным образом наперед возвещал и об угрожавшем им каком-либо наказании Божием и обличал виновных. Сам блаженный Иоанн явно не совершал исцелений, но давал елей, которым исцелялись весьма многие из страждущих. Так, жена одного сенатора, лишившись зрения от бельма, просила своего мужа отвести ее к Иоанну. Тот уверял ее, что Иоанн никогда не принимает женщин, но жена требовала, чтобы он один сходил к авве и попросил молитв о ней. Когда святой сделал это и послал елея, больная, мазавши им глаза три раза в день, через три дня прозрела и пред всеми возблагодарила Бога.

Нас было семь братий (все пришельцы) в Нитрийской пустыне: я, блаженный Евагрий, Альбин, Аммоний и другие. Мы старались узнать в точности, какова добродетель Иоанна. И вот Евагрий говорит: «Мне хотелось бы узнать о достоинстве сего мужа от человека, умеющего судить об уме и словах. Если узнаю, то побываю у него; если же не узнаю, как он живет, то не пойду к нему в гору». Услышав это и не сказав никому ни слова, я помедлил один день, а на другой запер свою келию и, поручив себя Богу, отправился в Фиваиду. Иногда я шел пешком, иногда плыл водою и кончил свое путешествие в восемнадцать дней. (Это было во время полноводия, когда бывает много больных; занемог и я.) Пришедши к Иоанну, я нашел у него сени запертыми (впоследствии братия построили перед келией святого пространные сени, в которых могло помещаться человек сто). Эти сени они запирали ключом на целую неделю и отворяли их только по субботам и воскресеньям. Итак, узнав, почему сени заперты, я дождался субботы и тогда во втором часу дня пришел к праведному мужу. Я нашел его сидящим у окна, через которое он, кажется, всегда беседовал с посетителями. Сделав мне приветствие, он спросил через переводчика: «Откуда ты и зачем пришел сюда? Кажется, ты из Евагриева братства?».

Между тем как мы разговаривали, вошел правитель той области по имени Алипий.

Между тем как мы разговаривали, вошел правитель той области по имени Алипий. При его приближении Великий прекратил беседу со мною, а потому я отошел немного в сторону, чтобы не мешать им. Но так как разговор их был продолжителен, то мне скучно стало, и я начал роптать на старца, что меня он презрел, а того почтил. В таком расположении духа я уже решился было удалиться с презрением к старцу. Но раб Христов подозвал к себе переводчика именем Феодор, и сказал ему: «Поди скажи брату тому: “Не малодушествуй; сейчас отпущу правителя и буду говорить с ним”». Тогда я уверился, что он человек духовный и все знает наперед. Ободрившись этим, я подождал.

Когда правитель вышел, святой подзывает меня к себе и говорит: «Зачем ты огорчился на меня? Чем я оскорбил тебя, что ты возымел такие мысли, которые и мне несвойственны, и тебе неприличны? Разве не знаешь сказанного в Писании: *…не требуют здравии врача, но болящии* (Мф. 9, 12)? Тебя я всегда могу найти, когда захочу, равно и ты меня. Если я и не дам тебе наставления, так дадут другие братия, другие отцы. А этот человек, по причине мирских дел бывший во власти диавола, едва улучил свободный час, как раб, избавившийся от жестокого господина, и пришел ко мне, чтобы получить пользу, поэтому странно было бы, если бы я, оставив его, занялся тобою – таким человеком, который непрестанно печется о спасении души своей».

Я просил его помолиться о мне и совершенно удостоверился, что он точно муж духовный. Приняв ласковый вид и легко ударяя меня правою рукою по левой щеке, он сказал: «Тебя ожидает множество скорбей; ты много уже боролся с помыслом выйти из пустыни, много страхов испытал и победил, но демон еще возмущает тебя, представляя тебе благочестивые и благовидные предлоги; он соблазняет тебя желанием повидаться с отцом и уговорить брата и сестру к монашеству. Вот скажу тебе добрую весть: оба они спасены, потому что отреклись от мира, а отец твой проживет еще семь лет. Итак, оставайся в своей пустыне и не возвращайся для них на родину, ибо писано: *…никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62)». Получив от слов богодухновенного мужа достаточное назидание и обличение, я возблагодарил Бога, что предлоги, побуждавшие меня оставить пустыню, устранены предвидением святого мужа.

Потом он опять с ласковым видом сказал мне: «Хочешь быть епископом?». Я отвечал, что я уже епископ. «Какого города?» – спросил святой. Говорю ему: «Я надзираю за яствами, столами и глиняными чашами; если вино кисло, ставлю его в сторону, если хорошо, пью; надзираю и за горшками и, если в них мало соли или какой приправы, тотчас подбавляю и потом ем. Вот мое епископство! А поставило меня чревоугодие». Блаженный, улыбнувшись, сказал: «Оставь шутки! Ты будешь рукоположен во епископа и много испытаешь трудов и скорбей. Если хочешь избежать их, не выходи из пустыни: в пустыне никто не может рукоположить тебя во епископа».

Оставив его, я возвратился в свою любезную пустыню и все это рассказал святым отцам о блаженном и духоносном Иоанне. Спустя два месяца они по реке отправились к святому мужу и беседовали с ним. А я, несчастный, забыл слова его. По прошествии трех лет занемог я от расстройства в печени и желудке, и братия отправили меня из пустыни в Александрию, потому что болезнь моя грозила превратиться в водяную. Из Александрии врачи присоветовали мне отправиться в Палестину для перемены воздуха, потому что там воздух легче, нежели в наших странах. Из Палестины я прибыл в Вифинию, и здесь – не знаю, как сказать, по человеческому ли расположению или по воле Вышнего (один Бог знает),– я удостоился рукоположения, которое выше меня. Приняв участие в деле блаженного Иоанна (Златоустого, архиепископа Константинопольского), я принужден был одиннадцать месяцев скрываться в мрачной келии и здесь вспомнил, что блаженный и чудный тот муж, то есть Иоанн Ликопольский, предрек мне случившееся теперь.

Сей великий подвижник Христов еще рассказывал мне (и этим рассказом, конечно, хотел внушить мне решимость никогда не оставлять пустыни), что он уже сорок восьмой год живет в своей келии и во все это время ни разу не видел ни женщины, ни монеты, также и его никто не видел, как он ел или пил.

Я говорил уже, что спустя два месяца после меня ходили к сему святому отцы из нашей пустыни. Они рассказывали о своем свидании с ним следующее: «Когда мы пришли, блаженный приветствовал нас, обращаясь к каждому с веселым лицом, а мы прежде всего просили его помолиться о нас (такой обычай у всех египетских отцов). Потом он спросил, нет ли кого с нами из клириков? Когда мы отвечали, что нет, он, осмотревши всех, узнал, что между нами есть клирик, но скрывается. (С нами действительно был один диакон, но об этом никто не знал, кроме его брата, которому он, по смирению, запретил сказывать о сем, почитая себя в сравнении с такими святыми едва достойным и имени христианина, не

сем, но чтая себя в сравнении с такими святыми едва достойным и имени христианина, не только этого сана.) Указав на него рукою, преподобный сказал всем: “Вот диакон”. Когда он, желая скрыть свое звание, продолжал отрицаться, святой, взяв его за руку, облобызал его из окна и, вразумляя, сказал: “Чадо! Не отметай благодати Божией и не лги, отрицаясь от дара Христова; ложь чужда Христу и христианам, по малому или по важному делу будет она сказана. Если даже для доброй цели говорят ложь, и это не похвально, ибо ложь, по слову Спасителя, от диавола есть (см.: Ин. 8, 44)”. Обличенный молчал и принял кроткое обличение старца. Когда же мы совершили молитву, один из наших спутников, уже три дня страдавший сильною горячкою, стал просить у аввы исцеления. Авва сказал, что болезнь сия послужит к его же пользе и постигла его за маловерие, но в то же время дал ему елея и приказал мазаться. Когда он сделал это, последовало извержение чрез уста всего, что было внутри, и горячка прошла совсем, так что он на своих ногах пошел в гостиницу».

Святой Иоанн имел уже девяносто лет от роду, и тело его так иссохло от подвижничества, что и волосы не росли на бороде его. Пищу его составляли одни плоды, да и их вкушал он уже по захождении солнца. В столь глубокой старости после такой многотрудной жизни он не ел ни хлеба и ничего другого, приготовляемого на огне. Когда он приказал нам сесть, мы возблагодарили Бога за свидание с сим мужем. Он принял нас, как родных, и с веселым видом спросил: «Откуда вы, дети? Из какой страны пришли к человеку грешному?». Как скоро объявили мы о нашем отечестве и сказали, что пришли к нему ради пользы душевной из Иерусалима, дабы глазами увидеть, что слышали (ушам можно верить менее, нежели глазам: слышанное часто забывается, а память виденного не изглаждается, и событие как бы впечатлевается в душе), блаженный отвечал нам: «Зачем шли вы так далеко и изнуряли себя, возлюбленные дети? Что вы увидите здесь замечательного? Захотели вы видеть смиренных и ничтожных людей, на которых не стоит и смотреть и в которых ничего нет особенного. Достойные удивления и похвалы есть везде, где только в церквах читаются Божии пророки и апостолы – им-то должно подражать. А я очень удивляюсь вам и вашему усердию. Как вы, презревши столько опасностей, пришли, ради назидания, к нам, тогда как мы, по лености, не хотим выйти из своей пещеры. Но и теперь, хотя ваше дело и заслуживает похвалы, не думайте, что, сделав это доброе дело, вы все сделали, а подражайте добродетелям ваших отцов. Если вы и приобрели все их добродетели (что редко бывает), и тогда не должны полагаться на себя. Многие от такой самоуверенности падали в то время, когда были уже на самой высоте добродетелей.

Смотрите, хорошо ли молитесь, не омрачается ли чистота вашей мысли, не развлекается ли ум ваш во время молитвы другими заботами, какой-нибудь другой помысл, вошедши в душу, не обращает ли вашего внимания на посторонние предметы. Не возмущает ли вашу душу память о каких-либо нечистых пожеланиях. Смотрите, искренно ли ваше отречение от мира, не затем ли вы пришли сюда, чтобы воспользоваться нашею свободою, не ищете ли в добродетелях суетной славы, дабы только явиться пред людьми подражателями нашим делам. Смотрите, чтобы вас не возмущали какая страсть, честь, слава и похвала людская или притворное благочестие и самолюбие. Не почитайте себя праведными, не хвалитесь праведностью. Во время молитвы не развлекайтесь ни воспоминанием о сродниках, ни чувством сострадания, ни мыслию о другой какой-нибудь вещи или о всем мире, иначе суетно будет дело ваше, когда во время собеседования с Господом вы будете уноситься долу влекущими в противную сторону помыслами. Такое падение ума случается со всяким, кто не всецело отрекся мира, но еще старается угождать ему. Душу его развлекают множеством замыслов различные плотские и земные попечения, и ум, борясь со страстями, уже не может видеть Бога. Да и не должен он ревностно стараться о самом познании Бога, чтобы ему, будучи недостойным такого приобретения, удостоившись и малой части оного, не подумать о себе, будто постигнул все, и не подвергнуться совершенной погибели.

К Богу надобно приближаться со страхом и постепенно, соразмерно тому, сколько каждый может умом идти вперед и сколько это вообще доступно человеку. Кто ищет Бога, у того сердце должно быть свободно от всего постороннего, по Писанию: *Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Когда же он удостоится познать Бога отчасти (совершенно познать Его никто не может), то вместе с сим получает познание и о всех прочих предметах: видит тайны, потому что Бог показует ему, провидит будущее, созерцает откровения наравне со святыми, творит чудеса, становится другом Божиим и получает от Бога все просимое».

Много еще говорил Иоанн и о подвижничестве, и о том, что смерти должно ожидать

как перехода к лучшей жизни и что не должно слишком заботиться о немощах плоти и наполнять чрево чем ни случится, ибо у пресыщенного рождаются такие же вожделения, как и у сластолюбца. Но должно стараться, говорил он, трудами подвижническими приобрести свободу от страстных пожеланий. Никто не должен искать удобств житейских и покоя, но надобно терпеть ныне тесноту и скорби, чтобы наследовать широту Царствия Божия. *Яко многими скорбьми,*– говорит Писание,– *подобает нам внити во Царствие Божие* (Деян. 14, 22); и еще: *…что узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его. …Яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им* (Мф. 7, 14, 13). Как имеющие отойти после краткой жизни на вечный покой, мы не должны заботиться много о мирском. Не должно также, говорил он, превозноситься своими подвигами, но всегда надобно смиряться и удаляться в глубочайшие пустыни, как скоро кто приметит в себе движение гордости. Жизнь вблизи селений вредила часто и совершенным мужам. По сему и Давид, испытавший подобное искушение, говорит в псалме: *Се, удалихся бегая и водворихся в пустыни. Чаях Бога спасающаго мя от малодушия и от бури* (Пс. 54, 8–9). Многие из наших братий подверглись этому же искушению и по тщеславию уклонились от цели.

Сказание аввы Иоанна о брате покаявшемся

В одном городе, сказывал авва Иоанн, был юноша, весьма много делавший худого и тяжко грешивший, который, однако, по милости Божией пришел в сокрушение о своих многих грехах. Он поселился в пещере при гробах и оплакивал прежнюю жизнь свою. Повергаясь лицом на землю, не осмеливался он выговорить молитвенное слово, ни произносить имя Божие, но прежде смерти заключился в гробницах и, почитая себя недостойным жизни и отрекшись ее, только стенал из глубины сердца. Когда так провел он седмицу, ночью восстают на него демоны, виновники его прежней худой жизни, с криком и воплями: «Где тот нечестивец, пресыщенный любострастием? Он, теперь негодный для нас, явился целомудренным и добрым и хочет быть благонравным христианином, когда уже не может! Исполненный нашим злом, какого добра ты ожидаешь себе? Ужели не скоро отсюда пойдешь за нами на обычные дела свои? Тебя ждут блудницы и корчемники – ужели не пойдешь наслаждаться утехами сладострастия, когда для тебя потеряна всякая другая надежда? Скоро, конечно, постигнет тебя суд, когда ты так губишь себя. Что же спешишь на мучение, несчастный? Что усиливаешься ускорить свою казнь?». И много другого говорили они ему, например: «Ты наш, с нами соединился, делавши всякое беззаконие; ты нам во всем был покорен и теперь осмеливаешься оставить нас? Что же не отвечаешь? Не пойдешь с нами?». Но он среди непрерывных стенаний не слушал их и не отвечал им ни слова, сколько ни нападали на него демоны. Когда же, многократно повторяя это, они ничего не успели, то схватили его и начали тяжко бить и терзать все тело его и, жестоко измучив, оставили полумертвым. Лежа неподвижно там, где оставили его демоны, он, однако ж, тотчас начал свои стенания, как скоро пришел в себя. Между тем искавшие его сродники, нашедши его и узнав, кем он так был изъязвлен, хотели отвести его домой, но он не согласился, несмотря на многократные их убеждения.

В следующую ночь демоны нападают на него еще с большею лютостию, чем в прошедшую. Но и теперь сродники не могли уговорить его, чтобы оставил это место. Лучше, говорил он, умереть, нежели жить в греховных нечистотах. В третью ночь демоны так жестоко избили его, что едва совсем не лишили жизни. Но, не успевши и теперь победить его и оставив его бездыханным, они ушли и, уходя, кричали: «Ты победил, победил!». После этого он уже не испытывал таких страшных искушений – напротив, до самой кончины безбоязненно жил в пещере при гробах, подвизаясь в чистой добродетели, и так был прославлен от Бога знамениями и чудесами, что во многих возбудил удивление и ревность к добру. Даже весьма многие и из предавшихся отчаянию стали совершать добрые дела и подвиги, и сбылось над ними слово Писания: *…всяк смиряяй себе вознесется* (Лк. 18, 14). Итак, чада, особенно будем подвизаться в смиренномудрии: оно – основание всех добродетелей. Весьма полезна нам для сего подвижничества и пустыня, более удаленная от селений.

Другое сказание аввы Иоанна о падшем и покаявшемся

Был еще и другой монах, живший в дальней пустыне и много лет подвизавшийся в добродетели. Наконец уже в старости подвергся он искушению от демонов. Подвижник любил безмолвие и, проводя дни в молитвах, песнопениях и созерцании, имел несколько божественных видений и в бодрственном состоянии, и во сне. Он почти уже достиг бестелесной жизни: не возделывал земли, не заботился о пропитании, не искал в растениях и травах пищи для тела, не ловил ни птиц, ни других каких животных, но, исполненный упования на Бога, с тех пор как из мира перешел в пустыню, нисколько не думал о том, как напитать свое тело. Забыв все добровольно, он все желание свое устремлял к Богу в ожидании часа, когда воззван будет из сего мира; питался же более всего сладостию видений и надежд. Между тем и тело у него не слабело от напряжения, и душа не теряла бодрости – такой твердый навык приобрел он в благочестии!

Впрочем, Бог, милуя его, в определенное время посылал ему на трапезу хлеб на два или на три дня, которым он и питался. Всякий раз, как, ощутив в себе потребность пищи, входил он в свою пещеру, находил там пищу. По принесении Богу молитвы подкреплял он себя пищею и потом услаждался песнопениями. Молитва и созерцание были постоянным его занятием. Так он с каждым днем совершенствовался и, подвизаясь в настоящем, постоянно ближе становился к ожидаемому будущему и почти уверен был в лучшем жребии своем, как бы уже имея его в руках, что и было причиною того, что он едва не пал от постигшего его затем искушения.

Когда он дошел до такой уверенности, в сердце его неприметно вкралась мысль, что он выше других и что он знает и имеет больше прочих людей. В таких мыслях он стал уже полагаться на себя, а отсюда скоро рождается в нем беспечность, сначала небольшая, потом она растет все больше и становится заметною. Уже он не с такою бодростию встает от сна для песнопений, ленивее стал к молитве и пение его не так было продолжительно; душа захотела покоиться, ум пал долу, и помыслы стали блуждать; беспечность втайне была уже любима, и только прежний навык, как оплот, несколько останавливал подвижника в этом стремлении и охранял его до времени. Еще, входя по вечерам после обычных молитв в пещеру, он иногда находил на трапезе хлеб, посылаемый ему от Бога, и питался им, но не изгонял из ума негодных тех мыслей, не думал, что невнимательность губит труды, и не старался об уврачевании зла. Небольшое уклонение от обязанностей ему казалось маловажным. И вот похоть страстная, овладев его мыслями, влекла его в мир. Но он пока еще удержался, следующий день провел в обычных подвигах и после молитвы и песнопений, вошедши в пещеру, по-прежнему нашел приготовленный ему хлеб – впрочем, не так тщательно приготовленный и чистый, как прежде, но с сором. Он удивился и несколько опечалился, однако съел его и укрепил себя. Настала третья ночь, и зло утроилось.

Ум его еще скорее предался любострастным помыслам, и воображение представляло ему нечистые мечты так живо, как бы они сбывались на самом деле. Несмотря на то, еще и на третий день он продолжал свои подвиги – молился и пел псалмы, но уже не с чистым расположением и часто оборачивался и смотрел по сторонам. Доброе дело его прерывали разные мысли. Вечером, почувствовав потребность в пище, взошел он в пещеру и, хотя нашел хлеб на трапезе, но как бы изъеденный мышами или собаками, а вне пещеры – сухие остатки. Тогда начинает он стенать и плакать, но не столько, сколько нужно было для укрощения нечистой похоти. Однако ж, вкусивши хоть и не столько, сколько ему хотелось, он расположился успокоиться. Тут помыслы во множестве нападают на него, побеждают его ум и пленника тотчас влекут в мир. Он оставил свою пустыню и ночью пошел в селение. Настал день, а до селения было еще далеко. Инок, палимый зноем, изнемог и начал смотреть вокруг себя, нет ли где монастыря, в котором бы ему можно было отдохнуть. Вблизи действительно был монастырь.

Благочестивые и верные братия приняли его, как родного отца, омыли ему лицо и ноги и по молитве предложили трапезу, прося его принять с любовию, что случилось. После трапезы братия молили его преподать им слово спасения, как избегать сетей диавола и как побеждать нечистые помыслы. Беседуя с ними, как отец с детьми, он поучал их быть мужественными в трудах и уверял, что они скоро обратятся для них в великое наслаждение. Много и еще говорил им старец весьма назидательного о подвижничестве. По окончании наставления он невольно подумал о себе самом и стал рассуждать, как он, вразумляя других, сам оставался невразумленным. Тогда увидел он свое поражение и немедленно возвратился в пустыню оплакивать свое падение. *«Аще не Господь помогл бы*

немедленно возвратился в пустыню оплакивать свое падение: «*Аще не Господь помогл бы ми*,– говорил он,– *вмале вселилася бы во ад душа моя* (Пс. 93, 17); совсем было погряз я во зле *и вмале не скончаша мене на земли* (Пс. 118, 87)». И сбылось над ним Писание: *Брат от брата помогаем, яко град тверд* (Притч. 18, 19) и как стена неподвижная. С того времени он во всю жизнь плакал и, не получая более пищи от Бога, своими трудами доставал себе пропитание. Заключившись в пещере и постлав на полу вретище, он дотоле не вставал с земли и не прекращал своего плача, пока не услышал голоса Ангела, говорившего ему во сне: «Бог принял твое покаяние и помиловал тебя; только смотри не обольщайся. Придут посетить тебя братия, которых наставлял ты, и принесут тебе на благословение хлебы – раздели их вместе с ними и всегда благодари Бога».

Это рассказал я вам, дети, для того, чтобы вы более всего упражнялись в смиренномудрии, хотя бы подвиги ваши казались вам уже великими. Оно есть первая заповедь Спасителя, Который говорит: *Блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3). Блюдите, чтобы вас не обольстили демоны какими-либо мечтаниями. Когда приходит к вам кто-нибудь – брат, или друг, или жена, или отец, или мать, или учитель, или сын, или слуга,– прежде всего прострите руки ваши на молитву, и, как скоро все это призрак, он исчезнет. Если так же будут обольщать вас демоны или люди ласкательством и похвалами, то не внимайте им и не надмевайтесь мыслию. И меня часто обольщали демоны призраками, так что иногда всю ночь не давали мне ни молиться, ни отдыхать, а поутру кланялись мне и говорили с насмешкою: «Прости нас, авва, что мы всю ночь утруждали тебя». Но я отвечал им: «*Отступити от мене, вси делающии беззаконие* (Пс. 6, 9), не искусите раба Господня». Так и вы, посвятив себя созерцанию, всегда храните безмолвие, дабы во время молитвы к Богу иметь вам чистый ум. Хорош и тот подвижник, который, живя в мире, всегда творит добрые дела, оказывает братолюбие, страннолюбие, подает милостыни, благодетельствует приходящим к нему, помогает больным и блюдет себя от соблазнов. Это добрый, истинно добрый подвижник: он на деле исполняет заповеди, хотя не чужд и земных попечений. Совершеннее и выше его тот, кто, посвятив себя созерцательной жизни, от житейских дел востек к созерцанию и, предоставив заботиться о них другим, сам, отвергшись и забыв себя, занимается небесным,– кто, отрешившись от всего, предстоит Богу и никакою другою заботою не отвлекается назад. Таковой с Богом соединяется и с Богом живет, всегда восхваляя Его непрерывными песнями.

Такие и многие другие наставления давая нам в продолжение трех дней, до девятого часа каждый день, блаженный Иоанн врачевал наши души. Потом, преподав нам благословение, велел идти в мире и сказал еще пророчество, что сегодня пришла в Александрию весть о победе благочестивого царя Феодосия и поражении мятежника Евгения, также что император умрет своею смертию. Точно так и случилось. Когда же мы посетили многих других отцов, пришли к нам братия с вестию, что блаженный Иоанн скончался чудным некоторым образом: он заповедал, чтобы три дня никому не позволяли входить к нему, и, преклонив колена на молитву, скончался и отошел к Богу, Которому слава вовеки. Аминь.

О Пимении

Он же (Иоанн) и рабе Христовой Пимении, которая приходила к нему для свидания, не показался в лице, однако ж открыл нечто сокровенное. Он приказал ей на возвратном пути из Фиваиды не плыть в Александрию, иначе впадет в искушение. Но Пимения или пренебрегла, или забыла предсказание Великого и поплыла в Александрию – может быть, из любопытства, чтобы посмотреть город. На пути, близ Никиополя, суда ее пристали к берегу для отдыха. Слуги, вышедши на берег, из-за какой-то ссоры произвели драку с местными жителями, людьми буйными, которые у одного евнуха отрубили палец, другого убили, а святого епископа Дионисия даже бросили в реку, впрочем по неведению, да и ее саму осыпали ругательствами и напугали угрозами, а прочих слуг всех переранили.

Об авве Амоне

Видели мы в Фиваиде и другого мужа, по имени Аммона. Он был отцом около трех тысяч монахов, коих называли тавеннисиотами. Они соблюдали великий устав (Пахомиев).

тысяч монахов, коих называли тавеннисиотами. Они соблюдали великий устав (Пахомиев), носили милоти, пищу принимали с лицом покрытым, опустив глаза вниз, чтобы не видеть, как ест близ сидящий брат, и все хранили такое строгое молчание, что, казалось, находишься в пустыне, потому что каждый исполнял свое правило втайне. За трапезу они садились только для виду, чтобы скрыть друг от друга свое постничество. Одни из них раз или два подносили к устам руку, взявши хлеба, или маслин, или чего-нибудь другого, что было предложено на трапезе, и, вкусив от каждой яствы по одному разу, тем и были довольны. Другие, съевши немного хлеба, ни до чего больше не дотрагивались. А иные довольствовались только ложками тремя кашицы. Всему этому справедливо подивившись, я не преминул и для себя извлечь отсюда пользу.

Об авве Вине

Видели мы и другого старца, который своею кротостию превосходил всех людей,– авву Вина. Братия, жившие с ним, уверяли, что он никогда не божился, не лгал, ни на кого не гневался и никогда никого не оскорбил даже словом. Жизнь его была самая тихая, он был нрава кроткого и ангельского свойства. Велики были и смирение его, и самоуничижение. Долго мы упрашивали его сказать нам что-нибудь в назидание, и он едва согласился предложить несколько слов о кротости. Когда в одно время бегемот производил в соседней стране опустошение, этот святой, быв упрошен земледельцами, стал у реки и, увидевши зверя огромной величины, кротким голосом сказал ему: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебе не опустошать более этой страны». Зверь, как будто прогнанный Ангелом, совсем скрылся. Точно так в другой раз прогнал он и крокодила.

Об авве Феоне

В пустыне, недалеко от города Александрии, видели мы и другого святого мужа, по имени Феона. Он заключился в тесной келии один и в продолжение тридцати лет упражнялся в молчании. Чудеса его были так многочисленны, что жители Александрии называли его пророком. Ежедневно приходило к нему множество больных, и он через отверстие возлагал на них руки и отпускал их здоровыми. Лицо у него было как у Ангела, взгляд веселый и весьма ласковый.

Однажды (это было не так давно) в глубокую ночь напали на него разбойники, с тем чтобы убить его, надеясь найти у него золото. Святой помолился, и они до утра остались недвижимы у дверей его. Когда же стал собираться к нему народ и хотел сжечь их, святой, вынужденный крайностию, сказал народу только следующие слова: «Отпустите их невредимыми, а если не отпустите, от меня отступит благодать исцелений». Народ послушался, ибо никто не дерзал прекословить ему, а разбойники тотчас пошли в соседние монастыри к монахам и, раскаявшись в прежних делах, переменили жизнь свою.

Авва Феона свободно читал на трех языках: римском, греческом и египетском,– как это узнали мы от многих и от него самого. Когда он известился, что мы чужеземцы, то сотворил о нас благодарную молитву к Богу, написав ее на дощечке. Ел он только невареные семена. Сказывают, что по ночам он выходил из своей келии и поил собиравшихся к нему диких зверей водою, какая была у него. Точно, около его келии видны были следы буйволов, диких ослов и коз, которыми он всегда утешался.

Об авве Илии

В пустыне близ Антинои, главного города Фиваиды, видели мы и другого старца, ста десяти лет от роду, по имени Илия. На нем, говорили, почил дух пророка Илии. Он знаменит был тем, что прожил семьдесят лет в этой пустыне, столь страшной и дикой, что невозможно изобразить ее словами, как должно. Здесь-то, на горе, жил Илия, никогда не сходя в обитаемые места. На узкой тропинке, которая вела к нему, там и здесь выдавались острые камни и едва позволяли ступать по ней. Пещера, в которой старец жил, находилась под скалою, так что и видеть его было страшно. Он весь дрожал от старости, каждый день

совершал много знамений и не переставал исцелять больных. Отцы говорили, что никто не помнит, когда он взошел на гору. В старости ел он по три унции хлеба повечеру и по три маслины, а в молодости ел всегда однажды в неделю.

Об авве Аполлосе

Видели мы и другого святого мужа, по имени Аполлос, в Фиваиде, в пределах Ермиполя. В этот город приходил Спаситель с Девою Мариею и праведным Иосифом, исполняя пророчество Исаии, который говорит: *Се, Господь седит на облаце легце и приидет во Египет, и потрясутся рукотворенная египетская от лица Его и падут на землю* (ср.: Ис. 19, 1). Видели мы там и капище, в котором все идолы пали лицом на землю, когда Спаситель вошел в город.

Так сего-то мужа видели мы в пустыне, где под горою он имел монастырь и был отцом около пятисот монахов. Он приобрел славу в Фиваиде. Дела его были велики, и Господь творил чрез него великие чудеса, совершал весьма много знамений. Еще с детства являл он великие подвиги и уже в старости получил такую благодать. Будучи восьмидесяти лет, он устроил у себя великий монастырь из пятисот мужей совершенных, которые почти все могли творить чудеса. В пятнадцатилетнем возрасте удалившись от мира и сорок лет проведши в пустыне, он тщательно подвизался во всякой добродетели и наконец, говорят, слышал глас Божий, говоривший к нему: «Аполлос! Аполлос! Чрез тебя низложу Я мудрость египтян и разум разумных язычников. Вместе с ними ты погубишь и мудрецов вавилонских и истребишь всякое служение бесовское. Теперь же иди в мир. Ты породишь Мне люди избранны, *ревнители добрым делом* (ср.: 1 Пет. 3, 13)». И опять был к нему голос: «Ступай, потому что все, чего ты ни попросишь у Бога, получишь». Услышав это, он тотчас пошел в мир (это было в царствование Юлиана) и чрез несколько времени пришел в ближнюю пустыню. Заняв одну небольшую пещеру под горою, он стал в ней жить.

Все его занятие состояло в том, что, стоя на коленах, постоянно возносил он молитвы к Богу – сто ночью и столько же днем. Пища его тогда, как и прежде, чудным образом была посылаема Богом – ее приносил ему в пустыню Ангел. Одежду его составлял левитон, который иные называют коловием, и еще небольшой плат на голове. И это одеяние у него в пустыне не ветшало. В этой пустыне, которая была недалеко от страны заселенной, силою Духа совершал он чудеса и исцеления дивные, которые все, по их чрезвычайной чудесности, невозможно и пересказать, как слышали мы от старцев, которые жили вместе с ним и сами были совершенны и управляли многими братиями.

Таким образом сей муж скоро сделался славным, как бы новый пророк и апостол, явившийся в наше время. Как скоро распространилась о нем великая молва, все монахи, жившие в окружности по разным местам, стали непрестанно приходить к нему и предавали ему свои души, как родному отцу. Иных он призывал к созерцанию, других убеждал совершать деятельную добродетель и сперва сам на деле показывал то, к чему склонял других словом. Часто, показывая им пример подвижничества, он вкушал с ними пищу только по воскресным дням, и притом питался одними овощами, которые сами собою вырастали из земли, и не употребляя ни хлеба, ни бобов, ни даже плодов древесных и ничего вареного.

Однажды (это было в правление Юлиана) услышав, что брат, взятый в воинскую службу, сидит связанный в темнице, Аполлос пришел к нему с братиею посоветовать и внушить ему, чтобы он мужественно переносил труды и презирал угрожающие ему опасности; говорил, что теперь ему время подвигов и что сими искушениями испытывается душа его. Когда же этими словами он укреплял душу брата, тысяченачальник, уведомленный кем-то о братиях, в порыве злобы прибежал туда, наложив замки на двери темницы, запер там Аполлоса и бывших с ним монахов, как способных к воинской службе, и, приставив к ним довольно стражей, ушел домой, а просьб их и слушать не хотел. В самую полночь явился стражам светоносный Ангел и озарил светом всех бывших в темнице, так что стражи сделались безгласны от ужаса. Пришедши в себя, они отворили двери и просили, чтобы все братия вышли – лучше, говорили, умереть за них, нежели оскорбить свободу, свыше дарованную заключенным безвинно. Потом вот и тысяченачальник с другими начальниками, пришедши утром к темнице, усердно просил этих мужей, чтобы они вышли даже из города, потому что, говорил он, от землетрясения

упал дом его и задавил лучших из слуг его. Услышав об этом, они, воспевая благодарственные песни Богу, возвратились в пустыню и пребывали потом все вместе, имея, по апостольскому слову, *одно сердце и одну душу* (Деян. 4, 32).

Аполлос учил их, чтобы они ежедневно украшались добродетелями и коварные действия диавола на помыслы отражали тотчас при самом их начале. «Когда у змия,– говорил он,– сокрушена глава, то и все тело его мертво, и Господь заповедует нам сокрушать главу змия. Это обязывает нас к тому, чтобы мы не только исторгали из ума своего постыдные мечтания, но и вначале не допускали в душу свою худых и нечистых помыслов». Он учил также, чтобы братия старались превзойти друг друга в добродетелях, дабы никто не казался ниже другого по совершенствам. «Свидетельством успеха вашего в добродетелях,– говорил он,– да будет приобретение бесстрастия и воздержания от пищи, потому что это есть начало даров Божиих. А когда кто получит от Бога силу творить чудеса, не гордись, как бы уже имеющий всего довольно, не надмевайся мыслию, будто ты выше других, и не показывай всем, что получил такую благодать,– в противном случае ты обольщаешь себя и, уловленный помыслами, лишаешься благодати».

Такое высокое учение было в его беседах! Впоследствии и мы часто от него слышали то же. Но в делах он совершал еще более, ибо все просимое тотчас было ему даруемо Богом. Он имел и некоторые откровения, например видел своего старшего брата, который с ним долгое время жил в пустыне, по жизни был совершеннее, нежели сам он, и в пустыне же скончался. Во сне представилось ему, будто брат его пребывает в лике апостолов, оставил ему в наследство свои добродетели и молится за него Богу, прося скорее преставить его от земли и с ним упокоить на Небесах. Но Спаситель сказал ему, что Аполлосу надобно еще несколько пребыть на земле для достижения совершенства, пока много будет ревнителей его жизни, ибо ему будет вверено великое множество монахов и некое воинство благочестивое, дабы он получил от Всеблагаго славу, достойную своих трудов.

Что видел он, то и случилось. По слуху о нем, стеклись к нему отовсюду многие монахи и, по его учению и беседам, весьма многие совершенно отрекались мира. Таким образом, у него в горе составилось общество до пятисот братий, имевших общежитие и одну трапезу. Казалось, это был стройный полк ангелов, облеченных во все доспехи, и исполнились на них слова Писания: *Возвеселися пустыня жаждущая* (ср.: Ис. 35, 1). *Расторгни и возопий неболевшая, яко многа чада пустыя паче, нежели имущия мужа* (ср.: Ис. 54, 1). Хотя сие пророческое слово исполнилось и на Церкви из язычников, однако ж оно сбылось и на египетской пустыне, которая представила Богу больше чад, нежели страны заселенные,– где в городах такое множество спасающихся монахов, сколько их предстоит Богу в пустыне египетской? Сколько здесь (в городах) народа, столько там, в пустынях, монахов. И мне кажется, что и над ними исполняется апостольское слово: *Идеже умножися грех,* там *преизбыточествова благодать* (Рим. 5, 20).

Приумножилось некогда в Египте, больше, нежели в других странах, многоразличное и нечестивое идолослужение: почитали собак, обезьян и некоторых других животных; обожали и чеснок, и лук, и многие ничтожные растения. Об этом сам святой Аполлос рассказывал мне и объяснял причину прежнего многобожия. «Жившие прежде у нас язычники,– говорил он,– обоготворяли вола за то, что, при помощи его обрабатывая землю, доставали хлеб, а воды Нила – за то, что они напаяли все поля. Да и самую землю свою обожали они за то, что она была плодоноснее всех других стран. Наконец, и прочее: собак, обезьян и других негодных животных и растения чтили они за то, будто занятие ими было для людей причиною спасения во время фараона, когда он, гонясь за Израилем, был потоплен. Всякий, чем был занят и не пошел с фараоном, то и обоготворил, говоря: «Это сегодня стало для меня богом, потому что из-за этого я не погиб с фараоном"». Вот что говорил святой Аполлос. Но преимущественно пред словами надобно описать, что приобрел он в делах.

Неподалеку от него прежде жили язычники по всем местам; в ближайших селениях почитали демонов. В одном из них было огромное капище и в нем – знаменитейший идол. Он был деревянный. Нечестивые жрецы торжественно носили его по селениям, неистовствуя вместе с народом. Праздник этот совершается так же, как и в честь нильской воды. Случилось в это время проходить там святому Аполлосу с несколькими братиями. Как скоро он увидел народ, неистово бесновавшийся в той стране, то, преклонив колена пред Спасителем, вдруг сделал язычников неподвижными. Так как они не могли сойти с места, сколько ни толкали друг друга, то целый день палимы были зноем, не понимая, отчего это случилось с ними. Тогда жрецы их сказали, что это сделал с ними один

христианин, живущий в пустыне, в их пределах, именно Аполлос, и стали просить его, чтобы избавил их от беды.

Между тем жившие далее оттуда, услышав их крик и плачевный вопль, пришли к ним и спрашивали: «Что такое случилось с вами и каким образом?». Одни отвечали, что не знают, а только подозревают одного мужа, и говорили, что его надобно просить о помиловании; другие уверяли, будто они видели, что он проходил мимо них, и просили пришедших подать им скорее помощь. Сии привели волов и покушались сдвинуть идола, но он вместе с самими жрецами оставался неподвижным. Наконец, не находя никакого другого средства к избавлению, они послали соседей своих просить Аполлоса, с тем что, если он избавит их, они оставят свое заблуждение. Когда сказали об этом Аполлосу, человек Божий как мог скорее пошел к ним и, помолившись, всех освободил от тех уз. После сего они все единодушно устремились к нему, уверовали в Спасителя всех и чудодействующего Бога, а идола предали огню. Огласив их всех, он присоединил их к Церкви. Многие из них еще и доныне живут в монастырях. Таким образом, везде пронеслась о нем слава и многие уверовали в Господа, так что уже не было и имени язычников в пределах около него (Аполлоса).

Спустя немного времени два селения заспорили между собою из-за пахотной земли и подняли войну междоусобную. Как скоро дошло об этом извес-тие до святого мужа, он тотчас пошел к ним, чтобы склонить их к миру. Одна противная сторона не соглашалась и противоречила ему, надеясь на некоего начальника разбойнической шайки, человека очень храброго на войне. Аполлос, увидев, что он противоречит, сказал ему: «Если ты, друг, послушаешься меня, то я умолю моего Владыку простить тебе грехи». Тот, выслушав сие, немедленно бросил оружие и, пав к ногам его, примирил обе стороны и убедил своих идти домой. Когда они, примирившись, ушли, тогда знаменитый защитник их последовал за святым мужем, требуя у него исполнения обещания. Блаженный Аполлос взял его с собою и в ближайшей пустыне убеждал и просил его потерпеть, говоря, что Бог может даровать ему прощение.

Настала ночь, и во сне оба они видели, будто стоят на небе пред престолом Христовым и смотрят, как Ангелы вместе с праведниками поклонялись Богу. Когда же и они, падши вместе, поклонились Спасителю, к ним был глас от Бога: «*Кое общение свету ко тме? Или кая часть верну с неверным?* (ср.: 2 Кор. 6, 14, 15). Для чего и сей человекоубийца, недостойный такого видения, стоит вместе с праведником? Впрочем, иди ты; человек, так поздно обратившийся, дарован тебе». Увидев и услышав весьма много и других чудес, коих не дерзает ни слово изречь, ни ухо выслушать, они пробудились и рассказали о том бывшим с ними. Всех до крайности удивлял рассказ обоих об одинаковом видении. И прежде бывший человекоубийца с сих пор стал жить вместе с подвижниками и, до самой смерти занимаясь исправлением своей жизни, из волка сделался незлобивым агнцем. И на нем исполнилось предречение Исаии пророка: …*пастися будут вкупе волк со агнцем… и лев аки вол ясти будет плевы* (ср.: Ис. 11, 6, 7). Точно, там можно было видеть, что и ефиопы подвизаются вместе с монахами и многих превосходят в добродетелях; и над ними исполнилось слово Писания: *Ефиопиа предварит руку свою к Богу* (Пс. 67, 32).

Однажды язычники спорили с христианскими поселянами о своих границах. С обеих сторон явилось множество вооруженных. Аполлос пришел к ним, чтобы примирить их. Но предводитель язычников, человек жестокий и свирепый, воспротивился ему и с упорством говорил: «Не помирюсь до смерти». Аполлос сказал ему: «Да будет с тобою то, что ты избрал себе: никто другой, кроме тебя, не погибнет, и, когда ты умрешь, земля не будет твоим гробом, но чрева зверей и коршунов наполнятся тобою». Это слово тотчас и сбылось: ни с той ни с другой стороны никто, кроме этого предводителя, не погиб; его зарыли в песок и поутру нашли, что коршуны и гиены растерзали его на куски. Язычники, увидев такое чудо и исполнение сказанного, все уверовали в Спасителя, Аполлоса же провозглашали пророком.

Еще прежде сего святой Аполлос жил в пещере горы с пятью братиями, которые были первыми учениками его, когда он только что вышел из пустыни. Настал праздник Пасхи, и они, совершив в пещере служение Богу, хотели вкусить, что найдется. А было у них только немного сухих хлебов и несколько овощей. Аполлос сказал им: «Дети! Если мы верные и истинные чада Христовы, то попросите каждый у Бога пищи, какой кому угодно». Но они все предоставили ему, считая себя недостойными такой благодати. Когда же он сам с радостным лицом совершил молитву и все рекли: «Аминь»,– тотчас явились у пещеры какие-то неизвестные мужи, сказавшиеся пришельцами издалека, и принесли с

собою всего, о чем братия даже и не слыхали и что не родится в Египте, именно: всякого рода плодов садовых – винограда, гранатовых яблок, смокв и орехов – всего такого, чему поспеть тогда было еще не время, и медовых сотов, и сосуд свежего молока, и десять больших чистых и теплых хлебов – все такое, что родится в чужой стране. Мужи, принесшие это, только что отдали как присланное от какого-то знатного и богатого человека и тотчас поспешно удалились. Приняв съестное, братия продовольствовались сим до Пятидесятницы, и сами дивились и говорили, что поистине это послано им от Бога. Один из монахов просил авву тут же помолиться за него, чтобы ему сподобиться какого-нибудь благодатного дара. Когда сей помолился, ему дан был благодатный дар смиренномудрия и кротости, так что все дивились, как он стяжал великую кротость. Об этих чудесах Аполлоса рассказали нам отцы, жившие с ним, засвидетельствовали также и многие братия.

Незадолго пред тем сделался голод во всей Фиваиде. Жители городов, зная по слуху, что жившие с Аполлосом монахи неоднократно уже получали пищу чудесным образом, все пошли к нему с женами и детьми просить благословения и пищи. Нимало не опасаясь, что недостанет пищи, он давал всем приходящим по стольку, чтобы каждому доставало на день. Когда же остались только три большие корзины с хлебом, а между тем голод усиливался, он велел принести и эти корзины, из которых монахи в тот самый день хотели взять для себя хлеба, и в слух всех братий и народа громко сказал: «Уже ли рука Господня не может наполнить эти корзины? Вот что говорит Дух Святой: "Не оскудеет хлеб в сих корзинах, доколе все не вкусят нового хлеба"». Ходившие туда в самом деле утверждали, что всем доставало хлеба в продолжение четырех месяцев.

То же сделал он над елеем и пшеницею, так что сатана предстал ему и сказал: «Разве ты Илия или другой кто из пророков и апостолов, что делаешь это?». Он отвечал ему: «А разве не люди были святые пророки и апостолы, которые предали нам сие делать? Или тогда был Бог, а ныне нет Его? Бог всегда может делать это: для Него нет ничего невозможного. Если же Бог благ, то зачем ты зол? И разве не должно нам говорить, что мы видели, то есть что подающие хлеб приносили братиям на трапезу полные корзины и опять брали их назад полными по насыщении пятисот братий?».

Надобно еще сказать, как изумились мы, увидев и другое чудо. Трое нас, братий, пошли к нему. Его братия узнали нас, увидев еще издали, потому что еще прежде слышали от Аполлоса о нашем приходе к нему. Пришедши поспешно, они встретили нас с пением (таков был у них обычай в отношении ко всем монахам), поклонившись лицом до земли, облобызали нас и, указывая на нас друг другу, говорили: «Вот и пришли те братия, о которых отец за три дня предсказал нам, что чрез три дня придут к нам трое братий из Иерусалима». И одни шли впереди нас, другие – за нами, и все пели, доколе мы не пришли к самому Аполлосу. Авва Аполлос, услышав пение, вышел к нам навстречу, как он обыкновенно делал это в отношении ко всем братиям. Увидев нас, он первый поклонился нам до земли и, востав, облобызал нас, потом ввел к себе, помолился и, собственными руками умыв нам ноги, просил отдохнуть. Так поступал он со всеми приходящими к нему братиями.

Жившие с ним братия принимали пищу не прежде, как приобщившись Евхаристии Христовой. Это делали они в девятом часу дня. По принятии пищи они садились слушать его, и он поучал их всем заповедям до сумерек. После того одни из них удалялись в пустыню и там читали наизусть Священное Писание целую ночь, другие оставались там, непрестанно восхваляя Бога песнопениями до наступления дня. Я сам своими глазами видел, как они начинали с вечера свое песнопение и не переставали петь даже до утра. А многие из них только в девятом часу сходили с горы и, приняв Евхаристию, опять восходили на гору и довольствовались одною духовною пищею до другого девятого часа. Так поступали многие из них в течение многих дней. При всем том они, как можно было видеть, радовались, живя в пустыне, – никто не укажет здесь, на земле, подобной радости и веселия телесного. Между ними никого не было скучного и печального. Если бы кто и показался когда печальным, авва Аполлос тотчас спрашивал его о причине скорби и открывал, что было у каждого в тайне сердца. «Не должно,– говорил он,– на пути спасения скорбеть тем, которые имеют наследовать Царство Небесное; пусть стенают язычники, плачут иудеи, скорбят грешники, а праведники должны радоваться. И если помышляющие о земном в земном находят радость, как же нам, удостоенным толикой надежды, не радоваться непрестанно, когда и апостол побуждает нас *всегда радоваться, непрестанно молиться, о всем благодарить* (ср.: 1 Сол. 5, 16–18)»?

Впрочем, кто может изобразить сладость бесед аввы Аполлоса и прочие его

добродетели, о которых мы умолчали по причине их чрезвычайной чудесности, хотя и слышали от него самого и от других?! Часто, наедине беседуя с нами о подвижничестве, он говорил и о том, как принимать братию, то есть что должно кланяться приходящим братиям, ибо, говорил он, «ты кланяешься не им, а Богу; видя брата твоего, ты видишь Господа Бога твоего, и это приняли мы от Авраама (см.: Быт. 18)». Еще говорил он, что должно братию усильно приглашать к успокоению – этому научились мы у Лота, который *принуди* Ангелов (ср.: Быт. 19, 3). Еще: что монахи должны, если могут, приобщаться каждодневно Святых Таин, потому что, кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога. Например, кто постоянно приобщается, тот всегда принимает в себя Спасителя, ибо Сам Спаситель говорит: *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Итак, полезно монахам постоянно воспоминать спасительное страдание и ежедневно быть готовыми удостоиться принятия Святых и Небесных Таин, ибо таким образом мы удостаиваемся отпущения грехов. «Также непозволительно,– говорил он,– нарушать без всякой нужды всеобщие посты, ибо в среду Спаситель предан, а в пяток распят. Посему, кто нарушает пост, тот вместе с врагами предает и распинает Спасителя. Если в пост придет к тебе брат, имеющий нужду в успокоении, предложи трапезу ему одному; если ж ему не угодно, не принуждай, ибо все мы имеем общее предание о посте».

Много порицал он тех, которые носят оружие и отращивают волосы, ибо такие люди, по его словам, тщеславятся и стараются нравиться людям. Им должно бы постом изнурять свое тело и делать добро втайне, а они, напротив, выставляют себя пред всеми. Впрочем, что говорить много? Все наставления его точно соответствовали его жизни и достойным образом ни пересказать, ни описать их невозможно.

Таким образом побеседовав с нами о многом несколько раз в продолжение целой недели, он, отпуская нас, сказал: «Мир имейте между собою и на пути не отлучайтесь друг от друга». Когда же сказал он бывшим при нем братиям, не угодно ли кому из них проводить нас до других отцов, и когда почти все они изъявили свою готовность, святой Аполлос избрал из них трех мужей, сильных в слове и в жизни и знавших языки – греческий, римский и египетский, и, отпуская нас с ними, велел им не оставлять нас дотоле, пока мы не увидим всех отцов (только кто пожелал бы увидеть их всех, тот не успел бы сделать сего во всю жизнь). Наконец, он благословил нас и отпустил с сими словами: *Да благословит вас Господь от Сиона, и узрите благая Иерусалима во вся дни живота вашего* (ср.: Пс. 127, 6).

Когда мы шли по пустыне в полдень, вдруг видим: дракон огромный, как бревно, ползет по песку. Увидев его, мы сильно испугались. Но провожавшие нас братия убеждали нас не бояться, а быть спокойными и держаться следа дракона. «Увидите,– говорили они,– веру нашу». Они надеялись убить его своими руками. «Мы уже убивали руками много и драконов, и аспидов, и керастов»,– говорили они. Над ними исполнилось Писание: *Се, даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию* (Лк. 10, 19). Но мы, по неверию, а еще более по страху, просили их идти не по следу дракона, а по прямой дороге. Тогда один брат из числа их, оставив нас на месте, с великою отважностию устремился в пустыню по следам зверя. Нашедши недалеко его логовище, он громко кричал нам, что дракон в пещере, и звал к себе посмотреть, что будет, между тем как другие братия убеждали нас не пугаться. Когда мы с великим страхом пошли посмотреть зверя, нечаянно встретился с нами один брат и, ухватясь за нас руками, влек в свой монастырь и говорил, что мы не можем снести ярости того зверя. Тем больше, что никогда не видали его. А о себе говорил, что он часто видал это животное, что оно чрезвычайно велико и имеет больше пятнадцати локтей. Приказав нам остановиться, сам он пошел к тому брату и просил его оставить пещеру, ибо тот не хотел оставлять этого места, пока не убьет дракона. Однако ж он упросил его и привел к нам, а тот укорял нас в маловерии. Отдохнув у сего брата, которого монастырь отстоял на одну милю от того места, мы довольно укрепились в силах.

Об авве Аммуне

Этот брат рассказывал нам, что в том месте, где он жил, был один святой муж, у которого он учился, по имени Аммун, совершивший в том месте весьма много чудес. К нему часто приходили разбойники и брали его хлебы и пищу. Но в один день он пошел в пустыню, привел с собою оттуда двух больших драконов и велел им стоять на страже у

своей двери. Разбойники пришли, по обыкновению, и, увидевши чудо, онемели от ужаса и пали ниц. Аммун, вышедши, увидел, что они немы и почти полумертвы, поднял их и стал укорять так: «Посмотрите, сколько вы свирепее зверей; вот они ради Бога повинуются нашей воле, а вы и Бога не боитесь, и христианского благочестия не уважаете». Потом, введши их в самую келию, предложил им трапезу и увещевал переменить жизнь. Оставив прежнюю жизнь, они оказались лучшими многих, а чрез несколько времени и сами стали совершать такие же знамения.

В одно время, рассказывал тот же брат, большой дракон опустошал соседнюю страну и истреблял множество животных. Тогда жившие близ пустыни все вместе пришли к авве и просили истребить в их стране этого зверя. Но он, будто не могши ничего сделать для них, отпустил их в печали, а сам, вставши наутро, пошел по следам зверя. Когда авва трижды преклонил колена для молитвы, зверь пришел к нему с сильным свистом, испуская страшное дыхание, надуваясь, шипя и издавая зловонный запах. Авва нимало не убоялся и, обратясь к дракону, сказал: «Да поразит тебя Христос, Сын Бога Живаго, имеющий сокрушить великого зверя». Как только он сказал это, дракон тотчас расселся, изблевав изо рта весь яд вместе с кровью. Пришедши на другой день и увидевши это великое чудо, поселяне никак не могли стерпеть запаха от дракона и засыпали зверя кучею песка. Тут же с ними находился и авва, ибо они одни не смели приближаться к дракону, хотя он был уже мертв.

А прежде, продолжал брат, когда дракон был еще жив, вдруг увидел его один отрок, пасший стадо. Испугавшись, он упал замертво и целый день лежал бездыханный на поле близ пустыни. К вечеру родственники нашли его и, заметив, что он еще несколько дышит, только весь распух от удара, приносят его к авве, а между тем не знали, отчего это случилось. Когда авва помолился и помазал отрока елеем, он встал и рассказал виденное им. Это особенно и побудило сего мужа решиться на истребление дракона.

Об авве Коприи пресвитере

Один пресвитер, по имени Коприй, имел неподалеку оттуда монастырь в пустыне. Это был муж святой, почти девяноста лет, настоятель пятидесяти братий. Он делал также весьма много чудес: врачевал болезни, совершал много исцелений, изгонял демонов, творил много знамений, и некоторые в наших глазах. Увидев и помолившись о нас, он умыл нам ноги и спрашивал нас, что делается в мире. Но мы просили, чтобы он лучше рассказал нам о добродетелях своей жизни и о том, как Бог ниспослал ему дары и каким образом он получил сию благодать. Он без всякой гордости стал нам рассказывать о жизни своей и своих предшественников, великих мужей, из коих многие превосходили его и которых жизни подражал он. «Дети,– говорил он,– нет ничего удивительного в моих делах в сравнении с подвигами отцов наших».

Между тем как пресвитер Коприй еще рассказывал об этом, один из наших братий, не веривший его словам, задремал и видит, что в руках у того мужа находится дивная книга, исписанная золотыми буквами, и что какой-то седой муж подошел и грозно сказал ему: «Что же ты не внимаешь чтению и дремлешь?». Устрашенный брат тотчас по латыни рассказал нам слышанное и виденное им. Еще он говорил нам об этом, как пришел один поселянин с корзиной, наполненной песком, и, приблизившись, ожидал, пока брат кончит свой рассказ. Мы спросили пресвитера, чего хочет этот поселянин с песком. Авва сказал нам в ответ: «Дети, не надлежало бы нам хвалиться перед вами и рассказывать о славных делах отцов, дабы, возгордившись умом, мы не лишились награды. Но поелику вы пришли к нам из столь отдаленной страны, то за такую ревность и искание пользы я не лишу вас назидания, но в присутствии братий расскажу, что Бог устроил чрез нас.

Соседняя нам страна была бесплодна, и владевшие ею поселяне, посеяв хлеб, едва собирали его вдвое против посеянного, ибо червь, зарождаясь в колосе, повреждал всю жатву. Земледельцы, оглашенные нами и сделавшиеся христианами, просили нас помолиться о жатве. Я сказал им: “Если вы имеете веру в Бога, то и этот пустынный песок будет приносить вам плод”. Они немедленно набрали в пазуху вот этого песка, по которому мы ходим, и принесли к нам, прося нашего благословения. Когда я помолился, чтобы было по вере их, они посеяли его на полях вместе с хлебом, и вдруг земля их стала плодоноснее всякой земли в Египте. Таким образом, привыкши это делать, они ежегодно приходят к нам с прежнею просьбою».

«Еще одно великое чудо,– продолжал авва,– Бог сподобил меня совершить в присутствии многих. Однажды пришел я в город и встретил одного манихея, который обольщал народ. Как не мог я убедить его при народе, то, обратясь к толпе, сказал: “Зажгите на площади большой костер; мы оба войдем в огонь, и, кто из нас останется невредим от него, того и вера хороша”. Это было исполнено: народ поспешно зажег костер и потащил манихея вместе со мною в огонь. Но манихей сказал: “Пусть каждый из нас порознь войдет в огонь, и первый должен вступить ты сам, приказавший это сделать”. Когда же я, знаменовав себя именем Христовым, взошел на костер, то пламень расступился на две стороны и нимало не повредил мне, хотя я пробыл в нем полчаса. Народ, увидев чудо, поднял крик и заставлял манихея войти в огонь, но он устрашился и не хотел этого сделать. Тогда народ схватил его и втолкнул в средину огня. Он весь был охвачен пламенем и тотчас с бесчестием выгнан был из города при крике народа: “Сожгите обманщика заживо!”. А меня народ взял под руки и, прославляя Бога, проводил до церкви.

В другое время, когда я проходил чрез одно капище, несколько язычников приносили жертву своим идолам. Я сказал им: “Для чего вы, существа разумные, приносите жертвы неразумным? Чрез это вы становитесь не разумнее, чем они”. И так как мои слова были верны, то они тотчас последовали мне и уверовали в Спасителя.

Некогда был у меня недалеко в поле сад для приходивших к нам братий, и один бедный человек обрабатывал его. Однажды пришел туда какой-то язычник украсть овощей. Когда он украл и пришел домой, то три дня не мог сварить их: они оставались в котле такими же, какими были взяты, ибо вода вовсе не нагревалась. Тогда этот человек, пришедши в себя, взял овощи и принес их к нам, умоляя простить ему грех и сделать его христианином, что и было исполнено. В это самое время пришли к нам странники-братия, и для них особенно ко времени принесены были к нам овощи. Вкусивши их, мы возблагодарили Бога за получение двойной радости, то есть за то, что и человек спасен, и братия укрепились».

Об авве Сурусе

Однажды авва Сурус, авва Исаия и авва Павел, мужи благочестивые и подвижники, сошлись вместе, чтобы посетить великого исповедника – авву Анувия. Он жил от них на расстоянии трех дней пути. И говорят они друг другу: «Пусть каждый из нас покажет свой образ жизни и как он почтен от Бога здесь, на земле». Авва Сурус сказал им: «Прошу у Бога дара, чтобы силою Духа достигнуть нам того места без утомления». И только лишь он помолился, тотчас явились готовое судно и благоприятный ветер, и в одно мгновение они очутились на месте, хотя плыли против течения.

Об авве Исаии

Исаия говорит им: «Что удивительного, друзья, если встретит нас муж, который перескажет нам жизнь каждого из нас?».

Об авве Павле

Павел же говорит им: «А если и нам Бог открыл, что чрез три дня Он возьмет Анувия к себе?». Когда пошли они вперед, к месту жительства Анувия, сей муж, вышедши к ним навстречу, приветствовал их. Павел сказал ему: «Расскажи нам свои дела, ибо послезавтра ты отойдешь к Богу».

Об авве Анувии

Авва Анувий сказал им: «Благословен Бог, известивший и меня об этом, так же как и

Авва Анувий сказал им: «Благословен Бог, известивший и меня об этом, так же как и о вашем прибытии и подвижничестве». Сказавши о подвигах каждого из них, далее он стал рассказывать и о своих подвигах следующим образом: «С того времени как я исповедал на земле имя Спасителя, не исходила ложь из уст моих. Я не питался земною пищею, ибо Ангел ежедневно питает меня пищею небесною. В сердце мое не входило желание ничего иного, кроме Бога. Бог не скрыл от меня, что делается на земле. Свет не заходил от глаз моих: я и днем не спал, и ночью не отдыхал, ища Бога, и Ангел всегда был при мне, показывая силы мира. Свет ума моего не погасал. Все, чего просил я у Бога, скоро получал. Многократно видал я тьмы Ангелов, предстоящих Богу; видел лики праведников; видел сонмы мучеников; видел, как все они восхваляют Бога; видел сатану, предаваемого огню; видел аггелов его, терпящих наказание; видел праведников, вечно веселящихся». Рассказав это и многое другое в продолжение трех дней, авва предал душу. Ее тотчас приняли Ангелы и лики мучеников и понесли на Небеса, а братия видели это и слышали их песнопения.

Об авве Эллине

Другой авва, по имени Эллин, с детства подвизавшийся в добродетели, приносил часто к братиям, жившим в соседстве с ним, огонь за пазухой, возбуждая и в них желание показывать знамения. Он говорил им: «Если вы поистине подвизаетесь, то покажите знамения добродетели».

Однажды, когда он был один в пустыне, ему захотелось меду. Скоро нашел он под камнем соты и сказал: «Удались от меня необузданное похотение, ибо писано: *…духом ходите и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16)» – и, оставив соты, удалился.

Еще: постившись в пустыне три недели, он нашел разбросанные плоды и сказал: «Не буду есть и не прикоснусь к ним, да не соблазню брата моего, то есть душу мою, ибо писано: *…не о хлебе единем жив будет человек* (Мф. 4, 4)». Постившись и еще неделю, он наконец заснул. Ангел явился ему во сне и сказал: «Встань и ешь, что найдешь». Он встал и, осмотревшись вокруг, видит источник, около которого выросли роскошные растения. Он принял питие и пищу из растений и утверждал, что ничего приятнее в жизни не вкушал. Нашедши на том месте небольшую пещеру, он пробыл там несколько дней без пищи. Наконец, когда почувствовал нужду в пище, он, преклонив колена, стал молиться – и тотчас ему предложены были всякие яства, теплые хлебы, оливки и различные плоды.

Некогда он посетил своих братий и, преподав им много наставлений, поспешно удалился в пустыню, взяв с собою некоторые нужные вещи. Увидев на пастбище несколько диких ослиц, он сказал к ним: «Во имя Христово, пусть одна из вас придет ко мне и возьмет на себя мою ношу». И тотчас одна прибежала к нему. Положив на нее свои вещи, он сел на нее и в один день прибыл к пещере.

Однажды, когда он разложил на солнце хлебы и плоды, подошли к ним звери, обыкновенно приходившие на источник, и, лишь только коснулись хлебов, тотчас умерли.

В один воскресный день он пришел к некоторым монахам и сказал им: «Что вы ныне не собирались к богослужению?». Когда они отвечали, что не пришел пресвитер (живший на противоположном берегу), он сказал им: «Пойду призову его». Они сказали, что нельзя перейти поток по причине глубины его. Притом же, говорили они, в этом месте живет огромный зверь – крокодил, истребивший много людей. Он немедленно встал и пошел к потоку, и вдруг зверь, взяв его на свою спину, перенес на другой берег. Нашедши пресвитера в поле, он просил его не оставлять братии. Сей, видя, что он одет в рубище, сшитое из многих лоскутов, спросил у него, где он взял рубище, и прибавил: «Брат, одеяние души твоей – прекрасное!». И, подивившись его смиренномудрию и убожеству, последовал за ним к реке. Но тут они не нашли лодки, и авва Эллин громким голосом стал звать крокодила. Крокодил тотчас явился по его зову и подставил спину. Авва Эллин приглашал и пресвитера сесть с собою, но сей, увидев зверя, испугался и отступил назад. Он и братия, жившие на том берегу, с ужасом смотрели, как авва переплывал поток на звере. Вышедши на сушу, он привел с собою и зверя и сказал, что ему лучше умереть и понести наказание за погубленные им души. Зверь тотчас упал и умер.

Пробыв у братий три дня, авва все это время учил их заповедям и открыл им сокровенные намерения каждого. Тот, говорил он, терпит беспокойство от помыслов блудных, другой – от тщеславия, третий – от сластолюбия, а иной – от гнева; одного называл кротким, другого – миролюбивым; в одном обличал пороки, в другом хвалил

называл кротким, другого – миролюбивым, в одном обличал пороки, в другом хвалил добродетели. Слыша это, они удивлялись и говорили, что это правда.

Затем он сказал им: «Приготовьте нам овощей, ибо ныне придет к нам много братий». Действительно, братия пришли еще во время приготовления и облобызали друг друга.

Один из сих братий, желая жить с аввою в пустыне, просил его об этом. Когда же авва говорил, что ему не перенести искушений демонских, тот с настойчивостью стал утверждать, что все перенесет. Авва Эллин принял его и велел ему жить в другой пещере. Демоны сперва много смущали его срамными помыслами, потом, явившись ночью, начали душить его. Он бежал из пещеры и рассказал авве Эллину о случившемся. Авва, очертив то место, велел ему впредь пребывать на нем без боязни.

Однажды, когда у них в пещере недостало хлебов, Ангел пришел в образе брата и принес им пищу. В другое время десять братий искали его по пустыне и семь дней оставались без пищи. Наконец авва встретил их и велел им отдохнуть в пещере. Когда они напомнили ему о пище, он, не имея ничего предложить им, сказал: «Бог силен уготовать трапезу в пустыне»,– и тотчас явился благообразный юноша и постучал в двери в то время, как они молились. Они отворили дверь и увидели юношу с большою корзиною, наполненною хлебами и оливками. Приняв это, они вкусили пищи и возблагодарили Господа, а отрок тотчас стал невидим.

Авва Коприй, рассказав нам это и много другого удивительного и обласкавши нас, привел в свой сад и показал нам пальмы и другие плодовитые деревья. Он сам насадил их в пустыне, возбужденный верою поселян, которым он сказал, что и пустыня может приносить плоды тем, кто имеет веру в Бога. «Ибо, когда я увидел, что они засеяли песок и поле их стало плодоносно,– говорил он,– то и сам сделал то же и получил успех».

Об авве Апеллесе пресвитере

Видели мы и другого пресвитера, в Верхней стране,– мужа праведного по имени Апеллес. Он сперва занимался ремеслом медника, а потом обратился к подвижничеству. Однажды, когда к нему пришел диавол в образе женщины, он, в то время делая медные вещи для монахов, нарочно схватил рукою раскаленное железо и обжег женщине все лицо и тело. И братия слышали, как она кричала в келии. С того времени этот муж всегда берет рукою раскаленное железо без всякого вреда. Он принял нас дружелюбно и вот что рассказывал о живших с ним богоугодных мужах, которые живы еще и ныне.

Об авве Иоанне

Есть в этой пустыне, говорил он, брат наш Иоанн, не нашего, впрочем, века человек, ибо он превосходит добродетелями нынешних монахов. Найти же его скоро никто не может, потому что он всегда ходит по пустыне с места на место.

Он сперва три года стоял под одной скалой, проводя все это время в непрестанной молитве, никогда не садился и не ложился спать и только стоя имел несколько сна. Только в воскресные дни принимал Евхаристию, которую приносил ему пресвитер, и более ничего не ел.

В один день сатана, приняв на себя образ пресвитера, поспешно приходит к нему и показывает вид, будто хочет преподать ему Причастие. Но блаженный Иоанн, узнав его, сказал ему: «Отец всякого обмана и всякого лукавства, враг всякой правды! Ты не только непрестанно обольщаешь души христиан, но и дерзаешь ругаться над самыми Святыми Таинствами». Диавол отвечал ему: «Едва не удалось мне уловить тебя. Этим способом я обольстил одного из твоих братий и, лишив его рассудка, довел до сумасшествия. Многие праведники много молились за него и едва возмогли привести его в разум». Сказав сие, демон удалился от него.

Когда же от продолжительного стояния у него растрескались ноги и стали гноиться, тогда явился Ангел и, коснувшись уст его, сказал: «Господь будет для тебя истинною пищею, и Дух Святый – истинным питием, но теперь пока достаточно для тебя духовного пития и пищи, чтобы иначе, от пресыщения, ты не изверг их»,– и, исцелив его, свел с места. После того он стал странствовать по пустыне и питаться растениями. В воскресный

же день являлся на прежнее место для принятия Причастия.

Выпросив у пресвитера несколько пальмовых ветвей, он делал из них поясы для животных. Когда один хромой решился отправиться к нему для исцеления, то едва только сел он на осла и ноги его едва только коснулись пояса, сделанного святым мужем, он тотчас исцелился.

Иногда авва посылал больным благословение, и они тотчас освобождались от болезни. Однажды он получил откровение о своих монастырях, что некоторые из братий ведут недобрую жизнь. Тогда написал он чрез пресвитера ко всем им послание, в котором было сказано, что такие-то из них не радят, а другие ревнуют о добродетели. Открылось, что это было так. Написал он и к отцам, что некоторые из них не радят о спасении братий, а другие довольно наставляют их, притом объявил, каких наказаний и почестей достойны те и другие. Еще, призывая иных к высшему совершенству, он внушал им, чтобы, удаляясь от чувственного, они восходили к духовному, так как уже время вести такую жизнь. «Мы,– говорил он,– не должны навсегда оставаться детьми и младенцами, но должны восходить к совершеннейшему разумению, достигать мужеского возраста и возвышаться до самых великих добродетелей».

Это и еще многое рассказывал нам отец об авве Иоанне, но мы всего того по причине чрезвычайной чудесности не написали – не потому, чтобы оно не было истинно, а по причине неверия некоторых. Сами мы совершенно убеждены в истине сего, ибо нам одно и то же рассказывали многие и великие мужи, видевшие все это своими глазами.

Об авве Пафнутии

Видели мы и другое место, где жил Пафнутий-отшельник, муж великий и добродетельный, который недавно скончался в окрестности Ираклеи Фиваидской. О нем многие рассказывали многое.

После продолжительного подвижничества Пафнутий молил Бога открыть ему, кому бы из совершенных по святости он был подобен. Ангел явился ему и сказал: «Ты подобен такому-то флейщику (флейтисту.– *Ред*.), который живет в городе». Поспешно отправился Пафнутий к тому флейщику и расспрашивал его об образе жизни и делах. Флейщик сказал ему, что он (как и в самом деле было) человек грешный, нетрезвой и развратной жизни и что он недавно перестал разбойничать и сделался флейщиком. Когда же Пафнутий стал выпытывать у него, что доброго сделал он когда-либо, флейщик отвечал, что не знает за собой ничего доброго, кроме того, что однажды, будучи еще разбойником, ночью избавил он от разбойников одну христианскую деву, которую они хотели обесчестить, и проводил ее до селения.

«В другой раз,– продолжал флейщик,– я встретил красивую женщину, блуждавшую по пустыне. Она бежала от служителей градоначальника и от судей из-за того, что муж ее был должен казне, и оплакивала свое странствование. Я спросил ее о причине ее слез. “Не спрашивай меня ни о чем, господин,– сказала она,– и не любопытствуй о несчастной, но возьми меня и отведи, куда хочешь, как рабу свою, ибо после того, как мужа моего много раз били в продолжение двух лет за то, что он должен казне триста златниц, и заключили в темницу, а трех моих любезнейших сыновей продали, я спасаюсь бегством, перехожу с места на место и, так как меня часто ловили и каждый раз били без пощады, брожу теперь по пустыне и вот уже третий день остаюсь без пищи”. Я сжалился над нею и привел ее в пещеру, дал ей триста златниц и проводил до города. Так я освободил ее с детьми и с мужем».

Пафнутий сказал ему: «Хотя я не знаю за собою, чтобы сделал что-нибудь подобное, но ты, без сомнения, слыхал, что я славен подвижничеством, ибо не в беспечности провел жизнь свою. И вот Бог открыл мне о тебе, что ты нисколько не ниже меня по добрым делам. Посему, когда Бог так печется о тебе, брат, ты не оставляй души своей в пренебрежении, на волю случая».

Флейщик тотчас же бросил из рук флейты и, променяв благозвучие музыкальной песни на духовное сладкопение, последовал за сим мужем в пустыню. В продолжение трех годов подвизался он, сколько мог, проводя жизнь свою в пении псалмов и в молитвах; наконец прешел на Небо и почил, сопричисленный к ликам святых и чинам праведных.

Проводивши к Богу сего усердного подвижника добродетели, Пафнутий стал вести жизнь более совершенную в сравнении с прежнею и опять молил Бога открыть ему, кому

из святых он подобен. Опять был к нему глас Божий: «Ты подобен старшине ближайшего селения». Пафнутий немедленно отправился к нему. Когда он постучался к нему в дверь, тот, по обычаю, вышел и принял гостя. Омыв ему ноги и предложив трапезу, он просил его вкусить пищи. Но Пафнутий стал у него расспрашивать о его делах и говорил: «Расскажи мне свой образ жизни, ибо ты превзошел многих монахов, как открыл мне Бог». Тот отвечал ему, что он человек грешный и недостойный даже имени монахов. Однако Пафнутий стал настоятельно расспрашивать его, и он отвечал так: «Я не имел нужды рассказывать о своих делах, но поелику ты говоришь, что пришел по повелению Божию, то расскажу тебе о себе.

Вот уже тридцатый год, как я разлучился со своею женою, прожив с нею только три года и прижив от нее трех сыновей, которые служат мне по моим делам. Я до сих пор не оставлял страннолюбия. Никто из поселян не похвалится, чтобы он принял странника прежде меня. Бедный или странник не выходил из моего дома с пустыми руками, не получив прежде нужного для пути. Не пропускал я бедного, удрученного несчастиями без того, чтобы не подать ему достаточного утешения. Не был я лицеприятен к своему сыну на суде. Чужие плоды не входили в дом мой. Не было вражды, которой бы я не примирял. Никто не обвинял моих сыновей в неприличных поступках. Стада мои не дотрагивались до чужих плодов. Не засевал я первый своих полей, но, предоставляя их всем, сам пользовался только тем, что оставалось. Не допускал я, чтобы богатый притеснял бедного. Во всю жизнь мою никого не огорчал, никого никогда не осуждал. Вот что, как помню, сделал я по воле Божией».

Услышав о добродетелях сего мужа, Пафнутий облобызал его голову и сказал: «Да *благословит тя Господь от Сиона, и узриши благая Иерусалима* (Пс. 127, 5). Тебе недостает еще главной из добродетелей – многомудрого познания о Боге, которое не можешь ты приобрести, если не отвергнешься мира, не возьмешь креста и не последуешь за Спасителем». Услышав сие, тот немедленно, не сделав даже никаких распоряжений касательно своего имущества, последовал за этим мужем в гору. Когда же они пришли к реке и не нашли тут никакой лодки, Пафнутий велел ему идти через реку, которой никто никогда в этом месте не переходил по причине глубины ее. Они перешли так, что вода была им только по пояс. Тогда Пафнутий оставил его в одном месте, а сам, разлучившись с ним, молил Бога, чтобы ему быть лучше подобных людей. Немного времени спустя Пафнутий видел, что душу сего мужа взяли Ангелы, славя Бога и говоря: *Блажен, егоже избрал еси и приял, вселится во дворех Твоих* (Пс. 64, 5). Святые же ответствовали им и восклицали: *Мир мног любящим закон Твой* (Пс. 118, 165). Тогда узнал Пафнутий, что муж сей скончался.

Продолжая неусыпно молиться Богу и еще более подвизаясь в посте, Пафнутий опять молил Бога открыть ему, кому он подобен. И опять сказал глас Божий: «Ты подобен купцу, ищущему хороших жемчужин. Встань же и не медли: с тобою встретится муж, которому ты подобен». Он пошел и увидел одного купца александрийского. Сей был муж благочестивый и христолюбивый, торговал на двадцать тысяч златниц, имея сто кораблей, и теперь возвращался из Верхней Фиваиды. Он все свое имущество и все прибытки от торговли раздавал бедным и монахам, и в этот раз, с сыновьями своими, нес Пафнутию десять мешков овощей. «Что это, любезный?» – сказал ему Пафнутий. Тот отвечал ему: «Это плоды торговли, приносимые Богу для подкрепления праведных». «Что же,– сказал ему Пафнутий,– и ты не примешь нашего имени?». Когда тот признался, что очень желает сего, Пафнутий сказал ему: «Доколе ты будешь заниматься земною торговлею и не примешься за небесную куплю? Предоставь это другим, а сам, пока время так благоприятно, последуй за Спасителем, к Которому немного после и придешь ты». Купец, нисколько не отлагая, приказал своим сыновьям разделить между бедными все, что у него оставалось, а сам отправился в гору, заключился в том месте, где до него подвизались двое, и постоянно молился Богу. Прошло немного времени, и он, оставив тело, соделался небожителем.

Пафнутий, предпослав и сего мужа на Небо, наконец и сам, не имея сил продолжать подвижничество, стал отходить. Тогда явился ему Ангел и сказал: «Наконец пойди и ты, блаженный, в вечные селения. Пророки пришли принять тебя в свой сонм. Это прежде не было тебе открыто, чтобы ты, возгордившись, не лишился своих заслуг». Прожив еще один день и рассказав все пресвитерам, пришедшим к нему по откровению, он предал дух. Пресвитеры ясно видели, как он принят был ликами праведных и Ангелов, восхвалявших Бога.

О мучениках Аполлонии и Филимоне

Был в Фиваиде монах по имени Аполлоний. Он показал много чудесных опытов своей святости и удостоен был диаконства. Успев во всех добродетелях мужей, какие прославились во время гонения, он ободрял исповедников Христовых и сделал многих мучениками, а наконец и сам был взят и содержался в тюрьме. Туда приходили к нему самые негодные язычники и говорили ему оскорбительные и богохульные речи.

Между ними был один музыкант, человек известный по своим злодеяниям. Он пришел и стал поносить Аполлония, называя нечестивцем, наветником, обманщиком; говорил, что все его ненавидят и что надо бы ему поскорее умереть. Аполлоний сказал ему: «Да помилует тебя Господь и да не поставит тебе в грех того, что ты сказал». Услышав сие, музыкант (которого звали Филимоном), поражен был до глубины души словами Аполлония. Тотчас он отправился в судилище, предстал пред судиею и сказал ему при народе: «Несправедливо поступаешь ты, судия, наказывая благочестивых и невинных мужей. Христиане ничего худого не делают и не говорят – они даже благословляют врагов своих». Слушая его, судия сначала подумал, что он притворяется и шутит, но, видя, что он не перестает то же говорить, сказал ему: «Ты, верно, лишился ума». «Несправедливый судия! – отвечал тот.– Я не безумный, я – христианин». Тогда судия вместе с народом старался склонить его на свою сторону различными ласками, но, видя его непреклонным, подверг всякого рода мучениям.

Судия, велевший схватить и всячески поносивший Аполлония, мучил его, как обманщика. Но Аполлоний сказал ему: «Я желал бы, чтобы ты, судия, и все присутствующие здесь последовали мне в моем заблуждении». Как скоро он сказал это, судия велел его и Филимона бросить в огонь в глазах всего народа. Когда оба они были в огне и судия еще оставался на месте, блаженный Аполлоний воззвал к Богу в слух всего народа и судии: «*Не предаждь, Господи, зверем души, исповедующияся Тебе* (ср.: Пс. 73, 19), но явно покажи нам Себя». И вот сошло облако, подобное росе, и светлое, покрыло сих мужей и угасило огонь. Удивленные судия и народ воскликнули: «Один Бог, христианский!». Но какой-то злонамеренный человек уведомил об этом градоначальника александрийского. Этот, выбрав грубых и жестоких чиновников и стражей, послал их привести связанными судию и Филимона. С ними повели и Аполлония и некоторых других исповедников. Во время пути снизошла на Аполлония благодать, и он начал учить воинов. Когда и эти, умилившись, уверовали в Спасителя, то все они вместе явились в судилище узниками. Градоначальник, посмотрев на них и видя их непоколебимость в вере, велел бросить всех их в глубину морскую. Это было для них символом крещения. Родственники, нашедши их тела, выброшенные на берег, устроили для всех них одну гробницу, где от них много совершается чудес. Такова была благодать в Аполлонии, что, о чем бы он ни помолился, скоро бывал услышан – так почтил его Спаситель! И мы видели его и других мучившихся с ним и молились во время их мучения, а после, поклонившись Богу, облобызали и тела их в Фиваиде.

Об авве Диоскоре пресвитере

Видели мы и другого пресвитера в Фиваиде, по имени Диоскор, отца ста монахов. Когда они располагались приступить к Божественным Таинам, он говорил им: «Смотрите, чтобы никто из вас, имевших ночью нечистые сновидения, не дерзал приступить к Святым Таинам и чтобы никто не засыпал с нечистыми мечтами. Что бывает без мечтаний, то бывает не по произволу каждого, а зависит от природы, от избытка вещества, и потому не вменяется в грех. А мечты зависят от произвола и свидетельствуют о нечистоте души. Итак, монаху должно побеждать и закон природы и не предаваться никакой плотской нечистоте, но надобно измождать плоть и не допускать, чтоб она тучнела. Старайтесь истощить тело продолжительными постами, иначе оно будет возбуждать нас к нечистым пожеланиям, а монаху никак не должно допускать себя до них, ибо чем же он будет отличаться от мирян? Мы часто видим, что и миряне воздерживаются от удовольствий для здоровья тела или по другим каким причинам – не должно ли тем более монаху заботиться о душе и о здравии ума и духа?

О нитрийских монахах

Пришли мы и в Нитрию, где видели многих и великих отшельников. Из них одни – туземцы, другие – пришельцы; одни других превосходят в добродетелях и, с ревностию упражняясь в подвижничестве и показывая всякую добродетель, друг друга превышают в образе жизни. Одни из них занимались созерцанием, другие вели деятельную жизнь. Некоторые из них, видя, что мы издалека шли через пустыню, вышли навстречу нам с водою, другие мыли нам ноги, третьи чистили наше платье, иные приглашали нас к трапезе, иные внушали учиться добродетелям, другие – заниматься созерцанием и познанием Бога. Чем кто мог, тем и старался нам услужить. И как пересказать все их добродетели, когда нельзя и говорить о них достойным образом? Они живут в пустыне, и келии их одни от других в таком расстоянии, что издали не могут они ни узнать, ни скоро увидеть друг друга, ни расслышать, что говорит другой; все они живут особо – в затворе. Только в субботу и воскресенье они собираются в церквах и принимают друг друга. Многие из них часто по четыре дня не выходят из келии, так что видят друг друга только в церковных собраниях. Некоторые из них приходят в сии собрания за три или за четыре версты – так далеко живут они друг от друга! У них такая любовь друг к другу и к прочей братии, что, если кто изъявляет желание спасаться вместе с ними, каждый из них спешит отдать ему свою келию для упокоения.

Об авве Аммонии

Видели мы там одного отца, по имени Аммоний. У него были прекрасные келии, двор, колодезь и прочие необходимые принадлежности. Когда приходил к нему какой-либо брат, желавший спасаться, и говорил ему, чтобы он нашел ему келию для жительства, Аммоний тотчас выходил, приказав ему дотоле не выходить из своей келии, пока он не найдет для него удобного жилища, и, оставив ему свою келию со всем, что в ней было, сам уходил далеко и заключался в какой-нибудь малой келии. Если же приходило много желавших спасаться, он собирал всю братию. Тогда один приносил камни, другой – воду, и келии выстраивались в один день. Тех, которые должны были жить в сих келиях, братия приглашали к общественной трапезе для утешения, и, пока они еще были утешаемы, каждый из братий, взявши из своей келии милоть или корзину хлебов и других нужных вещей, относил их в новые келии – так, чтобы никому не было известно приношение каждого. К вечеру приходя, будущие обитатели келий, вдруг находили в них все нужное. Многие из сих братий не вкушали ни хлеба, ни плодов, а только зелие. Некоторые не спали всю ночь, но сидя или стоя проводили время в молитве до самого утра.

Об авве Исидоре

Видели мы в Фиваиде и монастырь некоего Исидора, огражденный большою каменною стеною и имевший в себе тысячу монахов. В нем были и колодцы, и сады, и все, что только нужно, ибо никто из монахов никогда оттуда не выходит. Привратником у них был пресвитер, который никого не выпускал и не впускал, разве только кто объявит желание безвыходно жить там до своей смерти. Тех, которые приходили к воротам, он принимал и угощал в небольшой гостинице, а поутру, преподав благословение, отпускал в мире. Два только пресвитера, которые заведовали делами братий, выходили и приносили им все нужное. Стоявший при воротах пресвитер говорил нам, что живущие в монастыре так святы, что все могут совершать знамения и что никто из них не бывал болен до смерти. Когда же приходило время преставления которого-нибудь из них, он, предварительно возвестив об этом всем, ложился и умирал.

Об Аммоне

Есть и другая пустыня в Египте, на берегу моря, но пристать к ней весьма трудно. В ней живут многие и великие отшельники. Она лежит недалеко от города Диолка. Там

ней живут многие и великие отшельники. Она лежит недалеко от города Диолка. Там видели мы пресвитера, святого отца, весьма смиренного и многократно видевшего видения, по имени Аммон. Однажды, во время службы Божией, он видел Ангела, который, стоя по правую сторону жертвенника, отмечал братий, приступавших к Евхаристии, записывал их имена в книгу и изглаждал имена тех, которые не пришли в церковь. Сии чрез три дня умерли. Его часто мучили демоны и доводили до такой слабости, что он не мог стоять пред жертвенником и приносить Дары. Но являвшийся Ангел, взяв его за руку, тотчас возвращал ему силы и становил его здоровым пред жертвенником. Братия, видя его страдания, изумлялись.

Об авве Иоанне

Видели мы в Диолке и другого авву, Иоанна, настоятеля монастырей. Он имел вид Авраама, а браду Аарона, совершал чудеса и исцеления и возвратил здоровье многим расслабленным и страдавшим подагрою.

Об авве Питирионе

Видели мы в Фиваиде высокую гору, лежащую при реке, весьма страшную и утесистую. Там в пещерах жили монахи. У них был настоятелем некто по имени Питирион, один из учеников Антония, третий из бывших на этом месте. Он успешно изгонял бесов, часто совершал и другие знамения, ибо, наследовав место Антония и ученика его Аммона, достойно наследовал от них и дары благодатные. Он много беседовал с нами и с особенною силою рассуждал о различении духов, говоря, что некоторые бесы наблюдают за нашими страстями и часто обращают оные ко злу. «Итак, чада,– говорил он нам,– кто хочет изгонять бесов, тот должен сперва поработить страсти, ибо, какую страсть кто победит, такого и беса изгонит. Мало-помалу должно вам поработить страсти, чтобы изгнать демонов этих страстей. Например, бес действует посредством чревоугодия. Если вы преодолеете чревоугодие, то изгоните и демона его». Этот муж ел два раза в неделю, в воскресенье и четверток, мучную похлебку и, привыкши к ней, не мог принимать никакой другой пищи.

Об авве Евлогии пресвитере

Видели мы и другого пресвитера, по имени Евлогий, который во время принесения Богу Даров получал такую благодать ведения, что узнавал мысли каждого из приходивших монахов. Часто, бывало, заметив, что какие-нибудь монахи хотят подойти к жертвеннику, он удерживал их и говорил: «Как вы осмеливаетесь приступать к Святым Таинам с худыми мыслями? Вот, в эту ночь имел ты нечистую, блудную мысль». Иной, говорил он, размышлял в уме своем, что нет никакого различия в том, грешником или праведником приступит кто к Святым Дарам. Другой имел сомнение касательно самых Даров и думал: «Освятят ли они меня, когда я приступлю к ним?». «Итак, удалитесь на некоторое время от Святых Таинств и покайтесь от души, чтобы получить отпущение грехов и сделаться достойными общения со Христом. Если же не очистите сперва мыслей, то не можете приступить к благодати Христовой».

Об авве Серапионе пресвитере

Видели мы в пределах арсинойских пресвитера по имени Серапион, настоятеля многих монастырей и игумена многого братства, числом до десяти тысяч. Он чрез братию собирал множество хозяйственных припасов, ибо во время жатвы все они сносили к нему свои плоды, которые получали вместо платы за уборку полей,– каждый ежегодно по

двенадцати артаб хлеба, что равняется сорока нашим мерам. И все это употреблял авва на вспомоществование бедным, так что никто не терпел нужды в окрестности. Хлеб отсылаем был бедным даже в Александрию. Впрочем, и вышеупомянутые отцы, жившие по всему Египту, не пренебрегают такою же распорядительностию: от трудов братии они посылают бедным в Александрию корабли, наполненные хлебом и одеждою, потому что у них редко кто терпит нужду.

О Посидонии

Дела Посидония Фивянина, мужа весьма опытного в жизни и терпеливого, так многочисленны, что нельзя и пересказать. Он был так кроток, такой строгий подвижник и столько имел незлобия, что не знаю, встречал ли я такого когда-нибудь. В Вифлееме, когда он имел пребывание свое по ту сторону Пимения, я жил вместе с ним один год и видел многие его добродетели. В один день он мне рассказывал из своей жизни следующее: «Живши один год в месте, называемом Порфирит, я во весь этот год не встречал ни одного человека, не слыхал человеческого голоса и не вкушал хлеба, а питался или небольшими финиками, или дикими травами, если где-нибудь находил их. Однажды, когда у меня не стало пищи, вышел я из пещеры с намерением идти в места населенные. Прошедши целый день, я едва отошел от пещеры на две мили и когда оглянулся кругом, то увидел всадника в воинской одежде с шлемом в виде венца на голове. Предполагая, что это воин, я возвратился опять к пещере и, вошедши в нее, нашел корзину с виноградом и недавно сорванными фигами. Я с радостию взял их и прожил в пещере два месяца, питаясь сею приятною пищею».

А в Вифлееме досточудный Посидоний совершил вот какое чудо. Одна беременная женщина была одержима нечистым духом, и, когда ей пришло время родить, она страдала, испытывая мучение и от духа. В то время как жена бесновалась, муж ее пришел к святому Посидонию и просил его прийти к нему. Он пришел и стал на молитву. Вместе с ним пришли и мы помолиться. После второго коленопреклонения он изгнал духа и потом, вставши, сказал нам: «Помолитесь вы теперь, прошу вас; когда выйдет нечистый дух, должно быть какое-нибудь знамение, дабы мы убедились, что он в самом деле вышел». И вот бес, вдруг вышедши, обрушил всю стену дома от основания. Женщина эта не говорила шесть лет, а по изгнании беса, родила и стала говорить.

Я узнал и пророчество этого мужа, то есть славного Посидония. Жил в тех местах один пресвитер, Иероним, который был украшен великими сведениями в римской словесности и отличными талантами, но имел такую зависть, что она помрачала все достоинство его учености. Проживши с ним много дней, святой Посидоний сказал мне на ухо следующее: «Хотя благородная Павла, которая печется о нем, умрет, как я думаю, не пострадав от его зависти, однако ради этого человека ни один святой муж не будет жить в сих местах. Зависть его коснется даже собственного его брата». Так и случилось. Он выгнал оттуда и блаженного Оксиперенния, италийца, и другого, некоего египтянина, также Петра и Симеона, мужей чудных, о которых я уже говорил. Это мне рассказывал Посидоний, самый строгий подвижник добродетели, сорок лет не вкушавший хлеба и не помнивший никогда зла даже и до полдня. Такие-то подвиги и знамения совершал славный подвижник Христов Посидоний, обладавший предведением – даром превосходнейшим из всех. И среди таковых подвигов настал славный конец жизни блаженного.

О Серапионе

Был некто по имени Серапион, родом египтянин, прозванный Синдонитом, потому что никогда не носил ничего, кроме синдона. Он очень много упражнялся в нестяжательности, за что и назывался бесстрастным. Хорошо выучившись грамоте, он наизусть читал все Божественное Писание. По своей нестяжательности и ревности к слову Божию он не мог оставаться в келии, чтобы не увлечься земным, но с любовию проводил жизнь апостольскую и, путешествуя по населенным местам, так усовершился в подвиге нестяжательности, что приобрел совершенное бесстрастие. С таким расположением он родился (ибо у людей различны бывают расположения, а не самая природа). Отцы

рассказывали, что, взяв к себе в подвижники одного из сверстников своих, он в одном городе продал себя за двадцать монет комедиантам-язычникам и, запечатавши эти монеты, хранил их при себе. До тех пор он оставался у них, не вкушая ничего, кроме хлеба и воды, и непрестанно проповедуя устами слово Божие, пока не сделал комедиантов христианами и не убедил их оставить театр. Пробыв, таким образом, у них долгое время, блаженный сперва обратил самого комедианта, потом – жену его и, наконец, все семейство их. Говорили, что, пока его не знали, он обоим им умывал ноги. Приняв же Крещение, оба они отстали от театра, начали жить честно и благочестиво и, весьма почитая Серапиона, говорили ему: «Теперь, брат, мы отпустим тебя на волю, потому что ты сам освободил нас от постыдного рабства». Тогда Великий Серапион отвечал им: «Поелику Бог мой устроил, а вы содейтвовали, чтобы ваши души были чрез меня спасены, то я скажу вам всю тайну этого дела. Сжалившись над вашими душами, которые были в великом заблуждении, я, свободный подвижник, родом египтянин, ради вашего спасения продался вам, чтобы вы освободились от великих грехов. И теперь я радуюсь, что Бог совершил сие чрез мое смирение. Возьмите же свое золото; я оставляю вас и пойду помогать другим». Они настоятельно просили его остаться и говорили: «Мы будем всегда почитать тебя отцом и владыкою душ наших, только останься с нами». Но, не могши убедить его, сказали: «Отдай бедным это золото – оно было залогом нашего спасения». Серапион отвечал им: «Отдайте его вы, ибо оно ваше, а я не раздаю нищим чужих денег». После того они просили, чтобы он, по крайней мере чрез год, навестил их.

Сей святой раб Христов, постоянно путешествуя, прибыл однажды в Грецию, и в продолжение трех дней, которые он пробыл в Афинах, никто не подал ему хлеба, а он не имел денег. У него, бедного, не было ни милоти, ни жезла и совершенно ничего такого, кроме одного синдона, которым одет был. Наступил уже четвертый день, и он, не евши ничего в эти дни, сильно взалкал. Став на одном холме города, куда собирались чиновные особы, он начал кричать и сильно рыдать, с рукоплесканием говоря: «Афиняне, помогите!». Все носившие плащи и виры подбежали к нему и спрашивали: «Что с тобой? откуда ты? чем страдаешь?». Он отвечал им: «Родом я египтянин, по образу жизни монах. Удалившись из своего отечества, я впал в руки трех заимодавцев. Из них двое оставили меня, потому что получили долг и не имели причины обвинять меня, но третий не отстает, и мне нечем удовлетворить его». Окружавшие Серапиона люди, любопытствуя о заимодавцах с намерением удовлетворить их, спрашивали его: «Где же эти люди, которые тебя беспокоят, и кто они? Покажи нам их, чтобы могли мы тебе помочь». Тогда он сказал им: «От юности моей мучили меня сребролюбие, плотское вожделение и чревоугодие. От двух я освободился – от сребролюбия и вожделения, ибо у меня нет ни золота, ни другого какого-либо имущества. Я не наслаждаюсь и удовольствиями, которые поддерживают этот недуг. Посему эти страсти уже не беспокоят меня. Но от чревоугодия я никак не могу освободиться. Вот теперь уже четвертый день остаюсь без пищи, и жестокий заимодавец – чрево непрестанно мучит меня, требуя обычного долга и не позволяя мне жить, если я не заплачу ему». Тогда некоторые из философов подумали, что весь этот рассказ намеренно придуман, однако дали ему одну златницу. Серапион снес ее в хлебную лавку и, взяв один хлеб, тотчас удалился из города и более в него не возвращался. Тут узнали философы, что этот человек ведет истинно добродетельную жизнь, и, заплатив, чего стоил хлеб, взяли назад златницу.

О некоем манихее

Удалившись оттуда в окрестности Лакедемона, блаженный Серапион услышал, что один из первых людей города, муж, впрочем, добродетельный, по вере, со всем своим домом, был манихей. Сей наилучший из монахов, так же как и прежде, продал себя этому человеку и в два года успел отклонить от ереси его самого и его жену со всем домом его и присоединить их к Церкви. Они полюбили его не как раба, но более, чем родного брата и отца; содержали его в великой чести и вместе с ним прославляли Бога. Преподав им многие наставления, Серапион, сей духовный адамант, чрез несколько времени удалился от них, отдав и этим своим хозяевам деньги, за которые продал себя, и, не имея с собою решительно ничего, сел на корабль, как будто ему следовало плыть в Рим. Корабельщики, смотря на Серапиона, полагали, что он свои пожитки уже перенес на корабль или что станет тратить золото на издержки, и потому без расспросов приняли его, каждый думая,

что другой взял его пожитки. По отплытии, быв уже стадий на пятьсот от Александрии, они около захождения солнца наперед пообедали сами, потом стали есть и прочие бывшие на корабле. Видя, что Серапион не ест в первый день, они предполагали, что сей путешественник получил отвращение от пищи вследствие плавания; то же было и во второй, то же – и в третий, и в четвертый день. Но в пятый, во время общего обеда, видя, что он опять сидит спокойно, они сказали ему: «Ты что не ешь, любезный?». «Мне нечего есть»,– отвечал он им. Услышав это, корабельщики стали спрашивать друг у друга, кто взял его запасы на корабль. Когда же узнали, что никто не брал (ибо ничего у него не было), то начали бранить его и говорили: «Как ты вошел сюда без всяких запасов? Чем будешь кормиться в продолжение плавания?». И еще: «Чем заплатишь нам за перевоз?». Он равнодушно отвечал: «У меня ничего нет. Отвезите меня и бросьте там, где взяли». Корабельщики говорят ему: «Что ты сердишься? При настоящем, благодаря Богу, попутном ветре мы не согласимся сделать это, хотя бы ты дал нам и сто золотых. Мы пойдем к своему месту и совершим предлежащий путь». Таким образом, Серапион пробыл без забот на корабле и корабельщики кормили его до самого Рима. Пришедши в Рим, подвижник Христов осведомился, кто в этом городе лучший подвижник или подвижница.

О Домнине

Между прочим, он встретился с одним доблестным в подвижничестве мужем, учеником Оригена Домнином, который совершил великие подвиги. О нем ходила молва, что он сделал много чудес. Говорили, что, по смерти его, даже постель его исцеляла болезни. Встретившись с ним и получив от него наставления (ибо сей муж отличался и нравом, и познаниями, и словом, и жизнию), Серапион спросил его: «Какой еще есть там подвижник или подвижница?» – и узнал от него об одной деве, пребывающей в безмолвии, которая двадцать пять лет жила, заключившись в своей келии, и ни с кем никогда не виделась.

О римской девице

Итак, сей славный муж, узнав дом, пошел туда и сказал прислуживавшей ей старице: «Скажи девице, что один монах непременно желает с нею видеться». Старица отвечала ему, что эта затворница много лет никого не видит. Но он повторил: «Поди скажи, что я должен с нею видеться, ибо меня послал к ней Бог». Однако ж она и тут не послушалась. Пробыв три дня, Серапион наконец увидел ее и сказал: «Что ты сидишь здесь?». «Я не сижу,– отвечала она,– а иду». «Куда же ты идешь?» – спросил ее Серапион. «К Богу моему»,– отвечала девица. «Жива ты или умерла?» – говорит ей раб Божий. «Верую Богу моему, что умерла для мира,– отвечает она,– ибо, кто живет по плоти, тот не пойдет к Богу». Услышав сие, блаженный Серапион сказал: «Дабы уверить меня в том, что ты умерла для мира, сделай то, что я делаю». Она отвечала ему: «Приказывай, но только возможное, и я сделаю». «Для мертвого, подобного тебе, все возможно, кроме нечестия,– отвечал он и потом сказал ей: – Сойди вниз и пройдись». «Я не выхожу двадцать пять лет,– отвечала она ему,– как же теперь пойду?». «Вот,– сказал Серапион,– не говорила ли ты: “Я умерла для сего мира”? Очевидно поэтому, что и мир для тебя не существует. А если так, то мертвый ничего не чувствует и для тебя должно быть совершенно равно – выйти или не выйти».

Девица, услышав это, пошла. Когда она вышла вон и дошла до одной церкви, блаженный, вошедши в церковь, сказал ей там: «Если хочешь уверить меня в том, что ты умерла и уже не живешь для людей, чтобы угождать им, сделай то, что я могу сделать, и тогда убедишь меня, что ты действительно умерла для сего мира». «Что же должна я сделать?» – спросила девица. «Сними с себя все платье, как вот я,– сказал он,– положи его на плечи и ступай по городу, а я без стыда пойду вперед тебя в таком же виде». «Но если,– отвечала она,– я сделаю это, то многих соблазню таким бесстыдством и кто-нибудь скажет, что это сумасшедшая или беснующаяся». «А тебе что за дело, если это скажут,– отвечал блаженный Серапион.– Ведь ты говоришь, что умерла для людей, а мертвецу нет никакой нужды до того, бранит ли кто его или смеется над ним, потому что он

никакой нужды до того, бранит ли кто его или смеется над ним, потому что он нечувствителен ко всему». Тогда говорит ему эта девица: «Прошу тебя, прикажи мне сделать другой какой угодно подвиг, и я сделаю; теперь я не дошла еще, а только молюсь о том, чтобы дойти до такой степени». После этого раб Божий, бесстрастный Серапион, сказал ей: «Смотри же, сестра, не величайся, будто ты святее всех, и не хвались, что умерла для сего мира. Ты вот узнала, что жива еще и угождаешь людям. Я могу быть более мертвым, нежели ты, и что я умер для мира, могу доказать делом – именно тем, что равнодушно взираю на него, ибо, не стыдясь и не соблазняясь, могу сделать то, что приказывал тебе». Сими словами научив ее смиренномудрию и сокрушив ее гордость, блаженный оставил ее совершенною и удалился от нее.

Такова жизнь Серапиона, мужа бесстрастного и в высшей степени нестяжательного. Много славных и удивительных дел, относящихся к бесстрастию, совершил добродетельный мудрец Христов, но мы из многого описали немногое и показали чистоту его жизни. Сей бессмертный муж умер на шестидесятом году жизни и погребен в самой пустыне.

О Евагрии, знаменитом диаконе

Находя несправедливым умолчать о делах Евагрия, знаменитого диакона Христова, мужа жизни апостольской,– напротив, признав за справедливое предать оные писанию для назидания читателей и прославления благости Спасителя нашего, я предложу сначала, как поступил он в монашество и как, потрудившись достойно своего обета, скончался в пустыне пятидесяти четырех лет, по словам Писания: *Скончався вмале исполни лета долга, угодна бо бе Господеви душа его* (Прем. 4, 13–14).

Родом был он понтиец, из города иберийского, сын пресвитера, и святым Василием, архиепископом Кесарийским, поставлен в чтеца к Церкви Аргосской. По преставлении же святого архиепископа Василия, святой Григорий, епископ Нисский, брат архиепископа Василия, стяжавшего славу апостольскую, мудрейший, бесстрастнейший и весьма знаменитый ученостию, обратив внимание на способности Евагрия, рукоположил его во диакона. Пришедши оттуда на Великий Собор Константинопольский, святой епископ Григорий оставил его у блаженного епископа Нектария, как искуснейшего в опровержении всех ересей. И стал он славиться в великом городе, мужественно побеждая словами всякую ересь. Случилось, что этот муж, которого во всем городе уважали за отличную честность нравов, был уязвлен страстною любовию к женщине, как он сам рассказывал нам после, когда уже освободился от сего искушения. Женщина взаимно полюбила его, а она была из знатного дома. Евагрий, боясь Бога, стыдясь своей совести, представляя себе скверну порока и злорадование еретиков, усердно молил Бога воспрепятствовать намерению женщины, которая, быв распалена страстию, усиливалась вовлечь его в грех. Он хотел удалиться от нее, но не мог, удерживаемый узами ее одолжений.

Немного спустя после молитвы, которою предотвратил он совершение греха, предстал ему в видении Ангел в одежде воина эпархова и, взяв его, повел будто в судилище, бросил в темницу, обложил шею его железными узами и связал руки железными цепями. Между тем приходившие к нему не говорили ему о причине заключения. Сам же он, мучимый совестию, думал, что подвергся сему за то дело, и полагал, что муж женщины донес о нем судие. Он находился в чрезвычайном смущении, когда производился суд над другими и когда пытали других касательно подобного же преступления. После столь великой боязни и безмерного мучения Ангел, так устрашивший его в видении, принял образ искреннего друга его и пришел будто навестить его. Казалось, он чрезвычайно был поражен и опечален тем, что друг его терпит поносные узы и сидит в заключении между сорока преступниками, и сказал ему: «Господин диакон! За что так бесчестно держат тебя с преступниками?». «Поистине не знаю,– отвечал он.– Впрочем, у меня есть подозрение, что на меня донес такой-то эпарх по безумной ревности, и я опасаюсь, не подкуплен ли им градоначальник и не подвергнут ли меня самому тяжкому наказанию». Тогда представший ему в виде друга сказал: «Хочешь ли послушаться друга своего? Я советую тебе не оставаться в этом городе». Евагрий отвечал ему: «Если Бог освободит меня от этой беды и ты потом увидишь меня в Константинополе, знай, что я по справедливости подвергаюсь такому наказанию и достоин еще большего». Друг сказал ему: «Когда так, я принесу Евангелие, а ты поклянись мне на нем, что удалишься из сего города и позаботишься о душе своей, и я избавлю тебя от этой беды». Евагрий сказал: «Прошу тебя, поклянусь тебе...

душе своей, и я избавлю тебя от этой беды». Евагрий сказал: «Прошу тебя, поклянусь тебе, как хочешь, только избавь меня от этой мрачной тучи». После сего тот принес Евангелие и требовал клятвы. Евагрий поклялся на Евангелии не оставаться здесь, кроме одного дня, и то для того только, чтобы перенести на корабль свою одежду. По произнесении клятвы, встревоженный, он вышел из того состояния, в котором был ночью. Вставши, он размышлял: «Пусть клятва сделана в исступлении, но все же я поклялся». Итак, перенесши все, что имел, на корабль, он отплыл в Иерусалим и там принят был блаженною Меланиею Римлянкою.

Потом диавол опять ожесточил его сердце, как сердце фараона, и он, будто пылкий юноша, опять впал в сомнение и колебался душою, ни с кем не говоря ни слова, а там опять переменил одежду и ум его обуяло ораторское тщеславие. Но Бог, удерживающий всех нас от погибели, поверг его здесь в другую беду – послал на него горячку и тяжкою болезнию в продолжение шести месяцев измождил плоть его, которая препятствовала ему быть добродетельным. Когда врачи уже сомневались в нем и не находили способа вылечить его, блаженная Мелания сказала: «Не нравится мне, сын мой, долгая болезнь твоя. Скажи мне, что у тебя на душе, ибо не эта настоящая твоя болезнь». Он признался ей во всем, что случилось с ним в Константинополе. Блаженная сказала ему: «Дай мне пред Богом слово, что ты решишься вести монашескую жизнь, и я хотя грешница, но помолюсь Господу, чтобы дано было тебе время обращения и продолжение жизни». Он согласился. Когда она помолилась, он в несколько дней выздоровел. По выздоровлении, получив от нее самой иноческое одеяние, Евагрий отправился в Нитрийскую гору, что в Египте, где прожил два года, а на третий удалился в пустыню.

Четырнадцать лет он прожил в так называемых Келлиях и ел в день по литре хлеба, а в три месяца употреблял секстарий елея – так постился этот человек, воспитанный в неге и роскоши! Он сочинил сто молитв и записывал, на сколько каждогодно употребил пищи (он прекрасно писал скорописным почерком). В продолжение пятнадцати лет, очистив ум, он удостоился дара ведения, и мудрости, и различения духов. Он составил три книги под заглавиями «Священная», «О монашестве», «Об опровержении» и изложил в них средства против демонов. На него иногда сильно восставал демон блуда, как он сам говорил нам, и тогда целую ночь сидел он нагой в колодце во время зимы, так что тело его цепенело. В другое время досаждал ему дух хулы – и тогда он сорок дней не входил под кровлю, так что тело его, как у диких зверей, покрывалось множеством насекомых. Однажды явились ему днем три демона в одежде клириков для состязания с ним о вере: один называл себя арианином, другой – евномианином, третий – аполлинаристом. Но он скоро победил их духовною мудростию. В другой день, когда пропал ключ от церкви, Евагрий, осенив замок знамением креста и призвав имя Христово, толкнул дверь рукой и отворил ее. Он столько раз был бит демонами и столько претерпел искушений от различных бесов, что трудно их и перечислить. Одному из учеников своих он предсказал все, что случится с ним чрез восемнадцать лет, и предсказал подробно.

Сей блаженный муж говорил: «С тех пор как я пришел в пустыню, не ел я ни салата, ни зелени, никаких свежих растений, ни плодов древесных, ни винограда, не омывал тела, не ел ни мяса, ни хлеба, ни вина и вообще ничего, что приготовляется на огне, кроме некоторых сырых овощей и небольшого количества воды».

Наконец, после того как он прожил таким образом шестнадцать лет, не принимая вареной пищи, и когда тело его ослабело и желудок расстроился, он почувствовал нужду в пище, приготовляемой на огне, и стал вкушать хлеб. Но и последние два года не ел вареных овощей, разве только кашицу или бобы. Так блаженный умерщвлял тело и оживотворял свою душу Святым Духом, причащаясь в церкви в праздник Богоявления. Этот доблестный подвижник Христов говорил нам перед смертию: «Вот уже три года не тревожила меня плотская похоть». Если после такой добродетельной жизни, после таких подвижнических, неутомимых трудов и непрестанного бодрствования в молитве ненавистник добра и погибельный демон так нападал на этого праведника, то сколько могут терпеть от нечистого демона или от собственного нерадения люди беспечные?!

Когда этому святому возвестили о смерти его отца, он сказал возвестившему: «Перестань говорить хулу – мой Отец бессмертен!».

Доселе – высокая жизнь славного Евагрия, исполненная добродетельных подвигов.

Об авве Пиоре

Некто по имени Пиор, родом египтянин, в юных летах отрекшись мира, удалился из дома отеческого и от избытка духовной любви дал обет Богу не видеть более никого из родных. Спустя пятьдесят лет сестра его, уже состарившаяся, узнала от кого-то, что брат ее жив, и решилась во что бы то ни стало увидеть его. Не имея возможности идти в пустыню, она просила местного епископа написать к пустынникам, чтобы они послали Пиора для свидания с нею. После многого принуждения послушаться отцов он решился идти, взяв с собою еще одного, и дал знать дому сестры, что пришел брат ее Пиор и стоит за дверьми. Угадывая по скрипу двери, что сестра идет встретить его, Пиор зажмурил глаза и громко говорил ей: «Сестра, это я – Пиор, брат твой; вот смотри на меня, сколько хочешь». Получив желаемое, она прославила Бога и, хотя много настаивала, однако ж не убедила его войти в дом. Он же, сотворив молитву на пороге, возвратился опять в свою родную пустыню и там усовершался в подвижнической добродетели.

О сем святом муже рассказывают вот какой чудный опыт его терпения. На месте своего жития выкопал он колодезь и нашел воду самую горькую, но, несмотря на это, оставался там до самой смерти и употреблял одну эту горькую воду, в чем и открылось терпение этого мужественного воина Христова. Многие из монахов, мужи опытнейшие, по смерти сего бессмертного наперерыв усиливались остаться в его келии, но не могли прожить и одного года, ибо там и вода чрезвычайно горька, и место очень страшно и лишено всяких удобств жизни.

О Моисее Ливийском

Моисей Ливийский был муж весьма кроткий и любвеобильный. Он удостоился дара исцелений. Сам он рассказывал мне: «В монастырь я поступил очень молодым и стал копать большой колодезь, шириною в двадцать футов. Его три дня рыли мы, восемьдесят человек, и прокопали уже на локоть обыкновенную жилу, как можно было видеть, а воды не нашли. Весьма опечалившись, мы думали уже оставить работу. В то самое время, как мы рассуждали об этом, пришел к нам из глубокой пустыни, в самый (шестой) час зноя, блаженный Пиор, старец, одетый милотию, и, приветствовав нас, сказал нам после приветствия: "Что вы упали духом, маловерные? Я видел, что вы малодушествуете со вчерашнего дня". Сказав это, он спустил лестницу в отверстие колодезя и сотворил с нами молитву, потом взял заступ и, ударив в землю троекратно, сказал: "Боже святых патриархов! Не остави всуе рабов Твоих, но пошли им воду на пользу". И тотчас побежала вода так, что обрызгала всех нас. Вслед за сим, сотворив опять молитву, он пошел прочь. Сколько ни принуждали мы его обедать у нас, он не согласился, сказав: "Зачем я послан был, то сделал, а за этим не был послан". Таковы дивные чудеса Пиора, крепкого столпа терпения, и таков конец добродетели его. За горькую воду он теперь с великою духовною радостию вкушает из вечного потока сладости».

Об авве Хронии

Некто по имени Хроний, родом из деревни, называемой Финик, отмерял от своей деревни, бывшей близ пустыни, пять тысяч шагов, считая правою ногою; потом, помолившись, выкопал там колодезь и нашел очень хорошую воду, которая держалась в глубине семи локтей. Он построил там для себя малую хижину и с того дня, как водворился в этом уединенном убежище, молился Богу, чтобы ему не возвращаться в страну обитаемую. По прошествии немногих лет он удостоен был пресвитерства, и около него собралось братии до двадцати человек. Говорят о добродетели его подвижничества, что он шестьдесят лет предстоял у жертвенника, священнодействуя, и во все это время не выходил из пустыни и вкушал хлеб только от труда рук своих.

Об авве Иакове

Вместе с ним жил некто Иаков, из его соседей, прозванный Хромым, муж многозначительный. Оба они были известны блаженному Антонию.

Об авве Пафнутии

В один день пришел туда и Пафнутий, называемый Кефала, муж чудный. Он имел дар знания Божественного Писания Ветхого и Нового Завета и изъяснял все Писание, не читавши Писания. Впрочем, так был скромен, что скрывал в себе этот дар пророческий. Рассказывают в похвалу его добродетели, что в продолжение восьмидесяти лет он не имел вместе двух срачиц. Встретившись с сими отцами, я и блаженные диаконы Евагрий и Альбин расспрашивали их о причинах падений или уклонения братий от доброй жизни.

О Херемоне

Случилось, что в те дни подвижник Херемон скончался сидя и найден был мертвым на стуле с работою в руках. Случилось, что и другой брат, копая колодезь, засыпан был землею, а еще третий брат, идучи из Скита, умер от жажды.

О падшем Стефане

Вспомнили мы и о Стефане, впадшем в постыдное распутство, и об Евкарпии и Ироне Александрийском, также о Валенте Палестинском и скитском Птоломее египтянине. Когда мы спрашивали, отчего при такой добродетельной жизни в пустыне одни обольщаются помыслами, другие уловляются чревоугодием, иные впадают в распутство, святые отцы и вместе с ними многоопытный Пафнутий дали нам такой ответ. Все, что ни случается, бывает двояко: или по благоволению Божию, или по Божию попущению. Когда делают добрые дела для славы Божией, это бывает по благоволению Божию, а что сопряжено со вредом, с опасностию и с бедствием, то делается по Божию попущению. Попущение бывает в отношении к тем, которых Бог оставляет за их неразумие и неверие, ибо невозможно, чтобы правомыслящий и благочестиво живущий был оставлен и пал постыдным образом или обольщен был демонами. Но подвергаются падению и те, которые совершают добродетель или с нечистою целию, или из человекоугодия и по гордости ума. Таких людей Бог оставляет ради их же обращения, чтобы они чрез оставление, почувствовав перемену в своем состоянии, исправили или свое намерение, или дело, ибо иногда погрешают намерением, иногда – самым делом, когда имеют в виду порочную цель либо (сознательно) делают не так, как должно. Случается, например, что развратный человек с худым намерением подает милостыню молодым женщинам для постыдной цели. Между тем дело доброе – давать пособие, например, сироте, монахине, подвижнице. Случается также, что и с добрым намерением дают милостыню больным, старым или лишившимся богатства, но дают скупо и с ропотом. В этом случае цель добрая, но само дело недостойно цели, ибо милостыню должно давать с веселием и без скупости.

Говорили еще святые, что во многих душах есть особенные предрасположения: в иных – естественная доброта души, в других – склонность к подвижничеству. Но, когда и действование по естественной склонности, и доброта не бывают направлены ни к добру, ни к богоугодной цели, когда обладающие особенным даром учения не воздают благодарности подателю благ Богу, но относят это к собственному произволению, благорасположению и способности,– тогда они оставляются Промыслом и впадают в постыдные дела или в постыдные страсти и позор. И вот, оставленные Промыслом, они, из-за постигшего их бесчестия и унижения, мало-помалу отлагают надмение мнимою своею добродетелию и перестают уже доверять себе, а воздают благодарность дарующему все Богу. Когда гордый, надмевающийся превосходством своего ума, самые дарования душевные и способы к приобретению знания приписывает не Богу, а своим усилиям или природе, тогда Бог отъемлет у него Ангела, которому назначено Промыслом блюсти сей дар. Как скоро Ангел отступает, этим человеком, который надмевается своим умом, овладевает противник, и он впадает в распутство, чтобы это скотоподобное или псоподобное распутство изгнало из человека демонское надмение, то есть превозношение, чтобы по удалении свидетеля

человека демонское надмение, то есть превозношение, чтобы по удалении свидетеля целомудрия слова таких людей не заслуживали вероятия, поколику благочестивые бегают исходящего из таких уст учения, как источника, наполненного пиявицами, и исполняется на них сказанное в Писании: *Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя и восприемлеши завет Мой усты твоими* (Пс. 49, 16).

И в самом деле, души, зараженные страстями, подобны различным источникам: души чревоугодников и винопийц подобны источникам грязным; души сребролюбцев и любостяжателей – источникам, наполненным жабами; души гордых и завистливых, имеющие способность к познаниям, подобны источникам, в которых живут змеи, ибо разум у них всегда застаивается, как гнилая вода в болоте, потому что никому не хочется почерпать оттуда по причине горечи нрава и зловония нечистых дел. Посему Давид и молит Бога даровать ему три дара: благость, учение и знание, ибо без благости знание бесполезно. Но если такой человек исправится, удалив от себя причину, за которую Бог оставляет его, то есть надмение, и восприимет смиренномудрие, познает свою ограниченность и не станет превозноситься над другими, но будет благодарить Бога, то ему дается опять твердое знание, ибо слова духовные, не сопровождаемые честною и целомудренною жизнию, подобны колосьям, поврежденным от ветра, которые хотя имеют вид колосьев, но лишены питательных зерен. Итак, всякое падение – бывает ли оно посредством языка, или зрения, или обоняния, или действования, или посредством всего тела – по мере надменности или самомнения происходит вследствие оставления Богом, Который и этим щадит оставляемых, ибо, если бы, и несмотря на порочную жизнь таких людей, Бог стал свидетельствовать о высоте их ума Своим содействием их учению, они, превознося́сь надмением, при всей своей порочности сделались бы демонами.

И вот что еще говорили нам эти лучшие из отцов, преподобные мужи: «Когда увидите кого-нибудь по жизни развратного, а по словам увлекательного, вспомните о демоне, который беседовал, как сказано в Евангелии, с Господом, и о свидетельстве Писания, которое говорит: *Змий же бе мудрейший всех зверей сущих на земли* (Быт. 3, 1). Эта мудрость послужила ему более во вред, потому что не была сопутствуема добродетелию». Итак, верному и доброму мужу должно иметь в мыслях только то, что внушает Бог, должно говорить, что мыслит, и делать, что говорит, ибо если истине слова не сопутствует добродетельная жизнь и еще благородный добрый нрав, то это, по слову блаженного Иова, хлеб без соли. Его никак не станут есть, а если кто и съест, то подвергнется большому расстройству в здоровье. «Если,– сказали они,– и станет кто есть хлеб без соли, если и есть вкус в словах пустых, то разве для тех, которые не имеют у себя свидетельства добрых дел».

Бог оставляет людей по различным причинам. Иногда сие бывает для того, чтобы обнаружилась сокровенная добродетель, какова, например, добродетель великого подвижника Иова, с которым Бог беседовал и говорил: *Не отвергай суда Моего; мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив?* (Иов 40, 3). «Ты известен Мне от начала, Мне, Который видит сокровенное и проникает во глубину помыслов человеческих. Но поелику сии добродетели твои были неизвестны людям и злонамеренные подозревали, что ты угождаешь Мне из-за богатства, то Я и навел на тебя такое бедствие – отнял у тебя богатство, чтобы показать им твое благодарное любомудрие». Иногда Бог оставляет человека для того, чтобы отвратить его от гордости и удалить от самомнения или кичливости. Это можно видеть на блаженном апостоле Павле. И он подвергался бедствиям, заушениям и различным лишениям, потому и говорил: *…дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет, да не превозношуся* (2 Кор. 12, 7), то есть чтобы состояние безмятежное и благополучное и почесть за толикие чудеса не повергли его в диавольскую гордость, если бы он безопасно покоился. Оставлен был за свои грехи и расслабленный, которому Иисус Христос сказал: *…се здрав еси; ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14). Оставлен был и Иуда, который предпочел сребро Слову Жизни, почему и удавился (см.: Деян. 1, 18). Оставлен был и Исав, потому и впал в невоздержность и предпочел грубую пищу благословению отца (см.: Быт. 25, 30–34). Познав все сие Духом Святым, блаженный апостол Павел сказал об оставляеых таким образом: *Якоже не искусиша имети Бога в разуме, сего ради предаде их Бог в неискусен ум, творити неподобная* (Рим. 1, 28). А о других, которые думали о себе, что имеют познание о Боге при развращенном сердце и тщеславии, сказал: *Занеже разумевше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша, но осуетишася помышлении своими, и омрачися неразумное их сердце; глаголющеся быти мудри, объюродеша,* пораженные демоном самомнения и неразумия, *темже и предаде их Бог* в страсти бесчестия, *во еже скверни́тися телесем их* (Рим. 1, 21–22, 24). Отсюда должны мы знать, что невозможно

впасть в невоздержность тому, кто не оставлен Промыслом Божиим, а оставляются люди Богом и предаются таким бедам за свое собственное нерадение и беспечность.

О Соломоне

Четыре года прожил я в фиваидском городе Антиное и в это время узнал о всех тамошних монастырях. Около города живет до двадцати тысяч мужей, которые питаются трудами рук своих и весьма ревностно подвизаются в добродетели. Между ними есть и отшельники, заключившие себя в горных пещерах. В числе их есть отшельник Соломон, муж весьма кроткий и воздержный, обладающий даром терпения. Он говорил о себе, что уже пятидесятый год живет в пещере, питаясь трудами рук своих, и изучил все Священное Писание.

О Дорофее

В другой пещере живет пресвитер Дорофей, муж добрейший. За неукоризненную жизнь он удостоился пресвитерства и священнодействует для братий, живущих в пещерах. Однажды младшая Мелания, внучка Мелании старшей (о которой скажу после), прислала этому бессребренику пятьсот златниц и просила его раздать их тамошним братиям. Но он, взяв три златницы, остальные переслал отшельнику Диоклу, мужу многознательному, сказав: «Брат Диокл умнее меня и с пользою может распорядиться ими, потому что лучше меня знает, кому действительно нужно оказать помощь, а мне довольно и этих».

О Диокле

Этот Диокл начал свое образование грамматикою, потом посвятил себя философии, и наконец благодать привлекла его к любомудрию небесному. На двадцать восьмом году жизни, оставив мирские науки, он предался небесному учению Христову и вот уже тридцать пятый год живет в пещерах. Он говорил нам: «Ум, переставши созерцать Бога мыслию, становится или демоном, или скотом». Когда мы стали расспрашивать, как это бывает, он сказал: «Ум человека, как скоро удаляется от созерцания Бога, по необходимости впадает во власть или демона похоти, который увлекает его к распутству, или злого духа раздражительности, от которого рождаются безумные порывы». Сладострастное вожделение называл он свойством скотским, а порыв раздражительности – демонским. Я возразил ему: «Как возможно, чтобы ум человека непрестанно был с Богом?». «В каждой мысли и в каждом деле,– отвечал он,– участвует душа, но с Богом бывает она только тогда, когда благочестиво и благоговейно размышляет о Нем».

О Капитоне

Недалеко от этого доблестнейшего подвижника жил некто Капитон, из разбойников сделавшийся опытнейшим монахом. Он пятьдесят лет прожил в пещерах за четыре мили от города Антинои и не выходил из своей пещеры даже к реке Нилу, говоря, что еще не может встречаться с людьми, потому что доныне противодействует ему противник.

О тщеславном отшельнике

Близ этих мужей видели мы и другого отшельника, жившего также в пещерах. В сновидениях будучи обольщаем мечтами тщеславия, он и сам обольщал тех, которые

приходили к нему и обманывались, и стал, по Писанию, *муж неразумив, емляйся за стень и гоняй ветры, и емляй веру сном* (ср.: Сир. 34, 2). Хотя по телу сохранил он целомудрие, конечно и по причине старости и времени, а может быть, и по тщеславию, но мудрость добродетели погубил, развратившись постыдным тщеславием и отпав чрез оное от благочестивой жизни.

О Ефреме

Ты, конечно, слыхал о делах Ефрема, диакона Эдесской Церкви. Он достоин, чтобы помнили о нем благочестивые рабы Христовы. Достойно совершив путь Святаго Духа и нисколько не уклонившись от стези правой, он удостоился дара естественного знания, за которым следует богословие и, наконец, блаженство. Постоянно вел он жизнь весьма уединенную и довольно много лет назидал приходивших к нему, а наконец вышел из келии по следующей причине.

Когда настал сильный голод в городе Эдессе, этот божественный муж, сжалившись над поселянами, погибавшими от голода, пошел к богатым гражданам и сказал им: «Отчего вы не имеете сострадания к погибающим людям и гноите свое богатство к осуждению душ ваших?». Они, придумавши будто благовидную отговорку, сказали святому: «У нас некому поверить раздачу хлеба голодным, потому что все занимаются торговлею». Добродетельный Ефрем говорит им: «Как вы думаете обо мне? За кого меня почитаете?». «Мы считаем тебя человеком Божиим. (Это действительная правда; все не притворно, а истинно питали к нему великое уважение.) «Если вы так думаете обо мне,– сказал им раб Христов,– вверьте мне попечение об алчущих». Тщеславные богачи сказали ему: «О, если бы ты удостоил!». Ефрем, избранник Божий, отвечал им: «Вот, отныне поставляюсь я вами в попечителя о бедных» – и, взяв у них сребро, устроил домы с разными отделениями, поставил в них до трехсот кроватей, заботился о больных и кормил голодных, умиравших погребал, а в которых была еще надежда на жизнь, за теми ухаживал и питал их. Одним словом, всем, которые прибегали к нему от голода, он каждодневно давал пристанище и продовольствие из того, что ему доставляли.

По прошествии года, когда последовало плодородие и все пошли по своим домам, этот достославный муж, не имея уже дела для себя, опять возвратился в свою келию и через месяц умер, наследовав блаженную землю кротких. Сверх других его подвигов Бог напоследок доставил ему и это служение для получения славнейших венцов за кротость нрава. Сей знаменитейший муж оставил после себя и сочинения, из которых очень многие достойны изучения и свидетельствуют о великой его добродетели.

О Юлиане

Слышал я о некоем Юлиане, жившем в стране Эдесской, величайшем подвижнике. Он до крайности измождал плоть свою, носил только кости и кожу и в последние дни жизни удостоился дара целений.

Об Иннокентии

О делах блаженного Иннокентия, пресвитера Елеонского, ты, верно, слышал от многих великих мужей, тем не менее, однако, узнаешь и от нас, смиренных, живших с ним три года, ибо добродетели этого мужа, сокрытые от тех, известны стали нам. Впрочем, о добродетелях его нелегко рассказать одному или двоим и даже десяти человекам. Сей отличнейший подвижник был до чрезвычайности прост, принадлежал к числу славных мужей при дворе царя Константина, отрекся от мира и оставил брачную жизнь, хотя имел уже и сына по имени Павел, служившего в войске царских телохранителей.

Будучи чрезвычайно незлобивого и простого нрава, он удостоился дара изгонять бесов. Так, однажды привели к нему при нас юношу, одержимого духом и расслабленного. Когда я увидел его, то никак не думал, чтобы можно было исцелить его, и хотел уже удалить оттуда мать бесноватого вместе с теми, которыми он был приведен. Случилось, что старец подошел к бесноватому в то время, как мы смотрели на его несносное мучение. Увидев бесноватого и с ним мать его, которая плакала и рыдала о невыразимом несчастии сына своего, добрый старец прослезился и, сжалившись над ними, взял юношу и вошел в свою молитвенницу, им самим построенную, в которой хранились части мощей святого Иоанна Крестителя. Помолившись над юношею от третьего часа до девятого, он изгнал из него демона, исцелил его от расслабления и отдал матери здоровым. Расслабление мальчика было таково, что, когда он плевал, слюна падала на его спину – до того был он искривлен! И этот несчастный молитвою праведника так скоро получил исцеление!

Одна старуха в окрестностях Лазария пасла овец и потеряла одну из них: ее похитили тамошние юноши. В слезах пришла старуха к этому Божию человеку. «Покажи мне,– сказал он ей,– место, где ты потеряла ее». Она пошла к Лазарию. Великий последовал за нею. Пришедши на место, он стал молиться. Между тем укравшие овцу убили ее и мясо спрятали в винограднике. В то время как преподобный совершал молитву, а из виновных никто не сознавался, по действию благодати откуда-то прилетел ворон и, сев над покражею, схватил один кусок мяса и улетел опять. Приметив это, блаженный подошел к тому месту и нашел мясо и воров. Тогда похитившие овцу юноши припали к ногам его, сознались в своей вине и заплатили за овцу, чего она стоила. Таким образом они были вразумлены вперед не делать того же.

Об Адолии

Узнал я в Иерусалиме еще одного мужа, именем Адолий, родом тарсянина. Прибыв в Иерусалим, он пошел путем добродетели непроложенным – не тем, по которому шли мы, люди обыкновенные, но каким-то странным и новым, который сам он проложил себе и на котором подвизался выше сил человеческих, так что и самые злые демоны трепетали строгости его превосходной жизни и не смели приближаться к нему. По чрезмерному воздержанию и бодрствованию он казался как бы призраком, потому что во всю Четыредесятницу ел через пять дней, и то умеренно, а в прочее время – в третий день. Особенно велико и удивительно в его добродетели следующее: с вечера даже до утреннего часа, когда братия опять собирались в молитвенных храмах, этот постник и подвижник стоял на Елеоне, на холме Вознесения, откуда вознесся Иисус,– стоял, пел псалмы и молился. И это делал он во всякое время; снег ли шел, или дождь, или град, он оставался неподвижным. Выполнивши обычное молитвенное правило, он будильным молотком стучал по всем келиям и созывал братию в молитвенные дома на утреннее славословие, в каждой келии пел вместе с ними по одному или по два антифона и, помолившись таким образом, отходил в свою келию пред рассветом. Я сам верно знаю, что часто, когда братия раздевали его во время зноя и выжимали одежды его, пот с них тек, как будто они были мыты в воде; потом надевали на него другую одежду, пока та просохнет. Отдохнув до третьего часа, остальные часы до самого вечера он проводил опять в псалмопении и молитвах. Такова добродетель высокого терпения Адолия, твердого камня, который родом был тарсянин. Усовершившись до конца подвигами терпения, он почил вечным сном и погребен в Иерусалиме.

Об Авраамии

Некто Авраамий, родом египтянин, рачительный монах, вел в пустыне жизнь весьма суровую и строгую, но ум его поражен был крайним самомнением. Пришедши в церковь, он вступил в спор с пресвитерами и говорил: «Я сам рукоположен в нынешнюю ночь в пресвитера Самим Иисусом Христом, и вы должны принять меня как пресвитера, готового священнодействовать». Святые отцы вывели его из пустыни и, заставив вести иную, более простую жизнь, исцелили его от гордости. Приведши Авраамия в сознание собственной немощи, они доказали, что сей пустынник обольщен был демоном гордости, и святыми

немощи, они доказали, что сей пустынник обольщен был демоном гордости, и святыми своими молитвами восстановили его в прежнюю добродетельную жизнь.

Об Элпидии

Знал я и другого достопамятного мужа в пещерах Иерихонских, еще древле высеченных аморреями, которые бежали и укрылись в них (именно в горе Лука) от Иисуса Навина, осадившего город. Этот муж, именем Элпидий, родом каппадокиец, впоследствии удостоился пресвитерства в тамошней обители и был рукоположен от Каппадокийского хорепископа Тимофея, мужа достойнейшего. Пришедши, он поселился в одной из пещер и показал такие подвиги воздержания, что превзошел всех. В продолжение двадцати пяти лет он принимал пищу только по субботам и воскресеньям, а ночи все стоял и пел. Как матка пчелиная, он жил среди братии и эту гору населил, как город. У каждого там можно было видеть различные роды подвижничества. Этого Элпидия – надежного, который действительно услаждался надеждою и ради Христа терпел скорби, во время ночного псалмопения, когда вместе с ним пели и мы, ужалил скорпион. Толкнув его ногою, он даже и не переменил своего положения и сим терпением подавил боль, причиненную скорпионом. Еще: однажды некий брат держал в руках ветвь винограда. Блаженный, сидя тогда на краю горы, взял ее и воткнул в землю, как бы сажая, хотя это было и не вовремя. Ветвь принялась, и вырос такой виноград, что закрывал всю церковь.

Об Энезии

Вместе с сим святым подвижником Христовым подвизался и знаменитый раб Божий Энезий, муж достохвальный, изумлявший своими подвигами.

О Евстафии

И равночестный ему брат его Евстафий усердно проходил скорбную жизнь во Христе. А блаженный Элпидий, измождая тело, достиг такого бесстрастия, что весь состав костей его был виден. Ревностные ученики его, между рассказами о его добродетелях, передают и то, что он во все двадцать пять лет никогда не обращался на запад и, хотя дверь его пещеры была на высоте горы, после шестого часа никогда не видал солнца, которое тогда было над его головою и склонялось к западу; никогда также во все двадцать пять лет не видал он и звезд, которые восходили на западе. Сей великий подвижник терпения с того времени, как вошел в пещеру, не сходил с горы до самой смерти. Вот необыкновенные деяния венчанного и непобедимого борца Элпидия, теперь обитающего в раю с подобными ему.

О Сисинии

У сего бессмертного Элпидия был ученик по имени Сисиний, происходивший из рабского состояния, но свободный по вере, родом каппадокиянин. (Надобно означать род святых во славу облагораживающего нас Христа и приводящего нас к блаженному и истинному благородству – к Царствию Небесному.) Пламенно любя добродетели подвижнические, Сисиний пробыл у блаженного Элпидия годов шесть или семь и, изучив добродетели сего мужа и твердость в трудах подвижнических, напоследок заключился в гробнице. Три года стоял он в гробнице, проводя время в молитвах; ни днем ни ночью не садился, не прилегал, не выходил вон. Он удостоился дара изгонять демонов, а теперь, возвратившись в отечество, удостоен пресвитерства, после того как составил братство из мужей и жен, причем дал свидетельство бесстрастия устроением целомудренной жизни, ибо и собственную мужескую похоть изгнал, и женское вожделение укротил

воздержанием, так что исполнилось Писание: *…во Христе Иисусе несть мужеский пол, ни женский* (ср.: Гал. 3, 28). В обличение скупых богачей он был чрезвычайно страннопримен, хотя и не имел собственности.

О Гаддане

Знал я одного палестинского старца, именем Гаддан. Он жил в окрестностях Иордана и всю жизнь свою провел без кровли. Иудеи, жившие около Мертвого моря, позавидовав сему блаженному пустыннику, однажды напали на него с обнаженным мечом. Но тут случилось чудо: когда иудеи подняли меч и хотели убить Гаддана, рука державшего меч иссохла, и меч нечувствительно выпал у него. Такая-то помощь Божия содействовала святому Гаддану, и такова была добродетель блаженного мужа до самой его смерти.

Об Илии

Еще был весьма знаменитый монах, именем Илия, который жил в тех же местах в пещере, вел жизнь весьма добродетельную и благочестивую, постоянно упражнялся в воздержании и молитве и радушно принимал у себя всех приходящих. Когда в один день пришло к нему много братий (им надлежало проходить мимо него), у него недостало хлебов, и он с клятвою уверял нас: «Едва не потерял я духа от недостатка пищи, и вот, вошедши в келию в сильной печали о том, как исполнить долг любви к пришедшим ко мне, я нашел три больших свежих хлеба, которые взяв, я с радостию предложил им. Двадцать мужей ели досыта, и еще остался один хлеб; этот хлеб взял я и употреблял в течение двадцати пяти дней». Такая благодать была со страннолюбивым Илиею, которому уготованы награды за труды у человеколюбивого Владыки!

О Савватии

Мирянин по имени Савватий, родом из Иерихона, имевший жену, по страху Божию столько любил монахов, что по ночам обходил келии и всю пустыню и у каждой обители тайно полагал по одной мере фиников и достаточное количество овощей, потому что подвижники иорданские хлеба не ели. Однажды, когда сей любитель монахов, приготовлявший трапезы для воздержников, нес святым потребное для их подвижнической жизни, с ним встретился лев. Лукавый враг монахов из зависти возбудил неукротимого зверя против их служителя, чтобы первых лишить продовольствия, а последнего не допустить до его цели. Зверь, выскочив на него из-за памятника, поставленного над одним из монахов, ударил его лапою и поверг на землю. Но Научивший при Данииле поститься львов и сему льву, хотя он и сильно алкал, воспретил пожрать любителя заповедей. Итак, лев схватил осла старцева и удалился. Тот, Кто даровал Савватию жизнь, вместе утолил и голод зверя.

О Филороме

В Галатии мы встретились и долгое время жили с боголюбезнейшим пресвитером Филоромом, величайшим и терпеливейшим подвижником. Он родился от матери-рабы и отца свободного. В своей жизни христианской он показал такое совершенство добродетели, что и самые непобедимые в своем роде подвижники уважали его равноангельскую жизнь и добродетельное подвижничество. Сей доблестный подвижник Христов Филором отрекся от мира во дни нечестивого царя Юлиана и дерзновенно говорил с этим нечестивцем. Юлиан приказал своим прислужникам обрить его и жестоко бить. Он великодушно вытерпел это мучение и даже поблагодарил царя, как сам рассказал нам. Вначале сей доблестный муж, по его словам, испытал нападение от блуда и чревоугодия, но он изгнал эти мучительные страсти. Как бы сильный пожар многою водою, погасил он страсти строгим воздержанием, ношением вериг, затворничеством, воздержанием от пищи

страсти строгим воздержанием, ношением вериг, затворничеством, воздержанием от пищи и пшеничного хлеба и вообще от всего вареного. Так подвизался он восемнадцать лет. Победив беспорядочные страсти, он воспел победную песнь Христу: *Вознесу Тя, Господи, яко подъял мя еси и не возвеселил еси врагов моих о мне* (Пс. 20, 2). Подвергаясь различным нападениям злых духов, он пробыл в одном монастыре сорок лет.

Филором сказывал, что в тридцать два года он не съел ни одного плода. «А когда,– говорит он,– одолела меня однажды чрезмерная робость, так что даже и днем мне стало страшно, я, чтобы избавиться от этого страха, заключился на шесть лет в гробницу». Таким образом он освободился от страха и терпеливо выдержал брань с духом, причинявшим ему такую робость. Об этом славном муже имел особенное попечение блаженный архиепископ Василий, который с утешением смотрел на строгость его жизни, постоянство и трудолюбие. Филором даже и теперь, когда ему уже восемьдесят лет, не оставляет трости и писчей бумаги. Этот блаженный сказывал, что с тех пор, как он был просвещен и возрожден водою и Духом, до сего дня ни у кого не ел даром чужого хлеба, но питался от своих трудов, и пред Богом говорил нам, что двести пятьдесят златниц, выработанных трудами, раздал он увечным и никогда никого не обижал. Он ходил и в Рим, чтобы помолиться в священном храме блаженных и святых апостолов Христовых Петра и Павла; ходил и в Александрию помолиться в храме честнАаго подвижника Марка. «Я удостоился,– говорил он,– по обету, дважды сходить пешком на поклонение святым местам в Иерусалим, и сам приобретал себе на расходы». Говорил нам еще для нашей пользы: «Не помню, чтобы когда умом моим отступал я от Бога моего». Таковы подвиги блаженного Филорома и такова его непобедимая победа! В награду за блаженные труды наконец воздан ему неувядаемый венец славы.

О Севериане

В Анкире Галатийской, в самом городе, я встретился с одним знатным сановником, Северианом, и женою его Воспориею и коротко познакомился с ними. Они были столько исполнены добрых надежд, что, точно видя будущее, и о детях не заботились. Доходы с поместий они тратили на бедных, несмотря на то что у них было четыре сына и две дочери, которым они не дали никакого имущества, исключая тех, кои вступили в замужество. Остальным своим детям они говорили: «После смерти нашей все будет ваше, а пока мы живы, будем собирать плоды своих стяжаний и делиться ими с церквами, монастырями, странноприимницами и со всеми нуждающимися; их молитвы и вам, дети, и нам доставят, вместо сей временной и многотрудной, вечную жизнь. И вот еще какая была в них добродетель. Когда настал сильный голод и все люди страдали от него своими утробами, тогда они всех тамошних еретиков обратили к православию тем, что во многих поместьях своих отворили житницы и отдали запасы свои на пропитание бедным. Такое необыкновенное их человеколюбие привело еретиков в согласие с правою верою, и они прославили Бога за простоту веры и чрезмерную благотворительность сих супругов.

Другой удивительный их подвиг состоял в том, что их образ жизни был скромный: одежды их были чрезвычайно простые и самые дешевые; в издержках они были весьма бережливы; употребляли пищу простую и столько, сколько нужно было для поддержания жизни; строго соблюдали пред Богом целомудрие; большую часть времени проводили в полях; особенно любили оставаться в безмолвии; всегда удалялись городов (и рождающихся там пороков), чтобы чрез участие в веселии народном не увлечься городским шумом и не уклониться от воли Божией. За все такие дела добродетельной жизни сии блаженные умными очами уже видят вечные блага, уготованные им славою Божиею.

Об Элеимоне монахе

В этом же городе мы встретили еще монаха, который отказался принять рукоположение в пресвитера. В монашество поступил он, пробыв прежде несколько времени в воинской службе. Двадцатый год ведет он подвижническую жизнь, оставаясь

при епископе города, муже отличной святости. Он столько человеколюбив и милостив, что ходит по городам с тем, чтобы помогать нуждающимся; не оставляет без попечения ни стражи, ни больниц, ни странноприимниц, ни богатого, ни бедного, но всем подает помощь; жестокосердным и немилостивым богачам преподает наставления о благосердии милости; заботится о каждом из бедных, чтобы у него было необходимое; враждующих примиряет, нагим доставляет одежду, больным – средства к врачеванию.

Что обыкновенно бывает во всех больших городах, то есть и здесь. В преддверии храма лежат множество увечных, просящих себе насущной пищи, частию женатых, частию неженатых. Случилось однажды ночью жене одного из них родить в преддверии, и притом во время зимы. Когда она кричала и мучилась от этой невыносимой болезни, блаженный, молившийся тогда в церкви, услышав ее вопль, прекратил обычные свои молитвы, вышел посмотреть и, не нашедши никого, кто бы помог ей в этой нужде, сам занял место повивальной бабки и не погнушался нечистотою, какая обыкновенно бывает у рождающих жен, потому что глубокое его милосердие сделало его нечувствительным. Одежда этого христолюбца, которую он носит, не стоит даже овола. Пища его не уступает одежде. Заниматься книгами ему нет времени, потому что дела человеколюбия отвлекают его от чтения. Если кто из братий подарит ему книгу, он тотчас продает и вырученные деньги раздает бедным. Когда же у него спрашивают: «Для чего бы продавать это?» – он отвечает: «Как могу уверить моего Учителя, что я тщательно изучил Его правила, если не буду по примеру Его Самого исполнять их?».

Этот бессмертный, проводивший жизнь в таких делах, даже до сих пор во всей окрестной стране по себе сохраняет всегда живую память, а сам наслаждается вечною радостию в Царствии Небесном, за свои праведные труды восприемля достойную награду: питав здесь алчущих и одевав нагих, вкушает теперь всякие утехи у Того, Кто награждает за добрые дела.

О Виссарионе

Был один старец, не имевший собственности и милостивый, по имени Виссарион. Пришедши в одно селение, он увидел на рынке мертвого нищего без всякой одежды, а на нем самом была только одна срачица, по заповеди евангельской, да еще на плечах небольшая епанча. Кроме сего необходимого одеяния, он ничего не имел. Под мышкою у себя всегда носил он Евангелие для испытания ли себя в постоянном послушании слову Божию или для того, чтобы иметь при себе учение, которое он исполнял самым делом. Этот муж вел такую чудную и неукоризненную жизнь, что, будто земной ангел, свято шел путем небесным. Итак, когда увидел он мертвое тело, тотчас же снял с себя епанчу и покрыл ею мертвеца. Отошедши немного, он встретился с нищим, совершенно нагим, остановился и стал размышлять: «Зачем я, отрекшись от мира, одеваюсь в одежду, тогда как брат мой мерзнет от стужи? Если я попущу ему умереть, то, конечно, буду причиною смерти ближнего. Что ж? Разорвать ли мне свою одежду и разделить на части или всю ее отдать тому, который сотворен по образу Божию? Но что же будет за польза и мне и ему, если я разорву ее по частям?». Рассудив таким образом, он сказал: «Неужели я потерплю какой вред, когда сделаю более, нежели что повелено?». И вот сей добрый подвижник, усердно и скоро позвав бедного в сени одного дома, надел на него свою срачицу и отпустил его, а сам, оставшись нагим, закрылся руками и присел на колена; только под мышкою у него оставалось слово Божие, которое делает людей богатыми.

В это время, по воле Промысла, проходил тут один блюститель порядка; он узнал старца и сказал своему товарищу: «Посмотри, не авва ли Виссарион этот старец?». Тот отвечал: «В самом деле он». Тогда первый сошел с коня и спросил святого: «Кто раздел тебя?». Авва протянул руку с Евангелием и сказал: «Вот оно меня раздело!». Блюститель порядка немедленно снял с себя одежду и сказал: «Вот тебе, совершенный воин!». Святой взял ее и тотчас удалился тайно из мира, неся с собою как бы малую монашескую одежду. Он постарался избежать похвалы от человека, который узнал его добродетель, и втайне ожидал славы сокровенной. Исполнив в точности евангельское правило и не имея в душе уже ничего мирского, он показал еще опыт совершеннейшего соблюдения Божественной заповеди.

На дороге увидел он бедного и тотчас побежал на рынок, где был недавно, и продал Евангелие. Через несколько дней ученик сего аввы по имени Дула спросил старца: «Где же,

авва, твоя малая книжка?». Старец спокойно и умно отвечал ему: «Не печалься, брат! Чтобы показать, что имею веру и покорность слову Божию, я продал само это слово, которое всегда говорило мне: *Продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19, 21)». Много и других подвигов добродетели совершил сей великий авва. Да удостоимся и мы иметь с ним часть, по благодати Христовой. Аминь.

О Мелании

Почел я за нужное упомянуть в этой книге и о женах доблестных и благочестивых, которым Бог наравне с мужами, пожившими для Него добродетельно, дал в награду венец, чтобы женщины беспечные не изнеживались и не ссылались на то, что они слишком слабы для подвигов добродетели и жизни благочестивой. Видел я много между ними благочестивых и встречал много дев и вдовиц таких, которые мужественно подвизались в добродетели.

Блаженнейшая Мелания была родом испанка или римлянка, дочь проконсула Марцеллина, жена одного знатного сановника, которого имени хорошо не помню. На двадцать втором году она овдовела и по смерти мужа, воспламенившись Божественною любовию, обручила себя Вечному Жениху, возлюбила Его до конца и никому ничего о сем не говорила, ибо само время представляло ей препятствие. Упросив царствовавшего тогда Валента, чтобы он наименовался опекуном сына ее, сама взяла все свое имение и, нагрузивши корабль, поспешно отправилась с несколькими слугами и служанками в Александрию. Прибыв туда, она продала там имение и, разменяв на деньги, отправилась в гору Нитрийскую, где и нашла святых отцов: блаженного Памво, раба Христова Арсисия, Великого Серапиона, святого Пафнутия, славного Исидора-исповедника, епископа Ермипольского и праведного Диоскора. Пробыв у них около полугода, обошла она пустыню и увиделась со всеми мужами. После сего, когда префект александрийский изгнал в Кесарию Палестинскую святых отцов Исидора, Писимия, Аделфия, Пафнутия, Памво, Аммония и некоторых других – всех двенадцать епископов и пресвитеров и, сверх того, клириков и отшельников, так что вместе с двенадцатью епископами и пресвитерами их было числом сто двадцать шесть человек,– тогда с ними вместе пошла и сия блаженная и помогала им своим имуществом. Но поелику запрещено было оказывать им услуги, как мне говорили святые Писимий, Исидор, Пафнутий и Аммоний, с которыми я виделся, то эта доблестная жена надела платье слуги и вечером приносила им все потребное.

Проконсул палестинский узнал об этом и, желая получить от нее корысть, вздумал напугать ее: схватил и заключил в темницу, ибо не знал, что она благородного происхождения. Находясь в заключении боголюбивая сказала проконсулу: «Я дочь такого-то, была замужем за таким-то знатным сановником, а теперь раба Христова; не считай же меня низкою, судя по моей бедной одежде. Если захочу, я могу показать свое достоинство и отомстить за себя, а ты не можешь ни устрашить меня, ни взять что-нибудь из моего имущества. Итак, чтобы ты, по неведению, сам не подпал обвинению, вот я объяснилась с тобою, ибо с бесчувственными должно, говорят, обращаться гордо, как с собакою или коршуном, и смело наступать на них в случае их дерзости». Судья, услышав это, опомнился, извинился, просил у нее прощения и позволил ей иметь беспрепятственное сообщение со святыми мужами.

После того как святые те мужи были вызваны опять в Александрию, Мелания построила в Иерусалиме монастырь, в котором жила двадцать семь лет и собрала пятьдесят девственниц.

О Руфине

С нею жил и благороднейший, подобный ей по образу жизни, доблестнейший Руфин, урожденец италийский, из города Аквилеи, впоследствии удостоенный пресвитерства. Ученее и скромнее его не было между братиями. Оба они с (Меланиею) в продолжение двадцати семи лет принимали приходивших в Иерусалим для поклонения – епископов и монахов, девственниц и замужних, знатных и простых – и всех нуждавшихся в их помощи общими силами успокаивали и на свой счет содержали. Они от раскола Павла

Самосатского около четырехсот монашествующих присоединили к Православию и всякого, впавшего в ересь духоборцев, убеждали и приводили к Церкви, а местному клиру усердствовали дарами и способами содержания. В таких-то делах провели они благочестивую жизнь, не повредив никому, но доставив пользу почти всему миру.

О Мелании

О чудной святой Мелании я уже прежде кратко упомянул, а теперь и остальное или, правильнее, то, что удержалось у меня в памяти о ее добродетелях, вплету в узорчатую ткань слова и расскажу о несказанных благодеяниях боголюбивейшей этой жены. Из них она собственными трудами соткала для себя блаженную одежду нетления, из своего имущества прекрасно выработала, для честной главы своей, неувядаемый венец славы и, украсившись им, с великим дерзновением прешла ко Господу. Впрочем, если б я начал пересказывать все, что только знаю о подвигах сей блаженной, у меня недостало бы и времени. Какое богатство употребила она на бедных, движимая небесною ревностию! Думаю, если бы пламя огня попало в такое огромное количество имения, и оно не могло бы истребить его. Впрочем, рассказывать об этом – не мое только дело, но и живущих в Персии, Британии и на всех островах, потому что благодеяний и даров этой бессмертной жены не были лишены ни запад, ни восток, ни север, ни юг. Тридцать семь лет живши в чужой стране, она снабжала из собственного имущества и церкви, и монастыри, и странноприимные дома, и темницы. Вообще никто из приходивших не отходил от нее без пособия, потому что ее родственники, сам сын и поверенные каждодневно доставляли ей деньги, как бы подливая елей в чистый светильник, который, горя ясным пламенем милосердия, освещал всех доброхотным даянием. Когда же она столь щедро и постоянно раздавала милостыню, у нее самой наконец не осталось ни одной пяди земли.

Расположением к сыну она не была отвлечена от стремления к пустыне; любовь к единственному сыну своему не удалила ее от любви ко Христу – напротив, по ее святым молитвам и этот юноша достиг высокого успеха в науках и чистоты нрава; вступил в брак, по мирским понятиям блистательный, получил светские отличия и имел двух детей. Спустя долгое время, когда эта достохвальная жена услышала о своей внучке, что она вышла замуж и намеревается отречься от мира, убоявшись, чтобы как-нибудь не вовлекли ее в неправое учение, или ересь, или в порочную жизнь, села на корабль и, отплыв из Кесарии, чрез двадцать дней прибыла в Рим. Тогда ей было уже шестьдесят лет. Во время своего здесь пребывания она наставила в вере и сделала христианином блаженного, достопочтенного и знаменитого мужа Апрониана, который был язычником; убедила его жить с женою, ее племянницею, блаженною Авитою, целомудренно; в том же утвердила и свою внучку, младшую Меланию, с мужем ее Пинианом. Наставив свою невестку, жену своего сына Альбину, и убедив всех их продать имение, она вывела их из Рима и ввела в благое и спокойное пристанище жизни.

Вот как она победила всех знатных сановников римских и их жен, препятствовавших ей отречься и от остального своего имущества. Раба Христова говорила им: «Дети! За четыреста лет написано, что уже *последняя година есть* (ср.: 1 Ин. 2, 18). Для чего же вы предаетесь суетной жизни? Смотрите, чтобы не застигли вас дни антихриста – тогда уже нельзя будет вам наслаждаться своим богатством и стяжаниями ваших предков!». Такими словами отвлекши всех их от мира, она привела их к жизни монашеской. Публиколу, младшего сына своего, наставив в вере, увела она в Сицилию, потом продала все остальное свое имущество и, взяв деньги, отправилась опять в Иерусалим, раздала имущество в течение сорока дней и весьма тихо почила в доброй старости, оставив по себе славную память, украсившись милосердием и обогатившись плодами добрых дел. В Иерусалиме она оставила после себя монастырь и средства на содержание его.

Когда же все блаженною Меланиею наставленные в вере удалились из Рима, буря варварского нашествия, задолго предсказанная в пророчествах, устремилась на Рим и не оставила даже медных статуй на форуме, но все разрушила с варварскою жестокостию и предала погибели, так что процветавший тысячу двести лет Рим, по слову Сивиллы, сделался деревнею. Тогда наставленные (Меланиею) радовались, что не подпали ужасам опустошения, и за благоприятную перемену своих обстоятельств и славное свое спасение прославляли Бога, Который самыми делами показал неверным, что, при всеобщем порабощении, спаслись только семейства, по старанию славной и бессмертной Мелании

принесшие себя всецело в жертву Господу, между тем как противившиеся спасению раскаивались, но уже поздно и бесполезно.

О Мелании младшей

Так как выше обещали мы рассказать о младшей Мелании, то надобно нам теперь исполнить обещание. Да и несправедливо было бы с нашей стороны, по неуважению к ее молодости телесной, умолчать о такой добродетели, которая, может быть, ставит ее гораздо выше многих разумных и ревностных стариц. Ее, летами еще юную, но уже старицу ведением благочестия, родители насильно заставили вступить в брак и выдали за вельможу римского, тогда как она, напитанная словами своей бабки, так была ими проникнута, что не могла иметь привязанности к брачной жизни. Когда же родившиеся у нее два сына оба умерли, она почувствовала такое отвращение к браку, что сказала мужу своему Пиниану, сыну градоначальника Севера: «Если ты согласен жить со мною целомудренно, я буду почитать тебя своим господином и признавать властелином моей жизни; если же тебе, по молодости, покажется это тяжким, возьми все мое имение, только оставь мое тело в покое, чтобы я могла исполнить свое богоугодное желание и сделаться наследницею богоугодных добродетелей моей бабки, которой имя я ношу. Если бы Богу угодно было, чтобы мы жили в этом мире и наслаждались его благами, Он так рано не взял бы рожденных мною детей». Долго они разногласили между собою. Наконец Бог, умилосердившись над юным мужем, вложил и ему желание богоугодной жизни, и он отказался от всех мирских благ, так что исполнилось слово апостола: *Что веси, жено, аще мужа спасеши? Или что веси, мужу, аще жену спасеши?* (1 Кор. 7, 16).

Таким образом, вышедши замуж тринадцати лет и семь проживши с мужем, Мелания отреклась от мира на двадцатом году и сперва все шелковые свои покрывала раздала по церквам (как сделала и достопочтенная Олимпиада), другие же шелковые одежды разрезала по частям и сделала из них различные церковные утвари; серебро и золото поручила одному пресвитеру – Павлу, монаху далматскому, отправить морем на Восток; десять тысяч златниц – в Египет и Фиваиду; десять тысяч – в Антиохию и ее округи; пятнадцать тысяч – в Палестину; десять тысяч – в церкви, находящиеся на островах, и в пользу изгнанных, а церквам западным, монастырям, станноприимницам и всем нуждающимся своими руками раздала и раздает вчетверо более. Так она, по милости Божией, силою своей веры исхитила свое стяжание из уст льва – Аларика. Рабов, которые пожелали, отпустила на волю. Впрочем, большая часть из них пожелали служить ее брату, которому она и уступила их. Все имение, какое у нее было в Италии, Аквитании, Террацине и Галлии, она распродала, а деньги раздала, не оставив у себя и трех златниц. Но то, которое было в Сицилии, в Кампании и Африке, оставила при себе на вспомоществование монастырям и всем нуждающимся.

Такова мудрость боголюбезнейшей Мелании младшей, показавшей богопросвещенный, старческий ум при распоряжении великим богатством. Подвижничество ее таково: вкушает она пищу через день, а прежде и через пять дней; сама прислуживает своим рабыням, которых сделала своими сподвижницами; во многих из своих родственников возбудила ревность по Боге, так что и они стали вести, подобно ей, богоугодную жизнь. Такова жизнь младшей Мелании о Господе нашем Иисусе Христе.

Об Альбине

С нею находится и мать ее Альбина, так же как и она, подвизавшаяся и добровольно раздавшая свое имение. Они живут в своих владениях то в Сицилии, то в Кампании с девами и рабынями.

О Пиниане

Также и Пиниан, некогда муж ее (младшей Мелании), а теперь, по воле Христа,

Также и Пиниан, некогда муж ее (младшей Мелании), а теперь, по воле Христа, единодушный сподвижник в добродетели, подвизается с тридцатью монахами, читает Божественное Писание и занимается возделыванием сада и собеседованием.

Они немало почтили нас, когда мы в большом числе пришли в Рим ради блаженного епископа Иоанна, успокоили нас в гостинице и снабдили обильно дорожным запасом.

Так они с великою радостию приобретают вечную жизнь богодарованными делами совершенной жизни.

О Паммахии

Сродник их Паммахий, бывший проконсулом, точно так же отказавшись от мира, вел благочестивую жизнь. Он отошел ко Господу, частию раздав имение свое при жизни, частию при смерти отказав на бедных.

О Макарии и Константине

Подобным образом и некто по имени Макарий из Викарии и Константин, бывший товарищем италийских префектов, мужи знаменитые и весьма ученые, достигли высокого благочестия. Они, думаю, живы еще и доселе и, подвизаясь в высоком благочестии, ожидают жизни блаженной и нетленной.

О Евстохии

Дочь блаженной Павлы Евстохия и ныне подвизается в Вифлееме. Я не видел ее, но она, говорят, жена целомудреннейшая и имеет общежитие из пятидесяти дев.

О Венерии

Знал я и Венерию, дочь сановника Каллодина, которая прекрасно разбросала ношу верблюжью и избавилась от язв, причиняемых богатством.

О Феодоре

Знал я также и блаженную Феодору, дочь трибуна, которая дошла до такой нищеты, что сама принимала милостыню и так скончалась.

Об Усии

В приморском монастыре Исихия знал я и Усию, женщину во всех отношениях почтеннейшую.

Об Адолии

Знал я и сестру ее Адолию, которая также была добродетельна, и хотя не столько, как та, но соответственно силам своим показала ревность по Боге.

О Вазианилле

О Вазианилле

Знал я и Вазианиллу, дочь военачальника Кандиана. Она усердно и благоговейно упражнялась в добродетели и доныне еще мужественно подвизается.

О Фотине

Знал я также и Фотину, деву целомудреннейшую, дочь лаодикийского пресвитера Феоктиста.

Об Азелле

А в Риме видел я добрую Азеллу, девственницу Христову, непорочно состарившуюся в монастыре, женщину весьма кроткую, у которой были христианские собрания. И в них видел я новообращенных мужчин и женщин.

Об Авите

Видел я и блаженную, достойную Бога Авиту, с мужем ее Априкианом и их дочерью Евномиею, во всем угождавших Богу. Они легко и скоро обратились от жизни рассеянной и роскошной к жизни добродетельной и воздержанной, за что удостоились христианской кончины и совершенно освободились от всякого греха. Знаемые при жизни, они и по смерти оставили о себе добрую память.

О Магне

В городе Анкире много и других дев – около двух тысяч или более. Все они подвизаются в святой, добродетельной жизни, хранят воздержание и живут весьма смиренно, как прилично кротким. Есть также знаменитые и отличные жены, с великою ревностию совершающие богоугодный подвиг.

Между ними отличается благочестием Магна, жена почтеннейшая и опытнейшая в жизни. Не знаю, называть ли ее девою или вдовою, потому что она, вышедши замуж по принуждению матери, отклоняла от себя мужа под различными предлогами, делала вид, будто имеет телесные болезни, и, таким образом, пребыла неприкосновенною и непорочною, как говорят ее родственники. Когда же в скором времени муж ее скончался и она осталась единственною после него наследницею, тогда, променяв блага временные на вечные, она всю себя посвятила Богу, более всего заботилась о вечной жизни, управляла своими рабами кротко и вела жизнь самую строгую и целомудренную. В обращении она была так совершенна, что один вид ее, исполненный благочестия, возбуждал к ней уважение в знаменитых епископах. Огнем нестяжательности сожгла она великое и излишнее богатство, а что затем оставалось на ее нужды, и то назначила на монастыри, на бедных, на странноприимные дома и церкви, на нищих, странников, епископов, сирот и вдов – и вообще с любовию подавала пособие всем нуждающимся, творя дела благочестия втайне как лично, так и чрез своих верных рабов. Она не отходила от церкви, особенно по ночам, и совершала всякую подвижническую добродетель в надежде жизни вечной.

О девственнице, укрывшей блаженного Афанасия

Знаю я одну девственницу в Александрии, которой было около семидесяти лет, когда

я с нею встретился. О ней весь клир свидетельствовал, что в молодости, когда ей было лет около двадцати и когда она была очень красива собою, от ее красоты убегали мужи добродетельные, чтобы не подвергнуться какому-нибудь нареканию по подозрению. Но случилось, что ариане, строя ковы против блаженного Афанасия, епископа Александрийского, посредством Евсевия, бывшего тогда начальником при императоре Констанции, оклеветали его в тяжких преступлениях. Убегая от неправого суда, блаженный Афанасий не решился ввериться ни сроднику, ни другу, ни клирику, ни другому кому из знакомых. Когда посланные градоначальником нечаянно пришли в дом епископа и стали искать его, он, взявши свой стихарь и фелонь, в полночь прибежал к упомянутой девственнице. Та изумлена была странностию сего поступка и пришла в некоторый страх. Но епископ стал говорить ей: «Меня ищут ариане, оклеветавшие меня в тяжких преступлениях. Но, чтобы и самому мне не подвергнуться безумному приговору, и не ввести в грех желающих моего осуждения, решился я убежать; и вот Бог открыл мне в эту ночь, что я ни у кого другого не могу спастись, как только у тебя». От великой радости девственница, бросив всякое сомнение, совершенно предалась Господу и с усердием укрывала святого епископа около шести лет, пока жив был император Констанций: сама умывала его ноги, исправляла все его нужды, добывала и доставляла ему книги. Во всей Александрии никто не знал, где живет блаженный епископ Афанасий. Когда же объявлено было о смерти императора Констанция и слух о том дошел до Афанасия, он облекся в светлые одежды и ночью опять явился в церкви. Увидев его, все пришли в изумление и думали, что он воскрес из мертвых. Друзья между тем жаловались, что, по незнанию, они не могли найти его убежища. Блаженный в оправдание свое говорил искренним своим друзьям и знакомым: «Я для того не укрылся у вас, чтобы вы могли справедливо поклясться, что не знаете моего местопребывания, а, с другой стороны, я опасался обысков, а у нее укрылся потому, что никто не мог подозревать меня в этом по причине ее красоты и молодости. Таким образом я соблюл две выгоды: послужил и ее спасению и сохранил собственную честь и безопасность».

Об Аматалиде

В городе Антинои есть двенадцать женских монастырей, где ведут жизнь богоугодную. Там видел я рабу Божию по имени Аматалида, старицу, восемьдесят лет пребывавшую в подвижничестве, как сказывала она сама и другие, с нею жившие. С нею жили шестьдесят отроковиц, которые под руководством сей доброй старицы свято проходили поприще подвижничества. Все они весьма любили ее, безвыходно удерживаемы были в монастыре безмерною любовию к ней и святыми ее наставлениями постепенно усовершались в целомудрии. Старица достигла такой степени бесстрастия, что, когда пришел я к ней и сел, она, пришедши, села подле меня и, по избытку дерзновения во Христе, возложила на мои плечи свои руки.

О девственнице Таоре

В том же монастыре тридцать уже лет жила девственница, именем Таора, ученица той старицы. Она никогда не хотела взять ни новой одежды, ни нарамника, ни обуви, говоря: «Я в этом не нуждаюсь, иначе принуждена буду выйти». И в самом деле, когда прочие сестры по господским праздникам собирались в церковь для причащения, она в рубище безвыходно сидела в келии за своим делом. Лицо ее было так благообразно, что даже самый твердый человек, находясь близ нее, мог бы соблазниться ее красотою, если бы она не имела превосходного страха в целомудрии и своею скромностию не приводила в стыд и страх даже самое бесстыдное око.

Об одной девственнице и Коллуфе

Была и другая истинная девственница, бдительно исполнявшая дело подвижничества

Была и другая истинная девственница, одительно исполнявшая дело подвижничества. Она жила не в дальнем расстоянии от меня, но я не видел ее в лицо, ибо, как говорили знавшие ее, она никогда не выходила из келии – с тех пор, как отреклась от мира,– и шестьдесят лет провела в подвижничестве вместе со своею матерью. Когда же наконец пришло время перейти ей из сей жизни в жизнь нетленную, явился ей прославившийся мужеством в том месте святой мученик Коллуф и сказал: «Сегодня ты пойдешь к своему Господу и узришь всех святых. Итак, приди разделить вместе с нами трапезу в монастыре». Блаженная, вставши рано поутру, оделась, положила в свою корзину хлеба, оливок и немного овощей и после столь многолетнего своего затворничества отправилась в храм мученика. Здесь она помолилась, села и целый день выжидала удобного времени для вкушения. В девятом часу, когда уже пришло время вкусить пищу и в храме никого не было, она выложила снеди и обратилась к мученику со следующею молитвою: «Благослови, святой Коллуф, снеди мои, и да сопутствуют мне молитвы твои». После сего, севши, вкусила, потом, еще помолившись, пришла домой около захождения солнца и вручила своей матери толкование строматописца Климента (имеется в виду Климент Александрийский.– *Ред.*) на пророка Амоса со следующими словами: «Передай это епископу, посланному в заточение, и скажи ему, чтобы он молился обо мне, ибо я отхожу ко Господу». В ту же ночь она скончалась. Не страдавши ни горячкою, ни головною болью, она сама себя приготовила к погребению и предала дух в руки Божии.

Об оклеветавшей одного чтеца

Дочь одного пресвитера в Кесарии Палестинской, девица, пала и научена была соблазнителем своим оклеветать чтеца сего города и на него сложить вину своего срама. Сделавшись беременною, она на расспросы отца своего наименовала чтеца. Услышав это и пришедши в смущение, пресвитер донес епископу, а епископ немедленно созвал церковный совет. Призвали чтеца и стали расспрашивать его, как было дело. Чтец, будучи допрашиваем епископом, не сознавался. И мог ли он сознаться в том, чего не сделал? Разгневанный епископ строжайшим голосом сказал ему: «Так ты не признаешься в преступлении и не раскаиваешься, несчастный и исполненный нечистоты?». «Клянусь тебе,– отвечал чтец,– я сказал сущую правду, что не имею участия в этом деле; я не виновен даже и в помысле о ней. Если же вам хочется, чтобы я сказал то, чего на самом деле не было, то – виноват». Когда он сказал это, епископ отрешил его от должности чтеца. После сего чтец бросился к ногам епископа и стал умолять его: «Если за то только, что я сказал: “Да, я пал с нею”, ты, владыко, рассудил лишить меня почетной степени и признал недостойным должности клирика при твоей святости, то повели, чтобы отныне она выдана была в жену мне, ибо и я теперь уже не клирик, и она не девица». Выслушав сие, епископ и пресвитер, отец этой девицы, согласились отдать ее за чтеца в той мысли, что юноша крепко привязан к ней и уже не может оставить связи своей. Юноша, приняв ее в руки от епископа и отца ее, уговорил ее следовать за ним в женский монастырь и упросил настоятельницу оного держать ее до разрешения от бремени.

Оставивши девицу в монастыре, сам чтец заключился в нечистую келию и стал вести жизнь крайне суровую, припадая ко Христу с сокрушенным сердцем, со многими слезами и стенаниями. «Ты знаешь, Господи, мои дела,– говорил он,– потому что Ты знаешь все и от Тебя ничто не сокрыто. Нет ни одного тайного места, в котором бы можно было укрыться от Твоей всепроницающей силы. Ты знаешь все, прежде нежели что случится. Ты один зришь глубины помышлений и всякое движение мысли видишь ясно. Ты строгий испытатель всего, что таится в душе, и Судия Праведный. Ты помощник обидимых. Ты Сам защитник оклеветаемых, недоступный никакому обману, ибо всякая неправда Тебе не угодна и весы правды Твоей всегда склоняются на сторону справедливости. Тебе всегда присущ свет неприступный, и всякое дело человека совершается в очах Твоих! Итак, Твоему праведному и неизменяемому суду предлежит открыть и мою правду».

Между тем как юноша прилежно молился и с терпением пребывал в посте, уже приближалось для девицы время родов, а когда настало это время, начал открываться и праведный суд Божий, который подверг клеветницу жестокому и нестерпимому страданию. Безмерное множество стенаний, несказанные муки рождения, страшные видения адских мук сильно терзали несчастную: младенец не выходил из чрева. Прошел день, другой – муки становились несноснее; настал третий, четвертый – мучение в тысячу крат стало тяжелее; затем следовал день пятый, шестой и самый тяжкий седьмой, и

крат стало тяжелее, затем следовал день пятый, шестой и самый тяжкий седьмой, и несчастная от сильного мучения была при дверях смерти. Во все дни она и пищи совсем не принимала, и сна нисколько не имела. Но вслед за болезнями рождения, беспрестанно возраставшими с новою силою, по молитвам юноши преклонилось наконец сердце грешницы и лжесвидетельницы, доселе не преклоненное неимоверными страданиями. Она призналась, и признание ее сопровождалось жалобными воплями. «Увы мне несчастной! – вопияла она.– Мне предстоит опасность погибнуть – мне, отягченной двумя грехами: клеветою и блудом; погубила я свое девство и отдалась на позор; меня осквернил другой, а я обвинила чтеца». Услышав сие, девственницы монастыря обо всем объявили отцу ее. Отец, опасаясь, чтобы не признали его участником в клевете, не поверил сказанному и умолчал обо всем. Но праведный суд Божий, все открывающий, продолжал поражать несчастную непрестающими скорбями. Когда она уже не в силах была переносить борьбу между жизнию и смертию, а между тем не переставала мучиться, настает восьмой день, потом девятый, которые покрыли несчастную глубочайшею тьмою неутихающих мук.

Сильные вопли ее стали наконец невыносимы для окружавших ее, и они поспешно дали знать епископу, что вот уже теперь девятый день, как такая-то признается, что она напрасно обвинила чтеца и потому не может родить, что оклеветала его. Епископ, выслушав девственниц, послал к чтецу двух диаконов объявить ему о всем и сказать, чтобы он помолился об избавлении несчастной жены от мучения. Но твердый юноша не дал им ответа и даже не отворил дверей. Со времени удаления в келию он постоянно выполнял обычное правило поста и молился Богу. Наконец отец сжалился над своею дочерью и, пришедши к епископу, неотступно просил его принести о ней молитвы в церкви. Но, когда и всеми совершена была молитва ко Господу, и тогда несчастная не избавилась от мучения, ибо молитвы оклеветанного о его оправдании, преклоняя Господа, препятствовали услышанию молитв церкви.

При таких обстоятельствах епископ решился сам идти в келию, в которой находился чтец, и, когда он стал стучаться в дверь, чтец не хотел ему отпереть. Епископ, долго простояв за дверью, тогда как тот находился внутри, приказал наконец снять двери. Нашли юношу в усердной молитве, простертым на земле, и епископ, после долгих увещаний, поднял его и сказал: «Брат, чтец Евстафий! По смотрению Божию, клевета открыта, молитвы твои услышаны; сжалься же над согрешившею пред тобою, которая измучилась от тяжких страданий; прости ей грехи, ибо по твоим молитвам она терпит сие; скажи ко Господу, да разрешит ее от бремени». Когда же достопочтенный чтец усердно помолился вместе с епископом, нечастная тотчас освободилась от мучения, родила дитя и стала просить всех, чтобы простили ей беззаконие ради молитв праведника, которого за мужество с сих пор все ставили в чине мучеников, ибо, сложив с себя все заботы, он восшел на такую высоту добродетели, что удостоился дара духовного.

Сие написал я, чтобы за клевету никто не попал в сети врага и не подвергся несносным страданиям в сей жизни, как случилось с упомянутою лжесвидетельницею, а по отрешении от плоти чтобы не был предан мукам вечным и нескончаемым, ибо клеветник прогневляет Бога. А кто, будучи оклеветан, терпит благодушно и молитвою достигает обнаружения клеветы в ожидании праведного суда Божия, тот, подобно оному чтецу, увенчанному Христом, и здесь, сколько можно, прославится и удостоится вечных венцов. Итак, познаем верно непобедимую силу молитвы, которая утверждает верующих, милует грешников, помогает упражняющимся в добродетели, преодолевает всякое создание, преклоняет Создателя всех, доставляет венцы провождающим благочестивую жизнь, обличает клеветников и дарует Царствие Небесное тем, которые с твердостию терпят клевету.

О Сальвии

В это время случилось, что нас, несколько братий, отправилось из Элии в Египет, чтобы проводить блаженную деву Сальвию, сестру эпарха Руфина. С нами был Ювин, тогда еще диакон, а теперь уже епископ Церкви Аскалонской,– муж благочестивый и ученый. Когда мы пришли в Пелузию, стало чрезвычайно жарко, и Ювин, взяв рукомойник, вымыл себе холодною водою руки и ноги, потом разостлал на земле кожу и прилег отдохнуть. Заметив это, блаженная Сальвия, как умная мать, заботящаяся о родном сыне, стала упрекать его, что он нежит свое тело, и сказала: «Зачем в таких летах, когда сила кипит в тебе кровь, ты нежишь свое тело, как будто не знаешь, какой может быть от

еще кипит в тебе кровь, ты нежишь свое тело, как будто не знаешь, какой может быть от этого тебе вред? Поверь сын, продолжала она, вот теперь мне уже шестьдесят лет, а я, кроме оконечностей пальцев, и то когда только готовилась к Причащению, не умывала ни лица, ни ног, ни другой какой части тела. Когда мне случалось страдать от различных недугов и врачи принуждали меня пользоваться банею, я не решалась отдать долг плоти, не ложилась спать на постель, не позволяла в дороге носить себя на носилках».

Сальвия была весьма учена, любила божественные книги, ночи обращала в дни, употребляя на освещение множество масла, и перечитывала все сочинения древних толковников, в числе которых – три миллиона объяснительных стихов Оригена, двести пятьдесят тысяч – Григория, Пиерия, Стефана, Василия и других ученых. Она не пробегала их только, как случилось, но с большим вниманием прочитывала каждую книгу раз семь или восемь. Чрез это, освободившись от лжеименного знания, она сперва окрылилась благодатию Божиею, потом силою духовных слов и благих надежд. Таким образом, сделав себя духовною птицею и пролетев сквозь мрак этой жизни, она воспарила ко Христу, чтобы принять от Него бесконечные награды.

Об Олимпиаде

По стопам ее шла и всем добродетелям святой духовной жизни ее подражала достохвальная Олимпиада, которая с великою ревностию восходила по пути, ведущему на Небо, и во всем последовала правилам Божественного Писания. По плоти была она дочерью проконсула Селевка, а по духу – истинным чадом Божиим, внучкою эпарха Авлавия и несколько дней невестою Невридия, эпарха константинопольского, в самом же деле ни за кого не вышла замуж. Говорят, что до самой смерти она пребыла непорочною девою, сожительницею Божественного слова, союзницею истинного смиренномудрия, щедрою помощницею всех нуждающихся. Она раздала все свое чрезвычайно большое богатство и помогала просто всем без различия. Ни город, ни деревня, ни пустыня, ни остров, ни отдаленные страны не были лишены щедрот этой славной девы. Она давала и церквам на священные потребы, помогала монастырям, общежительным обителям, богадельням, темницам, находящимся в изгнании, и вообще рассылала милостыни по всей вселенной. Блаженная дошла до последней степени смирения, далее которого нельзя было достигнуть: жизнь без тщеславия, открытая наружность, нрав искренний, лицо без всяких прикрас, изможденное тело, скромный ум, чуждый гордости рассудок, безмятежное сердце, неусыпное бодрствование, непытливый дух, безмерная любовь, необъятная благотворительность, бедная одежда, чрезмерное воздержание, устремленная к Богу мысль, вечные надежды, неизобразимые дела милосердия – вот ее украшение!

Она претерпела много искушений от действия того, кто по своей воле зол и чужд всякого добра; немало подвизалась в брани за Божественную истину; дни и ночи проводила в безмерных слезах; *повиновалась всякому созданию человечу Господа ради* (ср.: 1 Пет. 2, 13); со всяким благочестием покорялась своим епископам, почитала священство, уважала клир, благоговела пред подвижничеством, принимала дев, помогала вдовам, питала сирот, охраняла старцев, посещала больных, плакала с грешниками, возвращала на путь заблудших, о всех соболезновала, бедным обильно благодетельствовала, многих жен, бывших за язычниками, наставляла в вере, давала им средство к пропитанию и всею жизнию оставила по себе вечно незабвенное имя благодетельницы. Выкупив из рабства на волю бесчисленное множество рабов, она сделала их равночестными своему благородству, а, вернее сказать, по одежде они казались благороднее этой святой, ибо едва ли можно найти одежду беднее той, какую она носила. Одежда сей святой девственницы даже одетым в изодранное рубище показалась бы ничего не стоящею. Кротость ее была такова, что превосходила простоту самых детей. Никто из близких к ней никогда не замечал, чтобы эта христоносица порицала кого-нибудь. Вся тягостная жизнь ее прошла в сокрушении сердечном и в обильном излиянии слез; скорее можно было видеть во время зноя источник без воды, нежели ее поникшие, всегда созерцавшие Христа очи без слез.

И что я говорю? Чем более останавливаюсь мыслию на рассказе о подвигах и добродетелях этой твердой, как камень, души, тем далее слова мои остаются позади дел ее. И да не подумает кто-нибудь, что я приукрашенно говорю о бесстрастии достохвальной Олимпиады, которая вся была многоценным сосудом Святаго Духа. Я своими глазами видел жизнь и ангельский нрав сей блаженной девы, как духовный и искренний ее друг и

ближайший родственник, так что она поручала мне раздавать свое богатство. При всем своем богатстве она нисколько не заботилась о плоти своей, слушалась начальства, повиновалась властям, покорялась епископам, чтила пресвитеров, уважала весь клир и удостоилась исповедничества в борьбе за истину, подвергшись многим бурям тяжких обвинений. Все благочестивые жители Константинополя считают ее по жизни между исповедницами. В подвигах, подъятых для Бога, она нашла себе смерть и, скончавшись в них, стяжала блаженную славу, увенчана и торжествует в бесконечном веке вместе с богоугодными, подобными ей душами, навеки водворилась в нетленных обителях и за благие дела от Господа Бога восприемлет награды.

О Кандиде

По следам Олимпиады так же достойно Господа проводила жизнь блаженная Кандида, дочь военачальника Трояна. Она достигла высокой чистоты, прилично украшала церкви, из благоговения к Христовым Таинствам чтила епископов, уважала, как следует, весь клир Христов и, наставив в вере свою дочь, причислила ее к лику дев, как дар Христу из своих недр. Напоследок и сама она целомудрием, чистотою и раздаянием богатства последовала за своею дочерью. Я видел, что эта доблестная жена для изможения плоти трудилась по целым ночам, молола муку своими руками и пекла просфоры. «Так как один пост еще недостаточен,– говорила она,– то я присоединяю к нему изнурительное бдение, чтобы сокрушить похотливость Исава». Она вовсе не употребляла в пищу мяса животных, но ела только рыбу, масло и овощи, а и это лишь по праздникам; во всякое же другое время довольствовалась водою, смешанною с уксусом и сухим хлебом. Проведши такую суровую жизнь, сия достославная жена почила блаженным успокоением и теперь наслаждается вечными благами, уготованными для возлюбивших жизнь добродетельную.

О Геласии

Подобно сей добродетельной жене, с ревностию проходила путь бессмертия и благочестно несла иго девства славная Геласия, дочь одного трибуна. Сей отличной жене приписывают ту добродетель, что солнце никогда не заходило во гневе ее на раба, или на служанку, или на кого другого. Избежав пути памятозлобия, ведущего к вечной смерти, блаженная прошла путем, который приводит в жизнь вечную.

О Юлиании

Одна девица, именем Юлиания, в Кесарии Каппадокийской считалась ученейшею и усерднейшею в вере. Она приняла к себе Оригена, писателя, когда он бежал от гонений язычников, и на собственном иждивении тайно укрывала его у себя два года, питая его от своих трудов. Я нашел это в древней книге, написанной стихами рукою Оригена. Книгу эту отыскал я в Кесарии у девицы Юлиании, когда сам скрывался у нее. Она говорила, что получила ее от Симмаха, толковника иудейского.

Я изложил добродетели этих славных жен не без цели, но чтобы знали мы, что из разных случаев, если захотим, можно извлекать многоразличную пользу.

Рассказ Ипполита, друга апостольского

В другой книге, надписанной именем Ипполита, друга апостольского, я нашел следующий рассказ. В Коринфе была одна благороднейшая и прекраснейшая дева, подвизавшаяся в жизни добродетельной. Во времена гонителей ее оклеветали пред тогдашним судиею-язычником, будто она худо отзывалась о тогдашних временах, о царях и идолах. Торгующие развратом сверх того выставили на вид женолюбивому и нечестивому

судие ее красоту, и он скотскими ушами и похотливыми помыслами охотно принял обвинение. Когда же дева была приведена к этому злодею, он еще более вознеистовствовал похотию. Нечестивец обратил против нее все свои ухищрения, но, не могши склонить рабу Божию, подверг ее различным мучениям. Встретив и здесь неудачу и не имея сил отклонить ее от исповедания Христа, пылавший страстию к ней варвар предал ее такому поруганию: он отослал целомудренную деву в бесчестный дом и велел сказать его содержателю: «Прими ее и ежедневно доставляй мне за нее три златницы». Содержатель, добывавший золото постыдным делом, стал предлагать ее в своем непотребном доме кому угодно. Узнав об этом, люди распутные, подобно коршунам, бросились в непотребный дом, отдавали деньги за сквернодейство и хотели склонить ее к растлению. Но целомудренная дева отклоняла обольстительные их речи и усильно упрашивала их оставить свои намерения, называя себя больною. Они верили ее словам, и блаженная удалила от себя на несколько времени неистовых, а сама обратилась к Богу с усердными молитвами и сокрушенною мольбою преклонила Его к милосердию. Бог Сердцеведец видел, как от всего сердца целомудренная дева берегла свою непорочность и, как Хранитель спасения всех людей, устроил в сии дни следующее.

О Магистриане

Один юноша, именем Магистриан, прекрасный по наружности, благочестивый по душе, воспламененный от Бога духовною ревностию до презрения смерти, под предлогом распутства в глубокий вечер вошел к содержателю дома и, давши ему пять златниц, сказал: «Позволь мне пробыть ночь с сею девою». Вошед с нею в особую комнату, он сказал ей: «Встань, спасайся,– и, сняв с нее одежду, надел на нее свое платье, тунику, плащ и все мужское и сказал ей: – Закройся полою плаща и выйди». Она так и сделала и, всю себя оградив знамением креста, вышла из сего места нерастленною, неоскверненною и совершенно спасена была благодатию Христовою и старанием юноши, который собственною кровию освободил ее от бесчестного растления. На следующий день дело было узнано и Магистриан приведен к жестокому судие. Нечестивый подверг допросу славного мученика Христова и, узнавши все, приказал бросить его зверям, чтобы и в этом посрамлен был диавол, ненавистник всякого добра, ибо, думая подвергнуть мужественного юношу постыдному наказанию, он сделал его вдвойне мучеником Христовым. Магистриан и за свою бессмертную душу мужественно подвизался, и за славную и блаженную деву доблестно перенес страдания, потому и удостоился двоякой чести от Христа и славных блаженных венцов от Его человеколюбия.

О жене одного сановника

Помню я еще одну историю, которую полезно пересказать. Говорят, что гонитель Магнентин, имея преступные связи со многими язычницами, старался завести такие же с христианками. Но последние желали лучше умереть, чем продать свое целомудрие. Когда Магнентин прибыл в один город, ему понравилась жена одного советника при градоначальнике. Устрашенный муж ее сказал Магнентину: «Пошли, возьми ее». За нею присланы были солдаты, но она сказала им: «Погодите немного, пока я займусь обычными своими нарядами». Она пошла в спальню, взяла меч и пронзила им свое чрево. Слушайте и устыдитесь, девы, признающие себя невестами Христовыми и изменяющие Ему своими нечистыми вожделениями. Да дарует Господь каждому из нас хранить целомудрие и восклицать с Псалмопевцем: *Пригвозди страху Твоему плоти моя, от судеб Твоих убояхся* (Пс. 118, 120) – и с апостолом: *Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Да будет дано и вам говорить с целомудрием: *Аз брату моему и брат мой мне* (Песн. 6, 2).

Видели мы и других отцов и монахов по всему Египту, которые совершали много знамений и чудес. О них мы не упомянули по причине многочисленности их, но сказали малое вместо многого. Ибо что сказать о Верхней Фиваиде, в которой есть мужи досточудные, есть бесчисленное множество монахов, которых житию иной и не поверит – так оно превосходит обыкновенный образ людской жизни? Они даже и теперь воскрешают

так оно превосходит обыкновенный образ людской жизни? Они даже и теперь воскрешают мертвых и ходят по водам, подобно Петру. Все, что сделал Спаситель чрез святых апостолов, они совершают и в настоящее время. Но мы не решились видеться с сими святыми мужами по той причине, что если бы перешли за Ликон, то нам предстояла бы большая опасность со стороны разбойников. Даже и тех отцов, о которых сказано, мы видели не без опасности; не без труда также видели и святых жен, но наперед должны были много вытерпеть и даже подвергали опасности жизнь, чтобы видеть их.

Семь раз мы едва не лишились жизни, а в восьмой один только Бог сохранил нас от смерти, ибо однажды пять суток ходили мы по пустыне и едва не умерли от голода и жажды. В другой раз мы попали в гнилые болота, наполненные острыми каменьями, и изранили себе ноги так, что боль была несносная, и едва не погибли от холода. В третий раз мы увязли в грязи по самые чресла, и некому было нас вытащить. Тогда мы воскликнули с блаженным Давидом: *Спаси мя, Боже, яко внидоша воды до души моея. Углебох в тимении глубины, и несть постояния... Спаси мя да не углебну* (Пс. 68, 2–3, 15). В четвертый раз мы четыре дня ходили по воде, когда она в большом количестве стояла при разлитии Нила, так что при устье его совсем было потонули. Тогда мы воскликнули: *Да не потопит мене буря водная, ниже да пожрет мене глубина* (Пс. 68, 16). В пятый раз попались мы разбойникам на морском берегу, когда шли в Диолк. Они хотели нас поймать и гнались за нами до тех пор, пока наконец мы едва могли переводить дух, ибо они гнались за нами десять тысяч шагов. В шестой раз, во время плавания по Нилу, мы едва не потонули. В седьмой раз, когда мы были на озере Мареотидском, на берегах которого родится хлопчатая бумага, нас выбросило на один небольшой безлюдный остров – тут мы пробыли трое суток под открытым небом и много терпели от стужи и дождя, так как это было пред самым Богоявлением. О восьмом бедствии излишне было бы пересказывать, хотя и не бесполезно. Когда мы шли в Нитрийскую гору, в этой стороне была большая яма, в которой осталось много крокодилов после того, как вода ушла с полей. Подошедши к этой яме, мы на краю ее увидели трех крокодилов и подумали, что они мертвые. Но крокодилы вдруг бросились на нас. Мы громко возопили: «Христе! Помоги нам!». И тотчас, как будто Ангел остановил зверей, и они бросились в воду, а мы быстро побежали в Нитрийскую гору и припомнили слова Иова: *Седмижды от бед измет тя, в осмем же не коснеттися зло* (ср.: Иов 5, 19). Благодарим Господа, Который избавил нас от стольких опасностей и сподобил видеть много великого.

О некоем жившем со мною брате

Скажу несколько слов о брате, который жил со мною от юности и живет до сих пор, и потом окончу свою речь. Узнал я, что он с давнего времени проводил самую добродетельную жизнь с ревностию и обуздывал страсти. Знаю верно, что он и ел не с жадностию, да и постился не чрезмерно, победил, мне кажется, страсть к сребролюбию, весьма далек был от тщеславия, довольствовался всегда тем, что есть, не украшался одеждами, благодарил, когда ему оказывали презрение или неуважение, подвергался опасностям за искренних друзей, терпел искушения от тысячи и более демонов. Однажды встретился с ним демон и сказал ему: «Дай мне слово согрешить хотя однажды и только назови какую-нибудь богатую и благородную жену – я тотчас приведу ее к тебе». В другой раз демон хульный, нападавший на него в продолжение четырнадцати суток, как он сам мне сказывал, ночью потащил его за ногу и мужским голосом сказал: «Не кланяйся Христу, и я не стану приступать к тебе». А он отвечал: «По тому самому и буду кланяться Ему и славить Его, что ты Его ненавидишь; всегда буду просить Его и, пока во мне дух, не престану молиться Ему, потому что для тебя ненавистно служение Богу».

Обошедши сто шесть городов и во многих пробыв долгое время, он, по милости Христовой, не испытал искушения от жены, даже и во сне, кроме того, что боролся с демоном блуда. Мне известно, что он три раза, имея нужду в пище, получал ее из рук святых Ангелов. Находясь однажды в самой дальней пустыне и не имея с собою совершенно никакой пищи, нашел он три теплых хлеба в милоти, в другой раз – ячменные хлебы, а в третий – вино и хлебы. Известно мне также, что, когда у него не было продовольствия, он услышал голос Ангела: «Поди возьми у такого-то человека масла и хлеба». И он, нисколько не усомнившись, пошел, к кому был послан. А этот человек, увидев его, сказал: «Ты не такой-то ли монах?». «Да, я тот самый»,– отвечал он. После сего тот объявил, что хозяин дома приказал дать ему тридцать мер пшеницы и двенадцать

сего тот объявил, что хозяин дома приказал дать ему тридцать мер пшеницы и двенадцать секстариев масла. Таким человеком, каков был этот и каким я знал его, могу похвалиться. Знаю, что он плакал о людях, от бедности находившихся в нужде и в недостатке, и отдавал им все, что имел, кроме разве своего тела. Знаю, что он плакал и о грешниках и своими слезами приводил их к покаянию. Он мне сказывал однажды: «Я просил Бога, чтобы Он не наказывал никого, особенно злых богачей, ради того, что они дали мне нечто нужное для пропитания».

Заключение

Довольно с меня, что я удостоился, по милости Божией, все это упомнить и передать письменно, ибо, думаю, не без воли Божией ты возымел благую мысль приказать моей немощи написать эту книгу и передать письменами жизнь святых и блаженных отцов. А ты, вернейший раб Христов, почтенный Лавс, более всех любезная и близкая мне глава, усердно читая эту книгу, чрез познание добродетельного жития знаменитых подвижников, их деяний, трудов, терпения и такой строгой жизни, доставишь немалую пользу бессмертной душе своей в день воскресения праведных. Следуй им ревностно, питаясь благим и нетленным упованием и смотря всегда на будущие дни как на кратчайшие в сравнении с прошедшими; молись и за меня, сохраняя себя безукоризненным и честным, каковым я тебя знаю, каковым ты был для меня со времени консульства Тациана до сего дня, когда я нашел тебя еще лучшим, почему и сделали тебя начальником (постельничим.– *Ред*.) при ложе благочестивейшего царя. В ком и такое почетное место, и такое богатство, и власть не ослабили страха Божия, тот вполне принадлежит Христу, Которому сказал диавол: *…сия вся Тебе дам, аще пад поклонишимися*. Но его посрамил Господь, сказав: *…иди за Мною* (Мф. 4, 9–10). Подражая Ему, и ты отверг льющееся на тебя богатство и преходящую славу настоящей жизни и возжелал небесной бессмертной жизни и вечного Царства, постоянной славы и неизреченных благ, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9), которых наследниками да соделает Господь и нас со всеми святыми патриархами, пророками, апостолами, мучениками и святыми мужами, упомянутыми в этой книге, по благодати Самого Спасителя нашего – Христа, с Которым слава Отцу и Святому Духу во веки веков. Аминь.

Примечания

4